

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2017

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovvet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.В. Козловская. «Что есть термин этимологически и семасиологически?»: лингвофилософская интерпретация понятия «термин» в работах русских мыслителей начала XX века.....	7
М.И. Мехеда. Речевая экономия как один из мотиваторов словотворчества в русской разговорной речи	17
М.А. Воронкина. Оценочные компоненты ведийской литературы	27
О.А. Фарафонова. Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова»	39
К.В. Синегубова. Лирический поиск в «Разных стихотворениях» Д. Самойлова.....	47
М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Актуализация концепта <i>LAWYER</i> в произведениях Джона Гришэма: базовые концептуальные признаки	58
А.В. Кочкинекова. Проявление фасадности в англоязычной культуре	75
Н.К. Данилова. Эпический мир и «сакральная топография» у долган.....	85

Научные сообщения

С.В. Доронина. Крабы, креветки, кальмары и грамматическая категория одушевленности	97
Л.А. Мисиева. Языковая символика в аварских гендерных фразеологических единицах	106
Е.Н. Гуренчик. Опыт дискурс-анализа телевизионного выступления президента Франции в контексте террористического кризиса	113
М.А. Широкова. Власть и свобода в мировоззрении А.С. Пушкина	121
М.П. Гребнева. Поэтика демонической темы в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»	129
Ю.В. Кузина. Лингвокультурный типаж «рыцарь» в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz» и ее русскоязычных аналогах: опыт сопоставительного исследования....	136

С.С. Корчагин. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок»	145
---	-----

Проблемы филологического образования

А.П. Кашкарева. Проблемы преподавания творчества Н.С. Лескова в школе и вузе (на примере повести «Леди Макбет Мценского уезда»).....	152
---	-----

Критика и библиография

С.В. Андреева. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2015. 404 с.....	162
Е.Ю. Позднякова. Рецензия на учебное пособие для студентов неязыковых специальностей «Грамматика английского языка в схемах и таблицах (Useful Schemes for English Grammar. Exercise book). Часть 1. Сост.: С.А. Осокина. Барнаул, 2016. 74 с.....	167

Филология: люди, факты, события

Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин. Филологи России и Казахстана выполняют уникальный проект: к итогам VIII заседания Международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Концепция проекта «Риторика: учебная книга для магистратуры по направлению “Филология” вузов сопредельных территорий России и Казахстана»	169
Резюме	174
Наши авторы	188

CONTENTS

Articles

N.V. Kozlovskaya. The definition of the Terms Etymological and Semasiological: Linguistic and Philosophical Interpretation of the Notion Term by Russian Philosophers, early 20 th century.....	7
M.I. Mekheda. Speech Compression as a Source of Word Formation in the Russian Language	17
M.A. Voronkina. Evaluative Components of the Vedic Literature	27
O.A. Farafonova. Specificity of «an Alien» Image in <i>The Adventures of the Ensign Klimov</i>	39
K.V. Sinegubova. Lyrical Search in «Different Poems» by D. Samoylov	47
M.I. Abdyzhaparova, T.V. Fedosova. Actualization of the Concept <i>LAWYER</i> in Literary Work of John Grisham: Basic Conceptual Attributes	58
A.V. Kochkinekova. Façadness Manifestation in the English Language Culture	75
N.K. Danilova. Epic World and «Sacral Topography» of Dolgans	85

Scientific reports

S.V. Doronina. Crabs, Shrimp, Squid and Grammatical Category of Animateness	97
L.A. Misieva. The Language Symbolism in the Avar Gender Phraseological Units.....	106
E.N. Gurechik. The Experience of Discourse	113
M.A. Shirokova. Power and Freedom in the World View of A.S. Pushkin	121
M.P. Grebneva. The Poetics of Demonic Theme in the Novel by M.Y. Lermontov «Vadim».....	129
Y.V. Kuzina. Comparative Research of the Linguocultural Type the Knight in L.F. Baum's Fairy Story «The Wonderful Wizard of Oz» and its Russian Analogues	136

S.S. Korchagin. Specific Localization of On-screen Texts in the Original «Sherlock» Television Series and Their Russian Translations.....	145
--	-----

Problems of philological education

A.P. Kashkareva. The Problems of Teaching N.S. Leskov’s Creative work at School and University (based on «Lady Macbeth of Mtsensk»)	152
--	-----

Critics and bibliography

S.V. Andreeva. <i>Viktorova E.Y.</i> «The Supplementary System of Discourse ». Saratov: «Publishing Center “Nauka”», 2015. 404 p	162
E.Y. Pozdnyakova. Review on Textbook for Students of Non-linguistic Specialties «English Grammar in Charts and Tables (Useful Schemes for English Grammar. Exercise book). Part 1. Comp.: S.A. Osokina. Barnaul, 2016. 74 p.	167

Philology: people, facts, events

T.V. Chernyshova, A.A. Chuvakin. Russian and Kazakh Scholars are Accomplishing a Unique Project: On the Outcomes of the 8th Seminar «Philology and Communication Science: Ways of Cooperation». The Concept of the Project «Rhetoric: a Course book for the Master’s Program in “Philology” for Universities on Border of Russia and Kazakhstan».....	169
Summary	174
Our authors	188

СТАТЬИ

«ЧТО ЕСТЬ ТЕРМИН ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИ?»: ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН» В РАБОТАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

Н.В. Козловская

Ключевые слова: термин, философская трактовка термина, системность, антиномичность, слово-мысль, термин как орудие и объект познания.

Keywords: term, philosophical interpretation of the term, consistency, antinomic aspect, idea, the term as a tool and an object of cognition.

В название статьи вынесена цитата из фундаментального труда П.А. Флоренского «У водоразделов мысли». Фраза, написанная чуть больше ста лет назад, звучит удивительно современно. Вопросы, связанные с содержательной структурой термина и с его лингвистической спецификой, не потеряли своей актуальности и сегодня – тем интереснее обратиться к лингвистическим штудиям русских философов, которые первыми сформулировали ключевые проблемы термина, терминологии и терминосистемы.

Отметим, что исходный пункт развития терминоведения принято связывать с появлением в конце 20-х годов XX века работ австрийского ученого О. Вюстера. Российское терминоведение как наука начинается формироваться в 30-е годы XX века (работы Э.К. Дрезена и Д.С. Лотте). Таким образом, первая четверть XX века – время первых поисков сущности термина как особой единицы языка.

Современное терминоведение во многом опирается на идеи русских мыслителей, сформулированные ими на рубеже XIX – XX веков в связи с активным поиском философских оснований естественно-

научного знания. Первые терминоведческие наблюдения, хоть и не содержат еще «терминоведческого аппарата» в полном смысле этого слова и опираются на философские категории, способствовали оформлению метаязыка формирующейся области языкознания.

Предпосылками формирования философии терминоведения в России начала XX века Л.М. Алексеева называет достижения научной мысли, к которым относятся, в частности, теорема о неполноте или противоречивости логических исчислений, открытие нелинейных пространств, проблема континуума, допущение неопределенности, распространившееся затем в науке в виде принципа дополнительности; открытие релятивного движения атома и вторичного квантования и т.д. Ещё одной предпосылкой осмысления природы термина Л.М. Алексеева называет развитие психологической теории К.Г. Юнга, который ввел понятие архетипов, функционирующих в сознании как инстинкты представления. Описание процесса вербализации обыденного знания во многом предвосхитило лингвистический анализ процесса терминологизации научной мысли [Алексеева, 2010].

Добавим, что важнейшим импульсом для осмысления природы термина как языковой единицы стало «построение систем» (термин В.В. Зеньковского) в отечественной философии. Философский язык становился развивающейся стилистической системой со своей собственной терминологией, о чем свидетельствует, в частности, появление в 1904 году «Философского словаря» Э.Л. Радлова. Не случайно Г.Г. Шпет охарактеризовал развитие русской философии в конце XIX века как «новый взлет культурно-исторической волны» [Шпет, 2007, с. 355]: философия не только начала определяться как университетская дисциплина со своим понятийным аппаратом, но стала осознаваться как один из важнейших факторов духовного и идеологического единства общества того времени.

По данным Л.М. Грановской, именно в это время русские философы «включают в научный язык и речевую практику ряд новых терминов: византизм (в учении К.Н. Леонтьева <совокупность принудительных начал в человеческом обществе>), моральный аморфизм (Вл. Соловьев), инфинизм (И.И. Лапшин), монодуализм (Н.Я. Грот), беспочвенность (Л. Шестов), философия (Григ. Ландау) и др. Некоторые из них заимствуются из переводной литературы: безусловное тождество, абсолютная идея (Гегель), эмпириокритицизм, интроспекция (Р. Авенариус), имморализм (Ницше), инспирация (Р. Штейнер), пантеизм (объединение теизма и пантеизма – термин К. Краузе, введен С.Н. Булгаковым) и широко комментируются» [Грановская, Алиев, 2013, с. 4].

Философские понятия термируются, и философские термины начинают осознаваться единицами языка для специальных целей. Так, Н.А. Бердяев в статье «Душа России» (1915) пишет: «В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, приводящим извне» [БибЛекс, 2016].

Мысль об авторском характере философской терминологии отчетливо звучит в итоговом труде Н.А. Бердяева «Самопознание». Анализируя роль своей ранней книги «Философия свободы» (1911), автор говорит о своей неудовлетворенности тем, какое выражение получила идея свободы в этой работе: «Терминология в ней недостаточно выработана» [БибЛекс, 2016]. Через несколько страниц вновь подчеркивается мысль о важности точной терминологии для развития философского мировоззрения: «Я остался верен основной идее “Смысла творчества”. Философски я даже очень усовершенствовал выражение своей мысли, более определил терминологию» [БибЛекс, 2016].

Формирование оригинальной терминологии русского философского текста вызвало многочисленные размышления о соотношении термина и понятия и о роли терминов в процессах познания. Наибольший вклад в формирование теории термина как обозначения специального понятия внесли П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и Г.Г. Шпет.

Рассмотрению термина и его сущностных свойств П.А. Флоренский посвящает отдельный раздел книги «У водоразделов мысли».

Особый интерес вызывают приложения к разделу, в частности, рабочие материалы курса «Из истории философской терминологии» для студентов Московской Духовной Академии; в приложении П.А. Флоренский размышляет о важности терминов для любой области науки, о роли термина в процессе научного познания и о системности терминологии: «Слово <...> выковать в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука – система терминов. <...> не ищите в науке ничего кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки как таковой сводится именно к терминам в их связях...» [Флоренский, 2009, с. 230].

Мыслитель затрагивает важнейший вопрос о соотношении термина и слова – вопрос, который впоследствии волновал поколения отечественных лингвистов: термин – это специальная единица языка или слово в особой функции? Язык Флоренского предельно метафоричен, и здесь автор вновь прибегает к образу: если наука и философия – это язык «закаленный и уплотненный», то термин – это «слово созревшее», противопоставленное слову общеупотребительного языка. Мысль

П.А. Флоренского оказывается в тесном соотношении с современными представлениями о научном термине: в ней – констатация наличия предельных, противопоставленных друг другу ипостасей языкового знака: терминологическое и общезыковое значения слова. *«Это зрелое слово относится к слову житейскому, как яблочко садовое – к маленькому яблочку лесному <...> далее мы увидим, что то и другое слово разделяются расстоянием гораздо большим, характером их функций»* [Флоренский, 2009, с. 199]. Это положение реализуется в современных лингвистических исследованиях: «термины фигурируют как таковые именно в лексике языка для специальных целей» [Лейчик, 1987, с. 142]; «сохраняя внешний вид слова, термин полностью размежевывается с ним по своему содержанию» [Общая терминология, 2012, с. 83].

Термин и общеупотребительное слово у П.А. Флоренского связаны онтологически, не случайно термин назван также культивированным словом (то есть это то же слово, но обработанное, отборное). Рассуждения философа соотносятся с функциональным, дескриптивным направлением в терминоведении: разница между словом и термином имеет функциональную природу (термин есть слово в особой функции – функции обозначения понятия).

В рассуждениях П.А. Флоренского можно разглядеть современное представление о термине как о слове с сигнификативной семантикой, ср.: *«в нем словно преобразованы все могущие возникнуть оттенки и направления духовных движений <...> рассматриваемое слово мыслится как не имеющее в себе ничего готового, ничего заранее намеченного: пластическую массу, ждущую велений духа и податливую на первое оформление, равно как и на первое же снятие прежде приданной формы, а точнее, - как бы газообразную средю духоявлений, вовсе не имеющую собственной формы и годною в любой момент на все, - должно служить нам рассматриваемое слово»* [Флоренский, 2009, с. 200].

Отсутствие денотативной направленности, связи с классом обозначаемых фактов («ничего готового») – главное в знаковой природе термина. Термин есть чистый сигнификат, вмещающий общие признаки всех фактов данного класса. О природе такого знака писала Н.Д. Арутюнова: «слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации» [Арутюнова, 1998, с. 4]. Термины, по ощущению П.А. Флоренского, лишены референции, то есть не служат знаковыми заместителями предмета. Многие современные исследователи отмечают, что именно сигнификативная семантика и интенциональная неопределенность упо-

требления термина как знака создают особую сложность изучения данных единиц.

У П.А. Флоренского термин – это средство, отграничивающее два полюса сознания, наивную и научную картины мира. Не случайно философ неоднократно напоминает читателю об этимологии слова: *«Это какие-то границы, какие-то межи мысли <...> неподвижные межевые камни <...> термин есть граница, которую мышление само-определяется, а потому и само-осознается»* [Флоренский, 2009, с. 228]. В рассуждениях П.А. Флоренского в значении слова термин очень важна семантика предела, семантика исчерпанности смысла, законченности: *«попало в самую точку»*, *«некое окончательное слово»*, *«максимум словесности»*, *«предельная достигнутость»*.

Говоря о связи термина и понятия, П.А. Флоренский особо подчеркивает роль термина в истории мысли: *«Каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего взглядывания»* [Флоренский, 2009, с. 210]. *«Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится <...> “определить” значит отчасти открыть <...> Определение, как и научное открытие, предполагает уже сделанным некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последнюю степень в процессе знания...»* [Флоренский, 2009, с. 216].

Напомним, что в современном терминоведении нет общепринятого определения термина, способного отразить его сущность и типологические разновидности, а сам термин представляет собой «...наиболее слабое звено в теории терминоведения, так как является не только многоаспектным, но и внутренне противоречивым объектом исследования» [Алексеева, 1998, с. 10]. Представление о противоречивости термина как знака не могло не найти отражения в философии П.А. Флоренского. В интерпретации мыслителя это свойство нашло выражение в антиномичной природе термина.

Антиномичность в работах П.А. Флоренского тесно связана с понятием аритмологии. Аритмология является способом философствования П.А. Флоренского, пронизывая все его творчество. В узком смысле аритмология – это теория прерывности функций. В широком смысле – это идея прерывности, свойственная всему формирующемуся мирозерцанию, грядущему на смену аналитическим мирозерцаниям разного рода, в основе которых лежит идея непрерывности.

Аритмология есть ощущение, «что мир познаваемый надтреснут» и что «через эти щели видна лазурь вечности»: *«Если мир познаваемый надтреснут и мы не можем на деле уничтожить трещин его, то не*

должны и прикрывать их. Если разум познающий раздроблен, если он – не монолитный кусок, если он самому себе противоречит, – мы опять-таки не должны делать вида, что этого нет. Бессильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречивости» [Флоренский, 2009, с. 159].

Семантика противоречивости и легла в основу термина антиномизм: *«диалектическое философствование, основным признаком которого является антиномия, т.е. напряженное противостояние противоположных, рассудочно несовместимых понятий»* [Флоренский, 2009, с. 199].

Внутренняя противоречивость заключается в единстве таких свойств термина, как статичность и динамический потенциал. С одной стороны, термин у Флоренского – «законченное произведение человечества», которым надлежит пользоваться как «окончательно готовым». С другой стороны, значение термина принципиально изменчиво, готово к обновлению, «пластично до предела».

Еще одно проявление внутренней противоречивости термина заключается в индивидуальности и одновременно универсальности значения. *«Вот таким-то, и неизменным, и все-приспособительным, должно быть то зрелое слово, на котором развиваются и наука и философия и которым живы обе они»* [Флоренский, 2009, с. 201].

Это в полной мере соотносится с представлениями о том, что термин ограничивает сферу науки от бытовых представлений; П.А. Флоренский неоднократно настаивает на том, что границы могут быть раздвинуты, а путь познания действительности – продолжен.

Представляется, что антиномичность термина, внутренняя противоречивость его (наверное, в большей степени это касается терминов фундаментальных наук) признается современной лингвистикой. Любое семантическое требование к термину может быть оспорено, значит, любое свойство, приписываемое термину, внутренне противоречиво.

Кроме того, в использовании и описании научных терминов одновременно существуют две тенденции: строгость, жесткость, стремление избежать многозначности и синонимии – и нежесткость семантики. Это во многом соотносится с позицией философа. В его характеристике термина важна не только семантика предела, предельной достижимости, но и метафора пути, семантика движения. Это особое движение сродни, на наш взгляд, научному поиску: *«путник, достигший высшей точки своего пути, заменяет продвижение – вращением... перед ним открылись горизонты столь широкие, что есть что созерцать, а малейший поворот вправо или влево даст ему новую полноту*

возвышенных зрелищ» [Флоренский, 2009, с. 204]. Не об интерпретационных ли возможностях термина, не о возможности вбирать новые смыслы говорит П.А. Флоренский?

Философская интерпретация термина, осуществленная П.А. Флоренским, выявила глубинные, сущностные стороны этого знака. Термин у философа одновременно и орудие познания и объект познания: *«Над термином можно медитировать»* [Флоренский, 2009, с. 229]. П.А. Флоренский не только заложил основы философии термина, но и «вывел аналогию между смыслом естественно-научных открытий и теорией термина» [Алексеева, 2010, с. 17].

В «Философии имени» С.Н. Булгакова размышления о термине логически связаны с философским осмыслением слова и его роли в познании окружающего мира. Вопрос «Что же такое слово?» для Булгакова лингвистический и даже не филологический, а философский, ибо «в слове и через слово» совершается познание; самая суть слова не может быть понята или угадана лингвистами. Науке о языке Булгаков отводит важную роль (изучение строения, истории, морфологии слова, семасиологии и психологии), но далеко не главную, поскольку лингвистика не затрагивает главной проблемы: *«что делает слово словом, в чем его естество, эйдос, при всяком положении вещей, во всяком языке»* [Булгаков, 2008, с. 9].

Слово антиномично по своей природе, и первая из угаданных Булгаковым антиномий – принадлежность слова двум мирам. Слово, *«облеченное в историческую плоть и имеющее свое определенное место в языке»*, есть объект лингвистического анализа, а слово-*«пришелец из другого мира»* [Булгаков, 2008, с. 9] – философского. Язык и мышление слиты воедино: *«человек мыслит в словах и говорит мысль»*.

В своих рассуждениях о слове С.Н. Булгаков идет от формы к содержанию, и первые дефиниции слова связаны именно с формальной стороной, «телом слова», формой, которая может быть разной. От рассуждений о материи слова (написанное, напечатанное, произнесенное, звучащее из фонографической трубы, осязаемое слепым) Булгаков переходит к очень важной идее – идее внутреннего слова и внутреннего языка.

Философское осмысление слова у С.Н. Булгакова соотносится с мыслью П.А. Флоренского о гносеологическом потенциале слова: познание совершается в речи и окончательно оформляется в термине. Философ вводит понятие первообраза, который формируется в сознании человека до начала момента речи: это идеальный образ, хранящийся в представлении субъекта. Процесс воплощения мысли в слове

в концепции С.Н. Булгакова характеризуется целостностью и завершенностью: слово возникает одновременно со смыслом. Эта мысль получила терминологическое выражение в авторских терминах «слово-идея», «смысл-слово-идея», «слово-мысль». Слово-мысль есть, по Булгакову, некий психический эквивалент произносимого или иным путем материализуемого слова, ср.: *«слово-мысль никогда не может быть показано в своем чистом виде»*. Слово и мысль онтологически связаны, они не могут существовать в отрыве друг от друга: *«Мы не можем отмыслить мысль от слова и слово от мысли, <...> но мы сознаем мысль, рожденную в слове, и слово, выражающее мысль»* [Булгаков, 2008, с. 27].

Размышляя о мыслительной функции языка и процессе словотворчества, философ затрагивает вопросы создания научных терминологий, состоящих из слов, корневые значения которых служат *«для выражения комплекса наличных смыслов, понятий и слов»* [Булгаков, 2008, с. 47]. Создание термина – особый вид словотворчества: термин «измышляется»; *«переживается как самостоятельное, новое слово»* [Булгаков, 2008, с. 47], создается на основе уже существующих в языке «первослов».

Большой вклад в философское осмысление термина внес Г.Г. Шпет. Наиболее отчетливо терминологическая рефлексия обнаруживается в «Эстетических фрагментах», в которых противопоставляются слово-образ и слово-термин.

При решении задачи «отличать, хотя бы по тенденции, слово-образ от слова-термина» автор использует функциональный подход к слову. Г.Г. Шпет считает, что слово можно анализировать только в контексте: изолированное слово *«лишено смысла, оно не есть λόγος... Оно не есть слово сообщения, хотя и есть уже средство общения»* [Шпет, 2007, с. 146]. Следовательно, информативную функцию Г.Г. Шпет приписывает только слову, взятому в контексте. Кроме того, философ разводит понятия «слово-образ» и «слово-термин» в функциональном аспекте: в осмыслении слова-образа на первый план выходит эстетическая функция, поскольку это слово есть *«орудие творчества языка самого»* [Шпет, 2007, с. 181], а слово-термин – это средство фиксации и передачи знания. Когнитивная функция есть сущностная функция слова (а значит, и термина): *«Когда выдумывают термин, стараются припечатать его существенным признаком. Это – слово запечатанное; главным образом, орудие сообщения. <...> Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало, – мысль зачинается в слове»* [Шпет, 2007, с. 180–181].

Конституирующий признак термина Г.Г. Шпет видит в системности термина. Эта точка зрения («терминирование <...> есть включение в систему понятий») реализуется во многих современных терминологических исследованиях, например: «слова <...> особого типа, соотносящиеся по преимуществу с понятием <...> вступающие в системные отношения с другими подобными словами и словесными комплексами» [Хяютин, 1972, с. 81]. Системность как свойство терминологии разными авторами может пониматься по-разному (словообразовательная системность, классификационная соотносимость, понятийная и лексическая системность). Г.Г. Шпет говорит о системности, которая присуща термину как единице данной терминологии, о «системности в логосе» [Шпет, 2007].

Важной является мысль Г.Г. Шпета о различных принципах мотивированности значения слова-образа и слова-термина. Образ может основываться на случайном признаке денотата – на ярком признаке, который произвольно выбирает творческое воображение. Этим обусловлен переносный характер значения слова-образа. Слово-термин основывается на «прямом выражении», на существенных признаках понятия.

Именно существенные связи, свойства и отношения предмета составляют понятие – а понятие отражено в термине, языковом знаке, который отражает информацию об определенном объекте действительности, формулируемую в строго научном понятии.

Некоторые характеристики термина представлены в рассуждениях Г.Г. Шпета имплицитно, как черты, не являющиеся сущностными для слова-образа. Например, если образ у философа есть отражение индивидуальной, случайной вещи и в то же время вбирает в себя черты некой идеи, он есть «овеществляемая идея и идеализованная вещь» [Шпет, 2007, с. 176].

Эти признаки образа составляют своеобразное «отрицательное определение» термина в концепции Г.Г. Шпета. Термин отражает не индивидуальное, а типичное; к нему приложимы законы логического образования понятий. Он статичен, в отличие от динамичного образа.

Понятие отражает конституитивные, онтические, сущностные признаки предмета; увеличение количества признаков сужает понятие и уточняет термин, который является знаком понятия. Принимаемый наукой знак (название) понятия притягивает к себе другие названия как новые терминирующие знаки. Для названия образа невозможны постоянство и статичность: «его нужно тормозить, расцвечивать» [Шпет, 2007, с. 183]. Для термина постоянная связь плана

выражения и плана содержания есть необходимое условие существования.

В работах русских философов содержатся идеи, определившие природу термина и предвосхитившие появление терминоведения как особой лингвистической области. Философская трактовка позволила раскрыть сущностные свойства термина как антиномичной по своей природе единицы, предполагающей множественность интерпретаций. Термин предстает как орудие и объект познания, как один из основных способов моделирования научной или философской картины мира.

В философской интерпретации термин предстает как статичная и одновременно принципиально изменчивая единица обозначения знания, в которой соединены индивидуальность и одновременно универсальность значения.

Философская рефлексия над термином в начале XX века предвосхитила начавшуюся позже лингвистическую разработку сущностных свойств термина: специфика понятийного содержания, функционирование в языке для специальных целей, точность семантики, дефинитивность и системность.

Литература

- Алексеева Л.М. Проблема термина и терминообразования. Пермь, 1998.
- Алексеева Л.М. Философия термина в русской традиции // Терминология и знание. М., 2010.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- БибЛекс: Бурькин А.А. (сост.). Библиотека лексикографа: электронный ресурс Словарного отдела ИЛИ РАН (Версия 2016).
- Грановская Л.М., Алиев М.А. Язык и стиль русской философской литературы (вторая половина XIX – первые десятилетия XX века). Баку, 2013.
- Лейчик В.М. Термин и его определение // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. Владивосток, 1987.
- Радлов Э.Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии. М., 2010.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2012.
- Флоренский Павел. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). М., 2009.
- Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд, 1972.
- Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007.

РЕЧЕВАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ОДИН ИЗ МОТИВАТОРОВ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

М.И. Мехеда

Ключевые слова: разговорная речь, словообразование, окказионализм, экономия, информативность, экспрессивность.

Keywords: informal speech, word formation, nonce words, speech compression, informative, expressiveness.

Несомненное доминирование разговорной речи в общем языковом пространстве определяет повышенный интерес лингвистов к изучению живой естественной речи, «в наименьшей степени затронутой внешними влияниями» [Белл, 1980, с. 251], в то время как нормативный язык, особенно его письменная литературная форма, является скорее искусственно созданной или же сохраняемой, законсервированной и декретированной структурой.

В настоящей статье мы постараемся проанализировать ряд особенностей современного окказионального словообразования в русской разговорной речи, поскольку именно индивидуальное словотворчество позволяет в более естественных условиях наблюдать такие влияющие на развитие речи и языка в целом процессы как повышение информативной нагрузки лексических единиц, экспрессивизация отдельных единиц и речи в целом, а также экономия умственных и физических усилий как один из определяющих факторов речетворчества на современном этапе и в эволюционной перспективе. Индивидуальное словотворчество представляет интерес не только с позиции изучения тенденций развития словообразования в русском языке, но и в качестве материала для изучения ментальных процессов, задействованных при «словотворении», являясь, с одной стороны, результатом «деятельности» устоявшегося языкового аппарата для создания новых единиц и, с другой стороны, продуктом полета фантазии, вдохновения и преднамеренной работы мысли индивидуума – носителя языка – в рамках менее регламентированного языкового пространства. Окказионализмы (ОК), вероятно, могут раскрыть определенные секреты тех мотивирующих факторов, которые приводят в действие когнитивные механизмы в процессе создания нового слова.

Разнообразные словообразовательные и функциональные аспекты русской разговорной речи в целом и разноуровневые параметры ОК в частности уже многие годы привлекают внимание отечественных лингвистов (Н.Г. Бабенко, Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе,

М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, В.Д. Лютикова, А.Г. Лыков, О.Г. Ревзина, Н.Н. Розанова, О.Б. Сирогинина, А.П. Сквородников, Н.И. Фельдман, Э. Ханпира, В.В. Химик и др.). Нам бы, однако, хотелось обратить внимание на самую основу зарождения окказионализма – на стимул, инициирующий запуск механизма словообразования в условиях естественной коммуникации. Благодаря этому, возможно, представится вероятность приблизиться к разгадке причин создания нового слова, определить мотивы, побуждающие творить, а не использовать готовое.

Принимая во внимание универсальность основных параметров формирования и функционирования подсистем языка, возьмем за основу несколько расширенное понятие разговорной речи – субстандарт, включив в него различные слои некодифицированной стилистически сниженной подсистемы русского языка. Основными характеристиками данной подсистемы являются непринужденность акта коммуникации, относительная свобода от регламентирующих рамок стандартных структур, высвобождающая индивидуальное словотворчество. Нейтральная лексика и структуры литературного языка зачастую неадекватны желанию эмоционального самовыражения; стандартные рамки препятствуют свободному общению, в связи с чем количество субстандартных новообразований постоянно увеличивается. В.Д. Лютикова подчеркивает, что «существующая языковая система, как бы богата она ни была, может не всегда удовлетворять потребности выражения по причине отсутствия в ней нетривиального содержания» [Лютикова, 1999, с. 120]. При этом выбор общеупотребительной или субстандартной лексической единицы (либо создание окказионализма) в процессе акта естественной коммуникации зависит от цели коммуникации, ситуативных условий, эмоционального состояния говорящего и т.д. Цель номинации пересекается в разговорной речи с языковой игрой: «С одной стороны, это стремление освободиться от шаблона, жажда речетворчества, с другой, – нежелание утруждать себя поисками готового, имеющегося в языке слова или построением сложной синтаксической конструкции» [Земская, 2004, с. 112].

Субстандартная лексическая подсистема языка постоянно обогащается благодаря многообразию словотворческих механизмов (аффиксация по непродуктивному типу, универбация, усечение, контекстуальная семантическая деривация, редупликация и рифмование, «экзотическая» деривация (необычные суффиксы и полусуффиксы и т.д.), заимствование). Часть речевого креатива, однако, происходит одноментно, ситуативно, не приводя к появлению закрепившегося в языке неологизма. Подобные слова-минутки (окказионализмы), непрестанно

образуемые в рамках естественной коммуникации, являются необычными словами, существующими, как правило, «лишь в определенном, породившем их контексте» [Земская, 1973, с. 228], то есть ОК являются неузуальными единицами (чаще всего словами) или неузуальными значениями языковых единиц, «создаваемых говорящим/пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом. ...создаются и употребляются намеренно, являясь стилистически мотивированными отклонениями от нормы» [Сковородников, 2009, с. 193].

Созданию ОК способствует большая самостоятельность морфем в некодифицированном языке (то есть необходимая часть слова свободно вычленяется и употребляется говорящим), а также большая вариативность сочетаний отдельных элементов, не связанная с нормами комбинирования [Земская, 2004, с. 112].

Тем не менее эта свобода в образовании новых лексических единиц все-таки лимитирована энергетическими рамками, то есть соотношением затрачиваемых умственных и физических усилий с потребностями, требующими скорости производства, а также необходимостью быть понятным, что накладывает свои ограничения и зачастую требует использования имеющихся в языке структур и шаблонов (аналогий). Действие принципа аналогии на разных уровнях языка позволяет производить новые лексические единицы (зачастую бессознательно), применяя готовые модели при минимальных умственных затратах и их максимальной типизации, что способствует эффективному декодированию информации со стороны реципиента. «Аналогия рассматривается как общий механизм мышления, обобщения и образного представления человеческого существования» [Пономарева, 2005, с. 32].

Сам акт словообразования может пониматься с точки зрения необходимости «обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур знания, в объективации и экстерииоризации интериоризованных концептуальных структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), то есть их «упаковки» в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» [Кубрякова, 2004, с. 393]. Однако вместо обращения к сложному ментальному процессу словотворчества не проще ли воспользоваться имеющимися в языке единицами? Интересно отметить, что зачастую создание новой единицы оказывается для говорящего необходимостью, то есть сам процесс создания новой единицы оказывается проще, а энергетические затраты оправданы за счет полученной информационной и эмоциональной нагрузки новообразования. П. Штекауэр подчеркивает экономичную природу словообразования: «In fact, word

formation as such is a device for minimizing the surface complexity because it substitutes naming units for descriptive phrasal means.» («Словообразование представляет собой средство минимизации поверхностной сложности высказывания, так как способно заменить описательные структуры номинирующими лексическими единицами» (перевод наш) [Štekauer, 2000, с.125].

О.Г. Ревзина обращает внимание на желание индивидуума, возможно, бессознательное, «вырваться из власти языка» в моменты «непосредственной речевой деятельности, когда в условиях коммуникативного прессинга спонтанно мыслящий человек становится на секунду как будто отлучен от привычных языковых механизмов... В этом акте творения той единицы, которая принадлежит языку как его часть, на которую наложен запрет и которая одновременно, выражаясь риторически, является высшей славой и гордостью языка, содержится великий акт свободы – высвобождение человека из-под власти языка» [Ревзина, 1996, с. 305]. При этом экспрессивность выделяется в ОК как внутренне изначально присущий авторскому новообразованию признак: «Обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов. Это их сквозной признак, в отличие от слов канонических, большей части которых экспрессивность не свойственна» [Лыков, 1976, с. 23]. А. Вежицкая особо подчеркивает общую эмоциональность русской речи, для которой определяющим является «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [Вежицкая, 1996, с. 33-34].

Вместе с тем возможно ли говорить об универсальности функций ОК в различных ситуациях и типах дискурса? Утверждать, что экспрессивность является основным движущим фактором создания ОК? Вероятно, не следует унифицировать мотивы создания ОК, например, в письменном электронном дискурсе, газетном или рекламном дискурсе и в устной разговорной речи. Письменную речь чатов и форумов Интернета, несмотря на определенную свободу от норм и отсутствие жестких регламентирующих рамок, тем не менее сложно назвать абсолютно спонтанной. Анонимность Интернета, безусловно, способствует более экспрессивному изложению мыслей, однако определенная опосредованность накладывает некоторые ограничения на материал. При отсутствии акта фонации, визуального восприятия мимики, жестов и т.д., пишущий вынужден излагать свои мысли, основываясь на более тщательном отборе существующих (либо созданных) единиц, сама форма которых наилучшим образом способна сосредоточить в себе

всю экспрессивность и информативность, позволяя оказать оптимальное влияние на реципиента. Многочисленные ОК в электронном дискурсе не столько призваны дать название новому понятию или явлению, сколько обеспечить экспрессивизацию ЛЕ (лексической единицы) для привлечения внимания реципиентов ко всему высказыванию с помощью данной единицы оригинальной формы, усилив за счет нее, например, общую, зачастую уничижительную, оценку высказывания: «...там занято – сидит какое то **зомбодобильное** создание в розовых очках...» (сохранена авторская орфография) (<https://www.youtube.com/watch?v=RjclkVgNXus>). При этом «...экспрессивный характер ОК предопределен его природой: новизна этой лексемы нарушает непрерывность речи, происходит актуализация текста» [Самыличева, 2011, с. 357].

Тем не менее в живой разговорной речи оригинальность и экспрессивность образования, по нашему мнению, отходят на второй план. Основным мотиватором творения нового слова, по-видимому, является именно необходимость кратко и информативно дать название какому-либо понятию при отсутствии (или незнании / при временном сбое памяти) необходимой лексической единицы. Мы предполагаем, что одним из основных факторов, влияющих на деятельность говорящего в процессе словотворения, является экономия умственных усилий. Несмотря на некоторое видимое противоречие (затрачивание дополнительных усилий на создание нового слова в противовес затрачиванию усилий на поиски готовой единицы или на использование описательных структур для презентации новой реалии), мы предполагаем, что во многих случаях наиболее экономически выгодным для говорящего является именно создание новой единицы, а не поиски готовой единицы в файлах памяти (что, как каждый из нас знает, зачастую просто нерезультативно под прессом ограниченного времени или психологического стресса) или описание посредством более громоздких структур. При этом экономия говорящего «срабатывает» на нескольких уровнях: на уровне экономии при мыслительных процессах (аналогия – использование готовых моделей, компрессия смысла (увеличение семного состава слова за счет разнообразных средств, например, словосложения, рифмования, суффиксации), компрессия формы (использование энергетически выгодных способов словообразования: словосложение, универбация, усечение, аббревиация), использование стилистически маркированных моделей словообразования (ономатопея, редупликация, усечение)); на уровне артикуляторных действий (ассимиляция, редукция и т.д.); на психологическом уровне (максимальная экспрессивность, оригинальность и информативность единицы спо-

собны обеспечить наибольшее влияние на реципиента в минимальном временном формате и при минимизированной длине высказывания).

Также следует обратить внимание на зависимость информативности лексической единицы от частотности ее употребления, то есть «чем выше частотность единицы (слова, фонемы), тем менее информативна эта единица» [Мартине, 2004, с. 198]. Таким образом, для привлечения внимания слушателя и для повышения эффективности воздействия высказывания при минимальных энергозатратах необходимо выбирать единицы, информативная ценность которых наиболее велика, что предполагает использование наиболее информативных, в данном случае оригинальных новообразований, «творений момента» – окказиональных единиц. Информативная ценность ОК будет максимальна, учитывая ненормированность формы и семантическую нагруженность. С другой стороны, элементы ОК способствуют экономии умственных усилий также и реципиента, сочетая в себе оригинальность формы, словообразовательную или звукоизобразительную мотивированность, что способствует сохранению усилий при декодировании информации ОК. Экономия усилий реципиента происходит и за счет экспрессивности формы, привлекающей внимание, а также выполняющей эвокативную функцию. Стилистическая сниженность, заложенная изначально в процессе образования ненормативной ЛЕ, также способствует экономии усилий при декодировании информации.

Выбор необходимых словотворческих механизмов при создании ОК зависит от значительного числа факторов: уровня когнитивных способностей говорящего, его эмоционально-экспрессивного настроения, давления, оказываемого самой ситуацией на интеллектуальные и психологические особенности личности говорящего в данной конкретной точке высказывания, от социального и психологического статуса реципиента, временных рамок высказывания, от контекста самой ситуации общения и т.д. То есть выбор формальных средств словотворения связан со «смысловым заданием акта номинации и подчиняется в конечном счете требованию выразить в новой единице наименования, новое необходимое значение (понятие)» [Кубрякова, 1981, с. 23].

Учитывая все сказанное выше, хотелось бы рассмотреть действие экономии как мотиватора создания ОК на конкретных примерах. Наиболее продуктивным средством словообразования по аналогии со стандартной подсистемой русского языка является, безусловно, **аффиксация**, позволяющая экономически выгодно использовать готовые словообразовательные механизмы создания новых единиц, не затрачивая при этом значительного количества энергии на создание чего-то абсолютно нового, а опираясь на уже готовые элементы: *«Давай дви-*

гайся быстрее, дождь сильнееет», где «сильнееет» – новообразованный глагол от прилагательного в сравнительной степени «сильнее» (данный и все последующие примеры взяты из речи знакомых автора и используются с их разрешения). Этот ОК точнее и более кратко передает описание происходящего нежели описательная конструкция «становиться сильнее», либо при нежелании (временном незнании – сбое в поиске единицы в «архивах» памяти) говорящего употреблять более книжное и более сложное в произношении и в два раза длиннее в размере слово «усиливаться». Специфичность подобных новообразований связана со «свободой семантических связей, производящей и производной основ» [Земская, 2004, с. 118] или, как отмечает Е.С. Кубрякова, с «семантической расчлененностью» [Кубрякова, 1986, с. 43]: «*Этот чего зашел без сумок и чемоданов? – Наверно, он ... аэропортищик*», где «аэропортищик» – в значении «сотрудник аэропорта» – однословный ОК, образованный суффиксальным способом, имеет целью 1) дать обобщенное обозначение реалии при отсутствии однословной единицы, 2) заменить официально-деловое определение «сотрудник аэропорта» в неофициальной ситуации на более экономную единицу с некоторой долей насмешливой коннотации.

С позиции экономии говорящего, безусловно, наиболее экономичным способом словообразования, вероятно, является **семантическая деривация**, (термин Д.Н. Шмелева, 1964), которая может быть определена как способ словообразования, предполагающий сохранение формы слова, но изменение его значения, то есть переосмысление слов, использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [Пономарева, 2005, с. 27]. Мы можем говорить о метонимических и метафорических наименованиях в разговорной речи, их продуктивность связана со способностью использовать сам контекст, саму ситуацию для восполнения того, что отсутствует в речи более кратко, информативно, образно и эмоционально.

Метонимический перенос представляется одним из наиболее экономически выгодных способов образования нового слова. Он основывается на связи наименования предметов, признаков в пространстве/времени, причинно-следственной либо логической последовательности, при этом окказиональные метонимии образуются зачастую за счет эллипса: «*Давно хотела сдать какой-нибудь Кэмбридж, да все времени не было, а сейчас и деньги есть, и время...*» (где *Кэмбридж* – один из международных экзаменов, проводимых Британским университетом Cambridge). В данном случае говорящий, безусловно, рассчитывает на знание ситуации реципиентом и на адекватное декодирование информации, заложенной в ОК, что позволяет ему не прибегать к

описательным конструкциям, но использовать более экономичный способ передачи информации: «Метонимии всегда ведут к речевой экономии, так как вместо словосочетания выступает слово» [Земская, 2004, с. 66].

Метафорический перенос также энергетически выгоден, так как в процессе создания новой единицы не задействуются аспекты изменения или «выдумывания» внешней формы слова. При этом метафорически созданный ОК энергетически выгоден не только говорящему, но и реципиенту: при удачном переносе говорящему не потребуются прибегать к объяснениям и составным конструкциям. Метафорическая когнитивная модель формирования значения в качестве действующего механизма мышления основана на переносе образов одной концептуальной области на соответствующую структуру другой области. При этом не происходит расширение материальной базы языка, а зачастую сам словообразовательный процесс есть «не намного большее, чем метафорическое расширение значений старых слов» [Сепир, 1993, с. 225]. Удивительно, но зачастую создатели речевых метафор сами не представляют, насколько образны их высказывания, и как часто они прибегают к подобным инструментам речетворчества: «*Восемь часов полета да 5 часов разницы во времени – голова хрустальная!*». Данное высказывание, следуя мнению Д. Дэвидсона, что «метафоры – это буквальное значение соответствующего сравнения» [Дэвидсон, 1990], мы можем представить как «моя голова как хрусталь (хрупкий, требующий нежного обращения предмет)».

Безусловно, в разговорной речи значительное количество метафорически и метонимически мотивированных ОК приходится на всевозможные обращения, юмористические варианты и мутации имен собственных, оскорбительные или шуточные прозвища, иронично-оценочные высказывания: «*А где банан? – А я уже съел! – Ну, ты летчик!*», где «летчик» – очень быстрый человек (в данном случае «едок»). Подобные новообразования не только выражают эмоции и оценку определенным свойствам или явлениям, но и являются кратчайшими номинациями, не требующими значительных умственных усилий и не задействующими значительное количество времени на поиски описательного определения (более сложного в логическом и артикуляторном плане).

Любопытно, что переносы значений проходят для носителя языка практически неосознанно и, несмотря на многоплановость ментальных процессов, задействованных при образовании ОК путем переноса, они не представляют какой-либо сложности для носителя, являясь скорее всего естественным свойством сознания: «метафора и метонимия яв-

ляются основой смыслообразования в любой семиотической системе» [Якобсон, 1990, с. 129]. Так как естественные явления подверглись и подвергаются влиянию факторов закона сохранения энергии, действуют соответственно только те из процессов, которые являются наиболее энергетически выгодными для системы.

Необходимо также обратить внимание на еще одно из наиболее ярких проявлений речевой экономии — это образование ОК за счет «одноразового» **заимствования**. Процесс русификации заимствованного слова в разговорной речи зачастую связан с деятельностью билингвов, то есть людей, чей уровень владения иностранным языком позволяет вставлять в речь иноязычные ЛЕ, не переводя их на родной язык, при этом предполагается достижение адекватного понимания со стороны реципиента.

Безусловно, одним из основных поставщиков подобных ОК для большинства языков на современном этапе является английский язык: *«Я с дядей давно не общалась. Я его стараюсь вообще **игнор**»*, где «*игнор*» заимствовано от англ. «to ignore» – игнорировать, не замечать. В данном случае говорящий не столько не захотел воспользоваться русским аналогом, сколько, по-видимому, желал подчеркнуть свое уничижительное отношение к ситуации, принимая во внимание безусловное знание реципиентом данного заимствованного слова. Однако чаще всего окказиональное заимствование в большей степени связано с отсутствием в русском языке (либо с невозможностью вспомнить своевременно) определенного конкретного и однословного наименования какому-либо явлению: *«Почему тут так много машин? Съезд какой-то? – Нет, это стоянка, видимо, те, кто приезжает до метро на машинах и потом их здесь бросают. – Ну, как их там, ...**коммьюнщики**?»*, где «*коммьюнщик*» заимств. от англ. «to commute» или от «commuter» – пассажир, который ездит на работу и с работы из пригородов. Заимствование также мотивируется наличием в языке-доноре более емкого и точного (на взгляд говорящего) наименования для того или иного понятия: *«Ты знаешь, я слышала, что из региональной Красной Книги убрали 120 ...ну, как их.. **айтемзов**»*, где «*айтемз*» заимств. от англ. «item» во мн.ч. – пункт, единица списка. В данном случае говорящий пытался объединить в одном слове (*айтемз*) возможных представителей флоры и фауны из списка Красной Книги, которые не находятся более под угрозой исчезновения, не найдя подходящего слова в русском языке и не желая при этом использовать описательные средства. Безусловно, при использовании иностранной единицы происходит ее адаптация посредством измененного произношения и применения различного рода словообразующих и словоизме-

няющих механизмов русского языка (флексии, аффиксы), как в случае приведенных выше примеров. Тем не менее подобные затраты энергии зачастую несопоставимы с возможными потерями энергии при поиске аналога в родном языке.

Таким образом, словотворчество в «реальном времени» можно рассматривать как процесс, одним из основных мотивирующих факторов которого является экономия умственных усилий. Именно экономия предопределяет инициацию словотворческих механизмов при возникновении необходимости выразить новую реалию в краткой информативной форме при отсутствии готовой (временно забытой, неадекватной по степени семантической нагруженности или недостаточной интенсивности / экспрессивности) единицы. Участники речевого акта ограничены временными рамками для поиска информативно ценных, эмоционально нагруженных и оригинальных единиц для создания адекватного эффекта у реципиента, что и приводит зачастую к срабатыванию механизмов индивидуального словотворчества.

Язык как открытая система испытывает на себе действие естественных законов, одним из наиболее значимых в числе которых является закон сохранения энергии. Разговорная речь как наименее нормированная подсистема языка в наибольшей мере подвержена влиянию факторов экономии умственных и физических усилий, что выражается на словообразовательном уровне в использовании энергетически выгодных способах словотворчества.

Литература

- Бабенко Н.Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград, 1997.
- Белл Р. Социоллингвистика. М., 1980.
- Вежбицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Земская Е.А. Современный русский язык: словообразование. М., 1973.
- Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2004.
- Капаназде Л.А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка в познании мира. М., 2004.

- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
- Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
- Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 1999.
- Мартине А. Основы общей лингвистики. М., 2004.
- Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками). Тюмень, 2005.
- Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. Сборник научных трудов к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996.
- Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Филология: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1).
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сковородников А.П. и др. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2009.
- Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4.
- Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Химик В.В. Поэтика низкого. СПб., 2000.
- Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.
- Štekauer P. English word-formation: a history of research (1960–1995). Tübingen, 2000.

ОЦЕНОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВЕДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.А. Воронкина

Ключевые слова: Веда, ритуал, картина мира, аксиология, культура, текст.

Keywords: the Veda, ritual, view of the world, axiology, culture, text.

Задача изучения происхождения и назначения оценочных составляющих литературы, как и многих других языковых и коммуникативных явлений, делает неизбежным обращение к факторам положенной вовне по отношению к языку и литературе социокультурной реальности. Функции оценочных элементов ведийских текстов определяются спецификой самого памятника. В культуре соответствующего обще-

ства Веда предстает божественным откровением (*śrutī* букв. «услышанное») и воплощает систему базовых категорий, представлений и ценностей, ставших органической частью национальной картины мира. Компоненты таковой далеко не нейтральны. Они ценностно окрашены и культурно обусловлены. Оценка же служит инструментом утверждения ведийского миропонимания, правил и норм социального взаимодействия, аксиологических представлений.

Тексты Веды теснейшим образом взаимосвязаны с жертвенным культом ариев, в основе которого лежит идея взаимодействия между миром человека и миром «бессмертных» в ситуации обмена (см.: [Себряный, 1979, с. 150–182]). Этим обусловлена коммуникативная природа ведийских текстов, которая определяется свойственной сознанию человека ведийской эпохи презумпцией общения с богами, силами природы, ритуальными объектами и пр. Характер коммуникации определяется принятыми в ведийском обществе нормами речевого поведения, а также характерной для него картиной мира.

Ведийскому сознанию свойственно особое отношение к слову как к сакральному инструменту магического воздействия на действительность, речь в ее «заклинательной» функции, особый тип мышления, миропереживания, нашедший воплощение в ритуальной деятельности. Эти факторы предопределили специфику коммуникации в ведийском ритуале.

В статье будет дана характеристика коммуникативных стратегий оценочных действий и исследован прагматический аспект употребления и конструирования соответствующих элементов, то есть таковые будут рассмотрены с точки зрения намерений, мотиваций и установок использования. В исследовании будут показаны возможные ошибки как в случае определения стратегии употребления рассматриваемых единиц, так и при выявлении того, свойственна ли тем или иным элементам оценочная коннотация.

1. Стратегии хвалы

Очевидной целью речевых и неречевых действий ведийского ритуала является влияние на сознание, эмоциональную сферу и поведение адресата-бога с целью получения тех или иных благ: победы над врагами, избавления от болезней, ниспослания потомства, приплода скота и пр. Получение искомых благ от получателя текстов служило для человека ведийской эпохи основным критерием эффективности ритуальной коммуникации. Бог в ведийском миропонимании антропоморфен и наделен чертами, свойственными человеку, к которому обращаются с просьбами. Элементы хвалы служат реализации обозначенных интенций. Цели коммуникации с божественным адресатом ча-

сто эксплицируются. Особенно это характерно для коротких гимнов Ригведы:

*Воспеваемый, создай ты (своим) величием широкий простор
Для войска, о щедрый, достань богатства!*

(Гимн Индре РВ X.147.5)¹

*Принеси нам удачу, которой ты порадуешься!
Сами мы хотим постоянно захватывать с твоей помощью.*

(Гимн Индре РВ X.148.1)

*О Агни, принеси мощное богатство,
Широкое, состоящее из коров, состоящее из коней!*

(РВ X.156)

*Уничтожь, о Индра, тех кто нас презирает,
Ниц повергни нападающих (на нас)!
Кто нам угрожает,
Отправь (того) в нижний мрак!*

(РВ X.152.4)

*Сурья нас с неба пусть охраняет,
Вата из воздушного пространства,
Агни нас из земных (просторов)!*

(РВ X.158.1)

Распространенной формой восхваления является перечисление и описание подвигов и заслуг богов:

*(Своими) чудесными силами, о безупречный, с духом,
Стремящимся к славе, ты разгромил колдовского Вритру.*

(Гимн Индре РВ X.148.2)

*О Агни, ты поднял на небо
Нестареющую звезду – солнце,
Дающее свет людям.*

(РВ X.156.4)

Вербальное взаимодействие с антропоморфным божеством-адресатом, как правило, служит дополнением к обрядовым подношениям сакрально значимого изменяющего сознание напитка Сомы и других жертвенных даров:

---

¹ Здесь и далее гимны Ригведы цитируются в переводе Т.Я. Елизаренковой по изданию: Ригведа. В 3-х тт. М., 1989–1999.

*Только тот может получать удовольствие от прекрасно
обеспеченного богатства,
Кто позаботился о его [Индры. – М.В.] быстром опьянении.
(Кто) подкреплен тобой, о щедрый, (и) почитает (тебя) об-
рядами,
Тот быстро приносит добычу (и) награды со (своими) мужа-
ми.*

(РВ X.147.4)

*Приходи, наслаждаясь
Этой жертвой, этой речью!
Мы смертные, о зажженный, тебя призываем,
Для милости призываем.*

(Гимн Агни: РВ X.150.2)

Прагматика данных действий близка хвалебным и определяется религиозными представлениями. По мнению Т.Я. Елизаренковой, «эти действия адептов не только вызывают благосклонность богов, но также их усиливают буквально (например, Агни – огонь жертвенного костра вспыхивает и поднимается во все стороны, когда в него льют жертвенное масло) или фигурально (Индра, например, «возрастает» (*vr̥dh*) от сока сомы и возносимых к нему молитв). Поддерживаемые почитателями боги в свою очередь должны исполнить их просьбы, каждый в соответствии со своими функциями» [Елизаренкова, 1989, с. 482-483].

Кроме самого факта воспевания в гимнах восхваление часто находит воплощение в особых славословиях, например, *stóman iyarmi* 'славу пою', букв. 'поднимаю восхваление' (РВ I.116.1). Данная формула является ответом на милость, явленную божеством. Обращает на себя внимание сам употребляемый здесь глагол ṛ-(ar-) 'поднимать', который применительно к божеству-адресату в свете приведенного наблюдения, возможно, имеет значение близкое 'возвышать'. В таком случае саму формулу следует понимать как 'возвышаю божество славой'.

Отмечают также этимологическую и семантическую близость данного глагола ведийскому ṛtá [Топоров, 1981, с. 155], которое, как справедливо замечает В.Н. Топоров, «обозначает одно из ключевых понятий древнеиндийского умозрения – универсальный космический закон, определяющий преобразование неупорядоченного (хаотического) состояния в упорядоченное (космическая организация) и обеспечивающий сохранение основных условий существования Вселенной и человека, мира вещей и мира духовных ценностей» [Топоров, 1981, с. 142]. Таким образом, произнесение божественного славословия, по мысли ведийско-

го человека, могло рассматриваться как акт космоупорядочения и поддержания высшей гармонии.

Хвала нередко находит выражение в форме эпитетов божеств. Выбор эпитетов, определяется индивидуальными особенностями адресата. Так, Агни в гимнах «Ригведы» назван *могущественным, бессмертным* (РВ X.21.4), *обильнейшесокровищным* (РВ I.1.1), *добрым, многолюбимым, знаменем племен, самый любимый, лучший, сидящий в лоне (закона)* (РВ X.156.5). Рудра – *прозорливец, самый щедрый, сильнейший, кто сверкает словно яркое солнце, словно золото, лучший из богов, добрый* (РВ I.43.5). Пушан – *удивительный, многомудрый* (РВ I.42.5), *лучший из носителей золотого топора* (РВ I.42.6), *сын избавления* (РВ I.42.1). В гимнах Индре наиболее употребителен эпитет *щедрый* (РВ X.42-44), а также *многопризываемый, достойный призывов, герой, могучий повелитель, пожиратель недругов удивительный*.

Обращает на себя внимание тот факт, что эпитеты и атрибуты божества часто оказываются аллюзией на его подвиги, заслуги, великие деяния. Т.Я. Елизаренкова отмечает, что ведийские гимны характеризуются переключением «апеллятивной и экспликативной частей, которые связаны между собой отношениями трансформации. Например... в применении к Индре *мужественный* означает «Поддержи нас в борьбе с врагами!», «Даруй нам победу!», «Создай нам отсутствие страха!» и т.п.; *внимательный* трансформируется в «Заметь наш гимн и жертвоприношение!»; *кто приходит с поддержками к нуждающемуся в помощи* в описании Индры содержит скрытый призыв: «К нам приди, это мы нуждаемся в помощи!» и т.п.» [Елизаренкова, 1993, с. 124].

Помимо обозначенных выше интенций применения хвалебных эпитетов важно обратить внимание на заклинательную функцию их использования, обусловленную отношением «к слову как к магическому силе» [Мечковская, 2000, с. 22]. Посредством эпитета участник ритуала моделирует действительность, воздействует на нее в целях получения желаемого результата. На данное обстоятельство, например, указывает универсальный для богов эпитет *maghavan* 'щедрый': таковым, воздающим просьбам ведийский человек пытается сделать бога посредством заклинательной, преобразующей силы ритуального слова.

Вероятно, откровенная лесть, содержащая заведомое искажение образа божества все же исключалась ввиду свойственного ведийскому сознанию представления о правде как важнейшем факторе существования сакрального пространства внутри ритуального круга, отождествляемого с миром богов. Данное представление изложено в Шатапатхабрахмане:

Двоякий поистине [мир] этот: истина и ложь [составляют его]; и нет третьего. Поистине боги – это истина, человек же – ложь. [30] Поэтому, произнося [мантру]: «Вот я перехожу от лжи к истине», он переходит из [мира] людей в [мир] богов.

Тогда – пусть говорит он только правду; ибо этот обет поистине держат боги. Правду говорят они. Поэтому они исполнены сияния; сияющим поистине бывает тот, кто, зная это, говорит правду.

После совершения [жертвоприношения] он слагает с себя [обет], произнося: "Теперь я есмь, кто я есмь". Ибо, приняв обет, он делается как бы нечеловеческим (то есть принадлежащим к божественному, ритуальному миру); а так как нехорошо ему сказать: «Теперь я перехожу из правды в ложь», – и так как поистине он как бы снова делается человеком, пусть он слагает с себя обет, произнося: «Теперь я есмь, кто я есмь» (цит. по: [Семенов, 1981]) (ШБ I.1.1.1.3-6).

Любое слово лжи десакрализует ритуал и ведет к провалу коммуникации с самыми тяжкими последствиями вплоть до смерти участников. Основанное на данном представлении стремление к правдивому отображению в гимнах божественных образов эксплицируется в тексте Ригведы:

Индру мы хотим привлечь (его) истинными подвигами (РВ X.111.1).

Итак, интенция управления поведением божественного адресата не является единственно возможным объяснением прагматики хвалебных элементов ведийского текста. При ее определении необходимо учитывать всю совокупность религиозных представлений.

2. Ложные элементы хвалы

Гимнам и содержащимся в них описаниям внешности, поведенческих характеристик и подвигов божеств свойственна, безусловно, положительная коннотация в связи с аксиологическими представлениями носителя ведийского сознания, с ценностным идеалом ведийского божества, деяния которого полагаются поведенческой моделью, эталоном для верующего. Данное представление эксплицируется в брахманах:

Мы должны делать то, что делали боги в начале (цит. по: [Топоров, 1988]) (ШБ VII.2.1.4).

Так сделали боги – так делают люди (цит. по: [Топоров, 1988]) (ТБ I.5.9.4).

Однако сама по себе положительная коннотация не обязательно свидетельствует о хвалебных интенциях. Обращает внимание тот факт, что описания божественных образов, олицетворяющих те или иные природные явления или силы, достаточно реалистичны и объекты описания вполне узнаваемы:

*Ко мне подступил разукрашенный
Мрак, черный, сверкающий (звездами).*

(К Ночи: РВ X.127.7)

*С лучами солнца, с золотистыми волосами Савитар
Простер вверх на востоке немеркнувший свет.
Сидит этот со взглядом героя посреди неба,
Заполнил оба мира (и) воздушное пространство.*

(К Сурье: РВ X.139.1-2)

При этом имеет место ряд эпитетов, деяний и качеств, приписываемых божествам, которые не выглядят безусловно похвальными. Они характеризуют воспеваемое божество явно неоднозначно. Так, некоторые божества характеризуют повышенное пристрастие к коме и буйные формы поведения:

*Бык-Индра пусть идет впереди нас,
Любящий пить сому, создающий безопасность!*

(РВ X.152.2)

*Страшный, как зверь, бродящий (неизвестно) где,
живущий в горах,
Ты пришел из самой дальней дали.*

(К Индре: РВ X.180.2)

Представляется, что прагматика ряда элементов текста не исчерпывается восхвалением тех или иных персонажей. Для ведийского мироощущения характерна аффектация, чувственное переживание предмета как доминирующая черта мифо-ритуального сознания. В приведенных фрагментах текста имеет место последовательное, точное, в понимании верующих, воссоздание их чувственного образа, необходимое для его актуализации в ритуале. Реализация обозначенной функции приводит к переживанию описываемого божественного образа, что в ведийском мировоззрении необходимо для установления чувственной интеракции, невербального контакта с адресатом ритуальной коммуникации, в то и приобщения к нему, самоотождествления с ним.

Существуют и иные предпосылки для ошибочного установления хвалебных интенций. Они связаны с тенденцией превращения эпитетов в так называемые постоянные, то есть неразрывно сочетающиеся с определяемым образом. Таково, например, имя *rudra* (букв. 'ревущий'; по другому толкованию – 'красный'), бывшее эпитетом и постепенно ставшее употребляться как помет ргоргиум божества, чье первоначальное имя утрачено. При этом имя *šiva* (букв. 'благой') сформировалось как один из постоянных эпитетов Рудры. Иными постоянными эпитетами

этого божества являются *paṣu-pati* 'повелитель животных', *īśāna* 'властитель'; Индры – *śakra* 'могучий', *vṛtra-han* 'сокрушитель Вритры' (см. [Эрман, 1980, с. 105]), а также 'герой', 'бык', которые начинают употребляться в функции обращения:

Ты, о бык, бык и есть.

(РВ X.153.2)

Обращает на себя внимание, что в первом случае *бык* выполняет функцию номинации при обращении, а во втором функцию определения.

Превращаясь в номинативный, эпитет может постепенно утрачивать функции хвалы.

Таким образом, положительная коннотация тех или иных элементов не может служить единственным критерием для установления их прагматики.

3. Прагматика хулы

Объектами хулы в Веде являются враги богов и противники сообщества верующих. Интенции в обоих случаях не совпадают.

Хула в адрес противников богов часто преследует скрытую цель восхваления победивших их божеств и солидарность в этой победе:

*Они подчиняются (этой) его высшей силе Индры.
Он живет у них, наслаждающихся по своей воле.
Выбираем его, как царя племен,
Испытывающие отвращение, они отстранились от Вритры.*

(К разным богам: РВ X.124.8)

Хула противников, уничижительные эпитеты и характеристики нередко выполняют функцию поношения, оскорбления. Хулой утверждается и система ценностей, характерная для ведийского мировоззрения, с ее помощью маркируется «чужой»:

*Ведьма кривая, безобразная,
Уходи в гору, Саданва!
С воинами Ширимбитхи,
С ними мы выгоняем тебя.*

(РВ X.155.1)

Однако хула может выполнять и закливательную функцию. Целью речевой деятельности служит магическое воздействие на объект. На это указывает желательное или повелительное наклонение мантр и гимнов:

Пусть лопнут у других людишек

(Их) жалкие тетивы на луках!

(РВ X.133)

На заклинательный характер рассматриваемого элемента указывает и тот факт, что приведенный стих суггестивно повторяется рефреном в каждой строфе на протяжении всего длиннейшего гимна Индре.

Гимны исполняются в ритуале с целью магического моделирования действительности. Обратимся к гимну против соперников:

*Я пришел как победитель
Со способностью все творить.
Ваше понимание, ваше служение,
Ваш совет – я забираю (их) себе!*

(Против соперников: РВ X, 166.4)

В приведенном отрывке соперники не предаются хуле. Напротив, имеет место косвенное признание их достоинств: «*Ваше понимание, ваше служение, ваш совет...*», а значит и скрытая форма хвалы. Однако выражение намерения забрать все это подчеркивает магический, заклинательный характер употребления данных компонентов.

4. Прагматика самовосхваления

Заклинательная функция оценочных компонентов находит наиболее яркое выражение в гимнах-самовосхвалениях. В их основе нередко лежит заговор. Таков, например, гимн РВ X.159. Самовосхваление женщины:

*2 Я – знамя, я – глава,
Я грозная, за мною последнее слово.
Только мою волю, покорившей (его жены),
Муж должен исполнять.*

*3 Мои сыновья – убийцы врагов,
А моя дочь – властительница.
Я же – победительница:
Для мужа мой зов самый высший.*

*5 Нет у меня соперниц! Я – убийца соперниц,
Побеждающая, (всех) превосходящая!
Я отняла блеск у других (женщин),
Как дар – у неуверенных.*

*6 Всех вместе этих соперниц
Победила я, превзойдя (их),
Чтобы стала править я
Этим мужем и родом (его)!*

Ритуальный контекст исполнения данного гимна показывает отсутствие в тексте интенции бахвальства, которую можно было бы в нем предположить. Сама речевая ситуация – ритуальная практика, а, например, не бытовая беседа, указывает на то, что истинная семейная жизнь исполнительницы гимна далека от благополучия. Как справедливо отмечено Т.Я. Елизаренковой, «в заговорах вообще весьма существенно изображение желаемого состояния как уже свершившегося, что связано с представлениями о магической функции слова» [Елизаренкова, 1993, с. 119].

Итак, цель такого рода речевой деятельности – магическое воздействие на действительность посредством заклинательной силы речи, моделирующей желаемый результат.

5. Реноминация и оценка

Религиозными представлениями обусловлена и прагматика употребления оценочных реноминативных приемов.

Так, деzfимизмы нередки в отношении персонажей, появление которых в ритуале является нежелательным. Реноминация в этих случаях обусловлена неконвенциональной трактовкой языкового знака и представлением об имени как части упоминаемой сущности, а не условном обозначении некоторого предмета, поэтому, например, произнесение ритуального имени может вызывать присутствие того, кто им назван.

Сравните, например, заговор против ведьмы:

*(То) дерево, что плавает вон там,
У того берега реки, без человека,
За него хватайся, ты с дурными челюстями,
На нем уезжай подальше!
Когда же вы, грудастые,
Со ржавым срамом бросились вперед,
(Тогда) убиты были враги Индры,
Все (эти) с водянистым семенем.*

(РВ X.155.3-4)

Как было отмечено, прямое упоминание божества нередко используется как для усиления самого адресата, так и восславляющего его сообщества. Как указывает Т.Я. Елизаренкова, «произнесение имени божества рассматривалось в качестве одной из разновидностей «произнесения истины», за которым признавались большие креативные возможности. Произнести имя божества само по себе было чрезвычайно важно, поскольку это приобщало произносящего к сути божества» [Елизаренкова, 1993, с. 124-125]. Однако в ряде случаев и в от-

ношении ритуального имени божества имеет место реноминация, обусловленная неконвенциональной трактовкой языкового знака. Это находит выражение в табуировании упоминания в ряде случаев сакрализуемых имен, заменяемых эпитетом-эвфемизмом.

Характерен отрывок из Тайттирия-брахманы:

*Благость ту топите мне, да по нраву вам;
Власть ту (оба) плавьте мне, да по нраву вам;
Сок-уладу плавьте мне, да по нраву вам;
Силу ту топите мне, да по нраву вам;
Роскошь ту топите мне, да по нраву вам;
Тот успех топите мне, да по нраву вам;
То потомство плавьте мне, да по нраву вам;
Скот [для жертвы] плавьте мне, да по нраву вам;
Воспеваешь Людей Несущую: Обожествленная скло-
нится пусть перед Пьющим Свет.*

(ТБ I.1.1.1)¹

Людей Несущая и *Обожествленная* – эвфемизмы для Земли, *Пьющий Свет* для Агни. Далее имя Агни реноминируется с помощью эпитетов: *Зелье Пьющий, Истирающий, Сотрясающий Истирающим Огнем*. Вероятно, табуирование упоминания ритуальных имен обусловлено интенцией не помешать обоим божествам в священнодействе – плавлении жертвы. Вполне возможно, внезапное произнесение сакрального имени, по ведийским представлениям, может отвлечь и навредить ритуалу.

Показательно, что избегание имени божества достигается не только с помощью заменяющих его эпитетов, но и другими средствами, например, ритмическими намеками на имя на просодическом уровне: «Ритмический намек на имя божества, чтобы он ощущался как таковой, в своей паде должен занимать место, симметричное тому, где в соседней паде (или одной из соседних пад) стоит это имя» [Елизаренкова, 1993, с. 120].

Таким образом, реноминация также далеко не всегда является элементом оценки.

Изложенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы:

1. Оценочный компонент предстает важнейшей составляющей ведийской литературы ввиду того, что оценка служит утверждению

¹ Перевод выполнен автором статьи по изданию: Taittirīya-Brāhmaṇa. 2005. Edited by Subramania Sarma, Chennai (<http://www.sanskritweb.net/yajurveda/tb-3-04>).

ведийского миропонимания, бинарному делению на «своих» (ведийские ценности разделяющих) и «чужих».

2. Природа оценочных элементов ведийских текстов определяется прагматикой ритуала и связанным с ним комплексом религиозных представлений, которые невозможно не принимать во внимание при исследовании той или иной единицы.

3. Среди религиозных представлений ведийских ариев наиболее значимым является концепция коммуникации с верхним, божественным миром «бессмертных». Ритуал предстает важнейшим институтом такого взаимодействия, а органически связанная с ним литература имеет коммуникативную природу.

4. Заметной стратегией ритуальной коммуникации, нашедшей воплощение в ведийских текстах, становится управление действиями божественного адресата, которому приписываются антропоморфные черты. Составляющими обозначенной стратегии становятся просьбы, восхваления в гимнах, особые формулы славословия, хвалебные эпитеты, предметные (жертвенные) действия и пр.

5. Хвала богам в ведийском тексте может иметь и иную прагматику, например, быть направлена на космоупорядочение.

6. Оценочные элементы нередко выполняют и заклинательную функцию: их назначение – магическое моделирование действительности в желательном для верующих направлении.

7. В ряде случаев возможны ошибки при установлении прагматики оценочных единиц, а также при отнесении того или иного элемента текста к оценочным.

Литература

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I-IV. М., 1989. Т. 1.

Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2000.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

Ригведа. В 3-х тт. М., 1989-1999.

Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М., 1981.

Серебряный С.Д. О некоторых аспектах понятий «автор» и «авторство» в истории индийских литератур // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979.

Топоров В.Н. Ведийское *ṛtá*: к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология 79. М., 1981.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ «ЧУЖОГО» В «ПОХОЖДЕНИИ ПРАПОРЩИКА КЛИМОВА»

О.А. Фарафонова

Ключевые слова: мемуары, сюжет, путешествие.

Keywords: memoirs, plot, travel.

Мемуары российского дворянина, прапорщика Алексея Яковлевича Климова датированы 1790 годом и принадлежат тому периоду истории русской литературы, когда жанр этот находится в процессе становления и оформления традиции. Текст «Похождения прапорщика Климова», строго говоря, стал доступен широкому кругу читателей совсем недавно – благодаря Пушкинскому дому, в издательстве которого в 2011 году был осуществлен этот интереснейший проект.

Записки А.Я. Климова, обнаруженные в архиве Г.Р. Державина, первоначально не имели авторского названия, хотя с полной уверенностью можно утверждать, что создавались они «со специфической мемуарной установкой», то есть «в силу внутренних убеждений рассказать о своей собственной жизни» [Тартаковский, 1991, с. 37]. Название, как отмечает подготовившая издание Е.Д. Кукушкина, надписано «на верхнем листе рукой Г.Р. Державина» [Похождение, 2011, с. 6]. Жанровое определение «похождение» указывает в данном случае на вполне определенную литературную традицию, сложившуюся к середине XVIII века, «описания вольных или невольных путешествий по разным странам, содержащее сведения географического или этнографического характера и, самое главное, личные впечатления автора, его переживания от увиденного» [Похождение, 2011, с. 187].

Сюжетная ситуация путешествия в иные земли и описания чужих нравов и обычаев довольно часто встречаются в русской мемуаристике XVIII века в силу возросшего в этот период интереса к путешествиям. «Похождение прапорщика Климова» не стало исключением. Большую часть воспоминаний А.Я. Климова составляет описание его пребывания в европейских странах: сначала в Пруссии, а затем в Австрии. Но, в отличие от большинства авторов мемуарных произведений XVIII века, Климов оказался в иных землях не по своей воле. XVIII век в рус-

ской истории насыщен войнами внешними и внутренними (Северная война, русско-турецкие войны, Семилетняя война с Пруссией, восстание под предводительством Е. Пугачева и т.п.), которые не только определяли судьбы империй, но и трагически вмешивались в жизни отдельных людей. Участник Семилетней войны, Климов, как и весь отряд, в составе которого он был, в 1759 году попал в прусский плен, по причине того, что *«капитан, не опасаясь нападения прусско-го <...> не почел взять предосторожность»* [Похождение..., 2011, с. 36]. Почти год русских пленных продержали в Кюстрине, где *«рас-сажены были по 20 и по 30 человек по казармам. Приставлен был караул с запрещением, чтоб ни единого не выпускать ни за двери, един-ственно для того, чтоб принудить к воинской службе»* [Похождение..., 2011, с. 40-41]. Однако, в 1760 году, *«не взирая на упорство»* в нежелании *«служить королю прусскому»*, около пяти тысяч русских пленных, как пишет Климов, *«взяли <...> и, обмундировав, разбили по разным полкам»* [Похождение..., 2011, с. 42], заставив служить прусской короне. Желание вернуться на родину было велико. Климов пи-шет: *«762-м году сделалось замирение, мы все с радостью ожидали размены»* [Похождение..., 2011, с. 43]. Однако обмена пленных не по-следовало, поскольку прусским властям оказалось проще и выгоднее заплатить компенсацию за якобы умерших пленных, чем сократить численность своей изрядно потрепанной в сражениях армии: *«Мы, бедные, принуждены были остаться в Пруссии»* [Похождение..., 2011, с. 45]. Так русский подпрапорщик [Похождение..., 2011, с. 29] стал прусским младшим вахмистром и был вынужден смириться с участью носить мундир чужой армии и *«мало по малу стал привыкать к прус-ским обрядам»* [Похождение..., 2011, с. 45]. Будучи вынужден приспо-сабливаться к сложившимся обстоятельствам, А.Я. Климов очень быстро выучил немецкий язык: *«Тут же я несколько начал понимать немецкому диалекту, да к тому ж и склонность мою ко оному языку имел, как говорить, так читать и писать по-немецки, и наконец в ско-ром времени научился читать, писать, также и говорить, чрез то приобрел против моих товарищей больше преимуществ»* [Похождение..., 2011, с. 43]. «Я» автора-мемуариста в «Похождении прапорщи-ка Климова» является безусловным центром повествования, что, с од-ной стороны, обусловлено исключительностью пережитого А.Я. Климовым, а, с другой стороны, является характерной жанровой чертой мемуаристики.

Основополагающие признаки мемуарного жанра сформировались в процессе бытования его в истории литературы и представляют те его параметры, которые остаются неизменными. Это – отражение внешне-

го мира, документальность, ретроспективность, субъективность, связанная с проявлением индивидуального, личностного начала. Историческое прошлое, являющееся предметом изображения мемуаристики, предстает во взаимодействии объективного и субъективного факторов. Именно такого рода произведение представляет собой «Похождение прапорщика Климова», совмещающее безусловную литературность стиля и стремление передать и объективно описать все увиденное и пережитое автором вдали от родины. Отметим, однако, что мемуары Алексея Климова, содержащие, с одной стороны, сведения абсолютно документального характера (информация о жалованье прусской гвардии, способе формирования армии и поддержания ее численности и т.п.), с другой стороны, фиксирует, скорее, те моменты, которые связаны с наибольшими переживаниями самого автора-мемуариста. Хотя, конечно, в тексте «Похождения» присутствует и свойственная всей мемуарной литературе и литературе путешествий черта: насколько возможно автор старается запечатлеть все увиденное своими глазами. Но, хотя в мемуарах Климова упоминаются некоторые реалии (Бранденбургские ворота, Берлинский оперный театр, дворцовый парк Сан-Суси), появление их в тексте «Похождения» мотивировано исключительно поворотами сюжета самой истории «странствия» автора, не увиденным, а пережитым. Этим записки Климова отчаются от всех других подобного рода произведений XVIII века.

Тем не менее, в «Похождении прапорщика Климова» нашли отражение характерные черты культуры той страны, в которой он вынужденно прожил большую часть своей жизни. Как справедливо отмечает Е.Д. Кукушкина, «прослужив в прусской армии в общей сложности более тридцати лет, Климов составил собственное представление о личности Фридриха II, познакомился с прусскими военными порядками и способами комплектования армии» [Похождение..., 2011, с. 208]. Отдавая должное прусскому монарху, Климов подробно «объявляет» о «нравах и обрядах» правителя, уже покойного к моменту возвращения Климова в Россию и написания им мемуаров: *«Он был доброго рассудка, нравоучителен, строг и при том много милостив. Он никогда себя великолепно не убирал, носил он без всяких балетов синий кафтан. Шляпа без позументу с полимажем, сапоги мало когда были мазаны. Графило в походе, что он, не спрашивая постели, спал с солдатами, приобняв, разостлав епанчу. Мало что заснуть, он иногда с солдатами разговаривал так, будто был им ровный товарищ»* [Похождение..., 2011, с. 45-46].

Не оставляет автор «Похождения» без внимания и еще одно «обыкновение» прусского короля — пристрастие к пародам и смотрам:

«У него обыкновенно в году бывают две реви, то есть инспекторские смотра называемые. 1-я фри-ревия, то есть после Светлого Христова воскресения, зачинается от 23 мая, продолжается августа до 2-го. Вторая называется ерпет-ревия, то есть осенняя, начинается от 23 сентября. На последней король не на всех бывает, но генерал осматривает. Первый смотр его в Потсдаме, другой в Берлине, третий в Брандербурге, четвертый в Померании в Шталгарде, пятый в Штецине, шестой в Пруссии в Грануденце, седьмой и последний в Шлезии в Бреславле и тут кончится. И так Его Величество, сам ездя от города до города, осматривает солдат, а по смотре своих прусских отпускает впродоль до реви по домам, а иностранные же остаются в своих полках для содержания караула» [Похождение..., 2011, с. 47-48]; «под Потсдамом была на пригорке малая роща, <...> а под горою был ровный прекрасный дуг, где обыкновенно Е<го> В<еличество> обучал свою пешую гвардию» [Похождение..., 2011, с. 63]; «случилось одного воскресения быть по приказу королевскому церковной параде, при которой король хотел смотреть все полки. А обыкновенно такая парада всегда собирается в Берлине близ дворца, в лежащем там называемом Лест-гарте, то есть в веселом саду» [Похождение..., 2011, с. 67] и т.п. Слова Ю.М. Лотмана о российском императоре Павле I, для которого, по мнению исследователя, «парад был <...> метафорой Порядка и Власти» [Печерская, 2010, с. 189], с полным основанием могут быть отнесены и к Фридриху II.

Но даже эти, довольно подробные сведения о «нравах» прусского короля, по сути, составляют лишь контекст «приключения», которое произошло с самим Климовым. Благополучное разрешение этого «приключения» стало возможным именно благодаря пристрастию прусского короля к парадам. Будучи приговоренным за драку со старшим вахмистром сначала к «штрафу <...> беганьем розг скрозь 200 человек 12 раз», а после того, как вахмистр скончался, к «аркибузиванию» «яко смертоубийца», Климов, отчаявшись было и приговорившись к смерти, в ночь перед предстоящей казнью, «с божьей помощью вылез из окошка» [Похождение, 2011, с. 61-62] и бежал из-под караула: «Но великое милосердие Божие, что судьба во определение Всевышнего наградила мне претерпенный мною страх, который после превращен был в мою наиособливуую радость» [Похождение..., 2011, с. 60]. Желая убежать как можно дальше от места, где его приговорили к смерти («Оное было в Томгарте, или во зверинце, в Берлине, за Брандербургскими воротами» [Похождение..., 2011, с. 60]), Климов «пустился туда, куда Богу будет угодно, в том рассуждении, что, может быть, выйду в Саксонию» [Похождение..., 2011, с. 62-63]. Однако далее мемуарист пишет, что

«обманулся, ибо как <...> ни бежал, не ведая дороги, то напоследок, при рассвете дня, увидел <...> город Потсдам» [Похождение..., 2011, с. 63], где как раз в то время король Фридрих проводил очередной парад и смотр войск.

Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» писал: «Парад <...> строго регламентировал поведение каждого человека, превращая его в безмолвный винтик огромной машины. Никакого места для вариативности в поведении единицы он не оставлял. Зато инициатива перемещается в центр, на личность командующего парадом» [Лотман, 2000, с. 261]. Учитывая пристрастие к парадом еще отца Фридриха II короля Фридриха Вильгельма и то, что его сын, король-философ, создал такую систему управления страной, при которой буквально ничего не могло произойти без ведома и согласия короля, следует отметить безусловную знаковую фридриховских (а в России – павловских) парадом, подтверждающих факт сосредоточения власти «в одних руках».

На фоне пристрастия Фридриха II к парадом в «Похождении» разворачивается сюжет о справедливом суде монарха, ставшего для прапорщика Климова в буквальном смысле спасением, поскольку он не мог бы более нигде так близко «подобраться» к королю, чтобы описать ему свои злоключения и положиться на его милость и справедливость: *«В 9-м часу выходит гвардия на сей парадный плац, и при ней генерал граф Ангальт <...> Вскорости потом и Его Величество прибыл и по обыкновенному его обычаю заехал с правого фланга, ровняя шеренги. Я тут, невзирая ни на что, положась совсем на Бога, вышел <...> и, пришед близко его, упал на колени. Он, видя меня, скованного и в одном камзоле, весьма удивился»* [Похождение..., 2011, с. 64].

Интересно, что выяснив обстоятельства, по которым Климов находится в столь незавидном положении, и поручив «гвардии-аудитору» разобраться и доложить, Фридрих совершенно забывает об этом деле и о самом авторе мемуаров, который по этой причине *«сидел под караулом с октября месяца по 769 год месяца января по 8 число»* [Похождение..., 2011, с. 66]. Вспомнить об арестанте, ожидающем решения своей участи, королю помогает опять-таки ситуация парада, когда, увидев, проходившую мимо него роту, в которой служил Климов, Фридрих, как пишет автор «Похождения»: *«вспомнил обо мне, <...> закричал он: “Ганц парада, галт”, то есть вся парада стой. <...> Он призвал моего капитана сказал ему так: “граф Шливен, я имею арестанта твоей роты, где он теперь есть?”»* [Похождение..., 2011, с. 68].

Вполне традиционный для русской литературы XVIII века сюжет «суд правителя» [Печерская, 2010, с. 92-94] разворачивается в мемуарном тексте А.Я. Климова, что называется, «изнутри», когда на первый

план в соответствии с законом жанра выходит не сам суд, доказывающий мудрость и милость монарха, а переживание этого суда приговоренным: *«Вообразите, какой страх тогда овладел мною, когда унтер-офицер, пришед, сказал мне, чтоб я скорее убирался, ибо король требует меня. Тут затряслись все мои жилы, я не мог совладать сам с собою. Профот меня расковал, а я не доволен чтоб мог сам убираться, но от великого страха и руками владать не мог, где принужден тот самый унтер-офицер меня убирать. Хоша он меня и уговаривал и представлял мне, что в воскресение никаких экзекуц не бывает. “Ты совершенно получишь от короля пардона”, – говорил он. Но я всему тому не верил, ибо непреодолимый страх принуждал меня к тому невероятию. Мы шли до означенного места, а я все осматривался то в ту, то в другую сторону, нет ли которых с ружьями, которые меня расстрелять имеют. <...> Но как я увидел стоящую парад, тут страх мой еще более умножился, ибо я думал, что в наказание другим велит меня король перед сею парадом расстрелять»* [Похождение..., 2011, с. 69]. Вопреки ожиданию Климова приговор Фридриха был, действительно, неожиданно мягким: *«Так король приказал выступить адъютанту и дать мне 15 фухтелей <...> “По штрафе, – сказал он, арестант освобождается”*. И таким образом моему несчастью сделался конец» [Похождение..., 2011, с. 71]. Е.Д. Кукушкина в комментарии к изданию «Похождения прапорщика Климова» указывает, что вынесенное автору мемуаров наказание «в прусской армии применялось главным образом к кавалерии и являлось дисциплинарным, то есть не входило в число наказаний, назначаемых по суду. Такое наказание по тогдашним понятиям не было жестоким» [Похождение..., 2011, с. 233-234].

Таким образом, одно из самых драматических событий «Похождения прапорщика Климова» оказывается «обрамлено» двумя «парадными» эпизодами, в промежутке между которыми решается судьба автора мемуаров и вершится справедливый суд правителя.

Парады зафиксированы в «Похождении» именно как «обыкновенные», неотъемлемая и вполне привычная часть жизни короля и его подданных, чем еще более подчеркивается трагичность и исключительность разворачивающейся на этом фоне ситуации, в которой оказался сам Климов, совершив непреднамеренное убийство и готовясь «к штрафе».

Интересно, что в сознании русского дворянства парадная часть армейской жизни воспринималась как национально-чужеродная, а именно – прусская. Об этом, в частности, писал и Ю.М. Лотман, отмечая, что «за ориентацией армии на сражение или на парад стояли две различные военно-педагогические и военно-теоретические доктрины, а в конечном счете и две философские концепции. Социально-политическая их проти-

воположность столь же очевидна, как и противопоставленность в ориентированности на классицистическую и романтическую культуры. Существовал еще один аспект: одна из них воспринималась как «прусская», а другая — как национально-русская» [Лотман, 2000, с. 260]. Противопоставление это зафиксировано в известном анекдоте об А.В. Суворове, который якобы сказал Павлу I, упрекнувшему фельдмаршала в том, что тот не переоделся в новую форму: «Пудра – не порох, букли – не пушки, коса – не тесак, а я – не немец, ваше величество, а природный русак!» [Лотман, 1994, с. 98].

«Парад, – отмечал Ю.М. Лотман, говоря о павловском периоде российской истории, – ориентирован на зрелищность. <...> парад становился эстетизированной моделью идеала не только военной, но и общегосударственной организации. Это был грандиозный спектакль, ежедневно утверждающий идею самодержавия» [Лотман, 2000, с. 259, 262]. Зрелищность, продуманность «сценария», обязательное присутствие зрителей, наличие режиссера (короля, командующего парадом или делающего смотр войскам) и актеров (солдат), безусловно, превращает парад в театрализованное представление. Не случайно Ю.М. Лотман включил рассуждение о параде в свою статью «Театр и театральность в строе культуры начала XIX века» [Лотман, 1994, с. 629-633]. Следует отметить, что А.Я. Климов, пересказывая в мемуарах драматичнейший момент своей жизни, описывает себя как актера, играющего роль, а все происходящее с ним как представление, собравшее довольно большое количество зрителей: *«За мною ехало около 500 карет, ибо все хотели видеть, что за штрафа там воспоследует. <...> Я тут упал на колени, и <...> все подробно донес Е<го> В<еличеству>, не упустя ни единого слова, как в моем допросе показано было, ибо я все оное так затвердил на память. <...> Господа, приехавшие там смотреть на мое позорище, сжались над моим состоянием, подавали мне деньги <...>»* [Похождение..., 2011, с. 70-71]. Отметим в скобках, что словом «позорище» в XVIII веке обозначалось именно театральное представление. Климов «отыграл» положенную ему роль героя трагедии, получил одобрение зрителей и вознаграждение в виде королевского помилования и сострадания публики.

В мемуарах прапорщика Климова отмечено и то, что Фридрих II был королем, любившим музыку, оперное пение, которые он превратил в неотъемлемую и даже ритуальную часть своей жизни и жизни своего двора: *«Восьмого генваря обыкновенно король приезжает в Берлин и слушает оперы до 24 февраля»* [Похождение..., 2011, с. 67]. Интересно, что это указание на любовь прусского короля к оперному искусству оказывается в тексте «Похождения» буквально вписано в «парадную» раму:

приведенная цитата появляется как бы между прочим и соседствует с куда более пространными описаниями парадов Фридриха II. Театр как таковой не отделяется от театральности плац-парадов; собственная жизнь, наполненная драматизмом, начинает восприниматься Климовым как представление: «Он [капитан. – О.Ф.] представил мне целый театр моего несчастья» [Похождение..., 2011, с. 66].

Объясняя причины, подвигшие его писать мемуары, Климов указывает: «Учинил я в моем рассуждении представить всего моего бедного странствия трагедию, которая, как думаю, будет не во огорчение всем желающим знать и слышать» [Похождение..., 2011, с. 11]. На протяжении всего повествования в «Похождении» сохраняется трагедийный пафос «злобы судьбы» и противостояния ей героя, которое завершается своеобразной классицистической декларацией исполненного, несмотря ни на что, нравственного долга, зафиксированной в финальном акростихе: «О, как я счастлив, что в отчизне умираю! // Всем потомкам пример я оставляю. // Видишь, читатель, предложенные мною вестии, // Которые приношу я к России чести» [Похождение..., 2011, с. 177]. Именно верность России, которую, как неоднократно подчеркивает автор «Похождения», он сохранил даже будучи насильно облаченным в прусский мундир и находясь на службе другому государю, Климов считает главной своей заслугой. Учитывая то, что мемуары были написаны уже по возвращении Климова на родину после почти тридцатилетнего пребывания «под игом прусским», следует отметить, что он рефлексирует, обобщает и литературно оформляет пережитое в полном соответствии с общей установкой мемуаристики XVIII века, делая собственное жизнеописание «примером» для современников и потомков. Существенным отличием, выделяющим «Похождение прапорщика Климова» из целого ряда мемуарных произведений XVIII века, авторы которых тоже описывают иные земли и нравы («Записок» Е.Р. Дашковой, например), является то, что в этом тексте отражен не взгляд туриста, добровольно путешествующего, но взгляд человека вынужденного жить по тем обычаям, которые он описывает, человека, для которого чужие обычаи по необходимости стали «обыкновением», но который, тем не менее, не перестает воспринимать их как чужие.

Литература

- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011.

Печерская Т.И., Никанорова Е.К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск, 2010.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М., 1991.

ЛИРИЧЕСКИЙ ПОИСК В «РАЗНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» Д. САМОЙЛОВА

К.В. Синегубова

Ключевые слова: Д. Самойлов, циклизация, книга стихов, лирика.

Keywords: D. Samoylov, cyclization, book of verses, lyrics.

Книга Давида Самойлова «Горсть» вышла в 1989 году с подзаголовком «книга стихов», указывающим на художественную целостность [Дарвин, 2008, с. 96-97]. Заглавие книги поддерживает момент собирательности, целостности. Тем не менее, каждый из трех разделов книги: «Беатриче», «Разные стихотворения» и «Баллады», – существует достаточно обособленно, что и дает возможность исследователям считать, например, «Беатриче» циклом. Более того, Е.Э. Фетисова в статье «Неоакмеизм как «Ренессанс» акмеизма: Данте Алигьери, И. Лиснянская, А. Тарковский, Д. Самойлов» рассматривает цикл стихотворений «Беатриче» «как лирическую мелодраму <...> как античную тетралогию» [Фетисова, 2013, с. 169].

Композиционная структура всей книги «Горсть», на первый взгляд, довольно шаткая: первый раздел объединен по тематическому принципу, третий – по жанровому. В названии второго раздела циклообразующий момент не прослеживается, хотя раздел «Разные стихотворения» самый объемный в книге и содержит 60 стихотворений и два микроцикла (против 37 стихотворений из раздела «Беатриче» и 13 баллад третьего раздела). Возникает вопрос о циклообразующих связях внутри центрального раздела книги «Горсть».

Определенную ясность в принципы построения книги стихов Д. Самойлова вносят прозаические автокомментарии, открывающие каждый раздел. Первый такой комментарий к разделу «Беатриче» отсылает к культурной традиции, «вне которой не существует развитая поэзия». В автокомментарии ко второму разделу отмечается поэтический кризис, обусловленный «вызреванием новой темы». Третий

же раздел, «Баллады», начинается с требования сюжетной поэзии и четкости мысли, свойственной, по мнению автора, лиро-эпическому жанру баллады в большей степени, чем чистой лирике. Таким образом, раздел «Разные стихотворения» представляет собой момент поэтической рефлексии, перехода от следования одной традиции к другой, от любовной лирики к жанру баллады. Е.Э. Фетисова называет лирический поиск объединяющим моментом в цикле «Беатриче» [Фетисова, 2013, с. 168]; мы полагаем, что он не менее важен и для других разделов книги.

Раздел «Разные стихотворения» организован так, что воплощает в себе вызревание новой темы: рядом стоящие стихотворения раскрывают одну тему с разных сторон, затем в рамках этого несобранного цикла возникает другая тема, и в последующих стихотворениях развивается уже она, пока не возникнет третья тема, и т.д. Между некоторыми рядом стоящими стихотворениями возникает тесная семантическая связь, подобная той, которая позволила А. Немзеру рассматривать стихотворения «Звезда» и «Часовой» из книги «Залив», формально никак не объединенные, «в конфликтном единстве», как своеобразный диптих [Немзер, 2000, с. 586–613].

В данной статье стихотворения Д. Самойлова рассматриваются последовательно, в том порядке, в каком они расположены в разделе «Разные стихотворения» книги «Горсть» (1989), что позволит следовать за развитием авторской мысли в поисках новой темы.

Первое стихотворение раздела «Разные стихотворения» посвящено теме памяти («Трудней всего выздоровленье памяти...»), эта тема далее развивается в стихотворениях-воспоминаниях «Валя-Валентина» и «Пушкин по радио», затрагивающих период Великой отечественной войны. В «Вале-Валентине» все воспоминания делятся на «пригодные для кинокартины» и «неподходящие экрану», то есть те, которые могли бы перевоплотиться в произведения искусства, и те, которые являются слишком шокирующими и страшными для кино, ориентированного на широкую публику. Таким образом, возникает тема соотношения реальности и искусства. Далее указанная тема развивается в стихотворении «Пушкин по радио» благодаря соотношению различных эпизодов жизни лирического героя с одним из двух двустуших Пушкина: «*Любви, надежды, тихой славы / Недолго нежил нас обман*» либо «*Исчезли юные забавы, / Как сон, как утренний туман*». Если в «Вале-Валентине» некоторые фрагменты реальности могли бы стать произведением искусства, кинофильмом, то в «Пушкин по радио» мы видим, что практически любое событие можно описать пушкинскими строками, не выходя за пределы одного не-

большого стихотворения («К Чаадаеву»). Как отмечает Э.М. Береговская, «Самойлов организует сложную игру на интертекстуальных связях, так что разъятые пушкинские строки... становятся как бы собственными словами лирического героя и других персонажей стихотворения» [Береговская, 2003, с. 20]. Таким образом, в данном стихотворении сфера поэзии, а именно пушкинской поэзии, оказывается намного более обширной, чем реальная действительность.

В двух последующих стихотворениях «Грачи прилетели» и «Маша» продолжается развитие темы реальности и искусства, но искусство уже представлено живописью: картиной А.К. Саврасова, ставшей поводом для знакомства в картинной галерее, и портретами, которые художник писал с влюбленной в него женщины. Эти два стихотворения помимо магистральной темы искусства оказываются связанными еще и темой несчастной любви и могут быть восприняты как диптих.

Если в стихотворении «Пушкин по радио» поэзия была обширнее и объемнее, чем реальность, то в последующих стихотворениях соотношение искусства и реальности представляет собой определенную проблему. В стихотворении «Маша» подчеркивается несоответствие между моделью и портретом, которую сначала осознает сама модель («*Господи! Неужто я такая!*»), а затем и все посетители выставки («*И она стояла у портрета. И ее при этом не узнали*»). Это несоответствие исчезает в финале стихотворения («*Господи! Ведь я была такая!*»), тем самым утверждается ценность художественного отражения и преобразования действительности и приоритет искусства над реальностью.

Следующее стихотворение «Малолеток» в самом начале продолжает тему неоднозначного соотношения реальности и искусства: «*В шесть лет он написал стихи про осень. А было лето...*». Но сюжет этого стихотворения – уже не творчество и не искусство, а судьба творца, маленького поэта, который вырос и утратил поэтический дар. В предшествующих стихотворениях в центре были именно художественные произведения, а творец (Саврасов, Пушкин, неизвестный художник) оставался вне фокуса авторского внимания. Стихотворение «Малолеток» знаменует перенос внимания на процесс творчества и самого творца, человека.

Мотив судьбы, заявленный в «Малолетке», перебрасывает «мостик» к цыганской теме, которой посвящены стихотворения «Романс», «Цыгане», «Играй, Игнат, греми, цимбал!», «Водил цыган медведя...» и «В ночном». Эти пять «цыганских» стихотворений также объединены не только центральной темой. Образ Игната появ-

ляется дважды: в стихотворении «Цыгане» («Я помню цыгана Игната / В городе Кишиневе») и затем в «Играй, Игнат, греми, цимбал!». Воспоминания лирического героя, его размышления о своей личной судьбе, в том числе воспоминания о войне присутствуют в первых трех из перечисленных текстов. Тема воспоминаний о войне связывает «цыганские» стихотворения с теми, которые стоят в самом начале раздела «Разные стихотворения». Можно предположить также, что существует связь между цыганами и Пушкиным, автором поэмы «Цыганы», поскольку на «пушкинское» восприятие данной темы Д. Самойловым есть указание в статье А. Немзера [Немзер, 2000, с. 605]. Однако все мотивные переключки «цыганских» стихотворений с предшествующими текстами все же не объясняют, почему они возникают в книге. Наиболее вероятным кажется, что автор ищет новую тему в чуждом и экзотическом мире цыган. Воплотив в своих стихотворениях ряд образов творческих людей, он обращается к целому народу, для которого такие виды искусства как музыка и танец органичны и естественны. С другой стороны, музыка Игната, пляска цыганочки противопоставлены выставкам и газетным статьям, которые сопровождают творческий процесс в «Малолетке», являясь губительными для таланта. Возникает противопоставление естественной для творчества природной среды и губительной городской цивилизации.

Размышляя о соотношении реальности и искусства, Самойлов обращается к естественному, природному миру, который легко становится предметом изображения в искусстве и сам в себе содержит творческое начало. Стихотворение «В ночном» завершает цыганскую тему и вводит тему природы, магистральную для группы последующих стихотворений о природе. Открывает тему стихотворение «Путь мой юный, свет мой ранний...», в котором «ранний свет» утра не только символизирует юность как утро жизни, но и является закономерным продолжением ночи из предшествующего стихотворения «В ночном». Также в группу «природных» стихотворений входят «Знаю: дерево это в июне...», «Ночная прогулка», «Слышно все. В соседней улице...», «А иногда в туманном освещенье...», «Овсяночки, малиновки, щеглы...», «Колорит», «Осень», «Мороз! Накликал сам!...», «Зимний комар», «После суровой зимы», «Велес», «Птичка маленькая пела...». Эти тринадцать «природных» стихотворений представляют собой ряд пейзажных зарисовок, практически без присутствия человека. В некоторых из них вполне отчетливо звучит тема искусства, источником которого становится сама природа: «А иногда в туманном освещенье...», «Овсяночки, малиновки, щеглы...», «Коло-

рит». Природные образы не выступают как источник вдохновения для творца, природа сама творит «*образец холста*» [Самойлов, 1989, с. 77], «*евангельский сюжет*» [Самойлов, 1989, с. 75], готовый хорал, который нужно только услышать и «*воспроизвести*» [Самойлов, 1989, с. 76]. Сравнивая «природные» стихотворения с «цыганскими», можно видеть, что происходит определенное развитие темы искусства: от предельно естественного творческого процесса, сопровождающего жизнь цыган, Самойлов обращается к творческим силам природного мира.

В стихотворении «Мороз! Накликал сам!...» упомянута сила слова: «*слово – колдовство*» [Самойлов, 1989, с. 79], однако завершается это небольшое стихотворение призывом к молчанию, поскольку человек не может предвидеть последствия этого колдовства. Человек может быть внимательным слушателем и зрителем, он может копировать природу и создавать совершенные произведения искусства, но он не должен быть активным создателем своего собственного художественного мира, поскольку творческие силы принадлежат природе. Это стихотворение содержит тот же мотив призыва к молчанию, что и «Малолеток»: только в «Малолетке» это был горестный вывод из сломленной судьбы юного творца, здесь же человек отказывается от силы слова, осознавая, что она слишком велика для него.

Природные образы занимают значительное место и в последующих стихотворениях, которые уже не могут считаться пейзажными, поскольку посвящены теме смерти и в центре них стоит образ человека. Так, в стихотворении «Старая мама» процесс умирания сравнивается с выходом гусеницы из кокона, а душа, покидающая тело, – с бабочкой. Смерть матери в следующем стихотворении предстает на фоне природного образа – звездного неба. В стихотворении «Два голоса» в диалоге возникает оппозиция души и тела и происходит утверждение ценности именно земной, телесной жизни, в то время как бестелесная душа не нужна. После целого ряда стихотворений, описывающих природный мир, Самойлов помещает человека и человечества в мир природы как в единственную реальность. Далее, в качестве развития темы, следуют поэтические размышления о том, как взаимодействовать с этим миром.

В стихотворении «Жить так: без жалоб, без обид...» человек выступает агрессором по отношению к миру, но уже в следующем стихотворении «Чудо – познаваемость вселенной...» представлен диаметрально противоположный вариант взаимоотношений человека и природы: взаимопонимание, диалог, а также эстетическое наслаждение, которое даруют человеку «*гор возвышенные оды*» и «*пестрые*

элегии лесов» [Самойлов, 1989, с. 90]. Два стихотворения связаны одной и той же проблемой, но она решается по-разному, что вполне вписывается в концепцию «вызревания темы» и лирического поиска.

Эстетика природного мира в стихотворении «Чудо – познаваемость вселенной...», восприятие пейзажей как готовых произведений искусства перекликается с уже упомянутым блоком в рамках «природных» стихотворений: «А иногда в туманном освещенье...», «Овсяночки, малиновки, щеглы...» и «Колорит», а также с одним из следующих стихотворений – «День выплывает из-за острова...»:

*День выплывает из-за острова
И очищается от мрака
С задумчивостью Заболоцкого
С естественностью Пастернака*
[Самойлов, 1989, с. 93].

Сравнение рассвета с творчеством двух русских поэтов предстает абсолютно закономерным на фоне предельного сближения сфер природы и искусства, тем более, что и Заболоцкий, и Пастернак в своей лирике уделяли природе много внимания. Можно предположить, что Д. Самойлов в какой-то степени продолжает традиции натурфилософской лирики Н. Заболоцкого, опираясь, в частности, на стихотворения «Вчера, о смерти размышляя...» и «Лицо коня». Идея растворенности искусства конкретных авторов в природном мире, встречающаяся у Д. Самойлова, отсылает к строкам Н. Заболоцкого:

*И голос Пушкина был над рекою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды,
И встретил камень я, был камень неподвижен
И проступал в нем лик Сковороды*
[Заболоцкий, 2002, с. 198].

Еще более прозрачная отсылка к художественной натурфилософии Н. Заболоцкого присутствует в стихотворении «В ночном», где на фоне ночного пейзажа выступает образ коня:

*Совершенством своим
Конь подобен иконе.
Так же чист его лик...*
[Самойлов, 1989, с. 70].

У Самойлова конь имеет лик, как святой, то есть выглядит более совершенным, чем человек. Заболоцкий, хоть и не употребляет слово лик, также дает представление о превосходстве коня над человеком: «лицо волшебное коня» [Заболоцкий, 2002, с. 104].

Очевидно, что эти отсылки к натурфилософской лирике Н. Заболоцкого вкпе с упоминанием его поэзии в природном контексте неслучайны, особенно с учетом прозаического фрагмента о культурной традиции, открывающего первый раздел «Горсти». В процессе «вызревания темы» происходит не только своеобразный перебор разных тем, но и попытки обращения к другим культурным традициям. В разделе «Беатриче» доминировали традиции любовной лирики Данте и Петрарки, в «Разных стихотворениях» уже было отмечено обращение к пушкинской традиции. Но в отличие от стихотворения «Пушкин по радио», в котором готовые, заключенные в кавычки строки Пушкина использовались для предельно емкого описания реальности, скрытые отсылки к творчеству Заболоцкого скорее указывают на принятие его мироощущения. Наряду с Заболоцким в стихотворении «День выплывает из-за острова...» упоминается и Б. Пастернак, поэт, для которого также было характерно пристальное внимание к природному миру. Таким образом, происходит наследование не индивидуального поэтического мировидения, а определенной традиции, складывающейся из творчества ряда авторов. Следует обратить внимание также на хронологическую конкретизацию: «их поздняя поэзия». Вероятно, речь идет о лирике Н. Заболоцкого и Б. Пастернака 40-50-х годов, это было время, когда сам Д. Самойлов входил в литературу. Он начал печататься в 40-е, его первый сборник стихов «Ближние страны» был опубликован в 1958 году. Через 30 лет в книге «Горсть» (1989) происходит утверждение преемственности и связи между разными поколениями поэтов, делается упор на непрерывность поэтической традиции.

Таким образом, стихотворение «День выплывает из-за острова...» не только относится к группе «природных» стихотворений, но и открывает тему поэзии как непрерывного процесса, протекающего по своим законам, подобно жизни природного мира. Более четко и осмысленно развитие поэзии и трансформация поэтической традиции представлены в микроцикле «Три наброска», состоящем из стихотворений «Конец XVIII», «Конец XIX» и «Маяковский отмаячил...». Первое стихотворение изображает процесс становления поэтического языка в момент перехода от классицизма Г. Державина к сентиментализму Н. Карамзина и романтизму В. Жуковского: «язык еще не обработан», «и пробует Жуковский лиру». «Конец XIX» также изображает переходный период, «безвременье», когда «поэзия стала цыганской и кафешантанной». Третье стихотворение микроцикла посвящено 70-80-м годам XX века, когда «Пастернак отпастерначил» и «оттвардовал Твардовский» [Самойлов, 1989, с. 103], и поэзия вновь переживает кризис.

В представленной Д. Самойловым истории развития русской поэзии намеренно пропущены периоды расцвета – «золотой век» Пушкина и поэтов пушкинской плеяды, модернистский «серебряный век» и всплеск интереса к поэзии в период «оттепели». Об авангарде 10-х годов XX столетия в третьем стихотворении цикла упоминается, но как о чем-то давно прошедшем и забытом. Периоды расцвета не интересуют Д. Самойлова, потому что имеют мало общего с тем временем, в котором существует его лирический герой, также находящийся в безвременье, на распутье, в поисках новой темы. Тем не менее, в первых двух стихотворениях микроцикла не только описан кризис поэзии, но также присутствуют отсылки к блистательному выходу из этого кризиса, к новым поэтическим вершинам. Поэтому *«гееннская сера»* и *«кулачный закон»* [Самойлов, 1989, с. 103], завершающие последнее стихотворение микроцикла, также производят впечатление временных и переходящих. Поэзия, как ее изображает Д. Самойлов, развивается циклично, проходя каждые сто лет через одни и те же стадии; за каждым периодом безвременья следует период расцвета, озаглавленный появлением новых авторов и очередным изменением поэтического языка.

В следующем стихотворении *«Exsegi...»* лирический герой мечтает собрать всю существующую поэтическую традицию, начиная с Горация, в одном поэте и воздвигнуть ему памятник. И хотя в последней строке лирический герой отказывается от своего «нелепого» замысла, примечательна сама идея – представить всю поэзию в едином образе, как некое неделимо и гармоничное целое. Каждое десятилетие обладает своими особенностями: *«роковые сороковые»*, *«полосатые пятидесятые»*, *«дрожжевые шестидесятые»*, *«загадочные семидесятые»*, *«межевые восьмидесятые»* [Самойлов, 1989, с. 104], – и все эти особенности мог бы выразить один гениальный автор. Самойлов делает упор не на противодействии разных поэтических школ, а на том, что после смерти поэта остается только одно, лучшее, стихотворение, которое будет существовать вне времени. Замысел поставить один памятник всем поэтам, независимо от времени, в котором они жили и творили, отрывает поэзию от социально-исторических условий. Таким поэтом, который не был жестко привязан к своей эпохе, а существовал вне времени, представляется Хлебников, изображенный в одноименном стихотворении, следующем за *«Exsegi...»*.

Далее, как продолжение размышлений о поэзии, следует пара «литературоведческих» стихотворений *«Поэтика»* и *«Лирика»*. Поэтика предстает как формальная сторона стихотворения: его строфическая, ритмическая организация, которую *«пора бы отменить»* [Самойлов, 1989, с. 107]. Лирика же представляет собой самое содержание

поэзии – эмоциональную составляющую, лирическое событие, «*осуществление драм*» и «*чистую кровь*» [Самойлов, 1989, с. 108]. Таким образом, в этих двух стихотворениях Самойлов выражает представление о том, какой должна быть современная поэзия: можно пренебречь внешней организацией, главное – предельно правдиво выразить эмоции, чтобы сильнее воздействовать на читателя.

На первое место прагматический аспект поэзии выходит и в стихотворении «Лаборатория поэта», где написание стихотворения сравнивается с созданием бомбы для террористического акта. С другой стороны, в стихотворениях «Не верь увереньям, наивный...» и «Могила поэта» представлен пессимистический взгляд на поэзию, которая легко забывается и не дает пропуска в вечность. Негарантированность поэтического успеха и сравнение стихотворения с бомбой, брошенной под карету императора, создают определенный контекст для восприятия стихотворения «Партизаны». На фоне размышлений о судьбе и предназначении поэта «партизаны» воспринимаются не столько участниками войны (в прямом значении), сколько как метафорическое изображение все тех же поэтов, которые жертвуют собой без особой надежды на успех.

Также теме поэта и поэзии и творческой рефлексии посвящены последующие стихотворения «Конец системы самооправдания...», «Когда сумеем угадать...», «Мне выпало счастье быть русским поэтом...», «Добивайтесь, пожалуйста, смысла...» и «Начать с себя. Не ждать, покуда...». Место поэта определяется двойко: с одной стороны, поэты ничтожны, поскольку ни один из них не является гением, благодаря которому могло бы произойти рождение нового искусства. С другой стороны, незаметная роль, которую вынужден играть поэт, не отменяет высоких требований: необходимо добиваться смысла в стихотворении, стремиться к пониманию, честности и нравственной чистоте и, наконец, судить себя, а не оправдывать.

Стихотворение «Что полуправда? – Ложь!...» представляется в каком-то смысле итоговым для развития темы поэта и поэзии, поскольку завершает постановку ряда сложных нравственных проблем прагматическим вопросом «*Что же делать?*» и ответом: «*Не взыскуя выгод, Судить себя. В себе. Не пропадешь*» [Самойлов, 1989, с. 118]. Этот императив подводит черту размышлениям Самойлова о поэзии, и за этим стихотворением следует переход к теме соотношения искусства и реальности в микроцикле «Старый цирк». Эта тема уже звучала в начале раздела «Разные стихотворения» («Валя-Валентина», «Пушкин по радио», «Грачи прилетели» и «Маша»). Повторное обращение к ней создает кольцевую композицию в рамках раздела.

В аспекте циклизации важную роль играет название микроцикла «Старый цирк»: само слово «цирк» означает круг, это замкнутый мир, ограниченный ареной и цирковым шатром, а также временем представления. В первом стихотворении микроцикла «После представления» происходит попытка выйти хотя бы за временные рамки, показать артистов цирка во время отдыха. Даже за пределами представления они не перестают быть акробатами, фокусниками, канатоходцами, но в отличие от представления досуг циркачей представлен в сниженных тонах, в них ничего нет от волшебства, которое они создают на арене. Очевидно, что наиболее важная роль в цирковом искусстве принадлежит не отдельным артистам, а ангелу цирка. Ангел – вестник из иного мира, именно он создает иную реальность во время циркового представления. Действительно, только вмешательством ангела можно объяснить, что комическая ссора двух клоунов, один из которых увел жену другого, все же производит впечатление на зрителей.

Циркачи лишены имен (не считая клоунских прозвищ), лишены индивидуальности. Единственный субъект речи в данном микроцикле – это лев, который отлично осознает и реальность закулисья и особые законы циркового представления и играет роль в обоих мирах. Лейт-мотивом, объединяющим микроцикл, становится именно игра. Игра как представление, как создание иллюзорной реальности переключается с проблемой полуправды, которая была поставлена в стихотворении «Что полуправда? – Ложь!...», предшествующем микроциклу. Обманывает ли лев, когда изображает перед публикой льва? По всей видимости, часть правды, которая в художественном мире Самойлова представляет значительную ценность, в поведении льва все же присутствует, он предельно честен и объясняет мотивировку всех своих действий. Цирковой лев беспристрастно судит себя и мир, в котором вынужден находиться, он соответствует тем требованиям, которые Самойлов предъявлял к поэтам в предшествующих стихотворениях.

Следовательно, микроцикл «Старый цирк» также является попыткой показать творца, создателя иллюзорной реальности. Обращение к цирковому искусству и герою-льву может быть объяснено специфическим отношением Самойлова к поэтам и поэзии, которое было отмечено выше: поэт-террорист, поэт-партизан, поэт, от которого не останется после смерти больше одного стихотворения. Принижение роли поэта в переходный период позволяет сопоставить поэзию не с живописью, как в начале раздела, а с цирком – массовым искусством.

Наконец, последняя тема в разделе «Разные стихотворения» – это тема Родины, раскрывающаяся в трех стихотворениях. Стихотворение «Полынь-звезда», заглавный образ которого взят из Апокалипсиса,

изображает переломный исторический момент, который, однако, соотносится не с концом света, а с 1941 годом («С Отчизною противоречий нет, Как не было когда-то, в сорок первом» [Самойлов, 1989, с. 124]). Высокие требования, которые предъявлялись к поэту в предшествующих стихотворениях, сейчас объясняются спецификой эпохи. Момент, когда восходит Звезда Полюнь, в стихотворении Самойлова не связан со страхом и отчаянием, напротив – требует активизации, честности по отношению к себе и к миру, борьбы.

Напряжению «Полюни-звезды» противопоставлено следующее стихотворение «Нам бы надо закрыться...», в котором речь идет не о мобилизации всех физических и душевных сил, а о трехсотлетнем сне народа, необходимом для накопления сил. Очевидно, что имеются основания для противопоставления этих двух стихотворений: в одном представлен «час преображенья», в другом речь идет о трехсотлетнем сроке, в одном масса обращений, призывов, в другом – медитативные размышления. Тем не менее, ощущение особого исторического момента и необходимости перемен сохраняется в обоих текстах.

В «Оде» – последнем стихотворении раздела – перед нами не столько классическая ода, сколько размышления о том, какой же должна быть ода России: какие слова нужны и какие не нужны России и почему. Примечательно, что Самойлов ставит этот вопрос, уже написав два стихотворения о России, это вполне соответствует переходному характеру раздела «Разные стихотворения» и поиску темы.

Рассмотрев последовательно все тексты, входящие в раздел «Разные стихотворения» книги стихов Д. Самойлова «Горсть», можно видеть, что они сгруппированы по тематическому принципу. Большинство тем являются вполне традиционными: тема поэтического слова, поэта и поэзии, тема природы, тема Родины, тема судьбы. Стихотворения расположены таким образом, чтобы был возможен плавный переход от одной темы к другой: такие стихотворения как «Пушкин по радио», «Малолеток», «В ночном», «А иногда в туманном освещенье...», «Овсяночки, малиновки, щеглы...», «Колорит», «День выплывает из-за острова...» сочетают в себе разные темы и служат связующими звеньями при переходе от одной темы к другой. Такая структура раздела отражает ситуацию лирического поиска, в результате которого происходит не только выбор темы, но и осознание смысла искусства и роли поэта в мире. Завершение раздела стихами о Родине указывает на отказ от лирической медитации и переход к ясному сюжету и четкой авторской позиции, которые станут определяющими чертами в разделе «Баллады», завершающем книгу «Горсть».

Литература

- Береговская Э.М. Давид Самойлов – лирик: лингвостилистический портрет // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6.
- Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика. М., 2008.
- Заболоцкий Н.А. Полное собрание стихотворений и поэм. Избранные переводы. СПб., 2002.
- Немзер А. Часовой и звезда // Самойлов Д. Мне выпало все... М., 2000.
- Самойлов Д. Горсть: Стихи. М., 1989.
- Фетисова Е.Э. Неоакмеизм как «Ренессанс» акмеизма: Данте Алигьери, И. Лиснянская, А. Тарковский, Д. Самойлов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 1.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *LAWYER* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНА ГРИШЭМА: БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова

Ключевые слова: концепт, структура концепта, признаки концепта, авторские смыслы, репрезентация, актуализация.

Keywords: concept, conceptual structure, conceptual attributes, author's implications, representation, actualization.

Джон Гришэм известен как автор юридических триллеров, среди которых особую популярность приобрели «Адвокат», «Клиент», «Фирма», «Партнер», «Время убивать». Доминантой идиостиля писателя является сфера правовых отношений в ее разнообразных аспектах. В произведениях автор затрагивает проблемы, касающиеся современного американского общества, описывая деятельность разного рода правозащитников – героев и предателей, посредственностей и гениев. Насилие, несправедливость, раздел имущества, классовое расслоение, нарушение прав частных лиц крупными компаниями связаны с юридической практикой. Герои Гришэма, на первый взгляд абсолютно разные, чем-то похожи друг на друга, как и в жизни реальных американских граждан, отсюда вытекает и неоднозначное авторское видение концепта *lawyer*.

За любым концептом стоят ментальные образования, скрытые смыслы, «кластер» знания, которые актуализируются в тексте. Концепт отвечает «представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек

в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [Кубрякова, Демьянков, 1996, с. 90-91]. Помимо различных смыслов, концепт несет определенную культурологическую информацию, которая отражает отношение представителей определенного этноса к какому-либо понятию или явлению. Большинство отечественных лингвистов разных научных школ (И.А. Стернин, С.Г. Воркачев, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова) выделяют в концепте образ, понятийный компонент и концептуальные признаки. Признаки, которые формируются в сознании человека в виде концептов, не ограничиваются каким-то одним объектом, а распространяются на целые классы объектов [Болдырев, 2009, с. 41].

В ходе анализа романов «The Street Lawyer» и «The King of Torts» был выделен целый ряд сходных и различных концептуальных признаков, отражающих образные и аксиологические компоненты и образующих значимую часть содержания концепта *lawyer*. Концептуальный анализ позволил выделить в концепте как личностные, так и универсальные признаки: борец за достоинство клиентов и сотрудников; истинный герой; радикал; образованный, внутренне воспитанный человек с широким кругозором; игрок; богач; предприниматель; воин; часть системы. Автор показывает профессионала, которым движет искреннее желание помочь людям, а также необходимость сохранить собственную жизнь и достоинство. В делах конкретных клиентов он видит потенциал, совпадающий с его жизненной позицией. Данные признаки моделируют внутреннюю сущность концепта *lawyer* как ментального образования и отображают как индивидуально-авторские, так и национально-культурные составляющие.

В начале 60-х годов XX века Альберт и Уильямс определили десять базовых составляющих общечеловеческих, национальных и социокультурных ценностей, которые остаются справедливыми для американского общества и сегодня:

- 1) активная жизненная позиция, основанная на владении ситуацией в противовес пассивному принятию событий;
- 2) акцент на достижениях и успехе, понимаемый в частности как положение в обществе и материальное благосостояние;
- 3) личные моральные качества, ориентированные на такие пуританские ценности как долг, трудолюбие и здравый смысл;
- 4) привитая родителями религиозность;
- 5) научный и светский рационализм, опирающийся на взгляд на Вселенную как упорядоченное, познаваемое и невраждебное образова-

ние и поддерживающий скорее экстравертный, чем интровертный взгляд на мир;

6) прогрессивное понимание истории, поддерживаемое оптимизмом, уверенностью в будущем и верой в то, что прогресса можно достигнуть с помощью целенаправленных усилий;

7) равенство, с горизонтальным, а не иерархическим пониманием социальных отношений;

8) высокая оценка отдельной личности в противовес коллективной идентичности или коллективной ответственности;

9) опора на собственные силы;

10) гуманность и др. [Albert, Williams, 1970].

Большая часть, выделенных нами концептуальных признаков, отражает базовые ценности, обозначенные Альбертом и Уильямсом.

1. Концептуальный признак: трудоголик, преданный своей профессии.

Американцы много работают, начиная с подросткового возраста. Данный признак ярко актуализируется в романе «Уличный адвокат». Майкл, рассказывая о том, какие ценности заложили в них в детстве, утверждает: *We were taught to be productive, and the more success we attained, the more society would benefit, in some way.* [Grisham 1998, p. 69] Этот синдром не покидает его даже в семейной жизни и становится определенной отдушиной, чтобы пережить сложности в отношениях с женой: *Claire became determined to spend more time away from the apartment than I did, and so both of us slid into the silliness of extreme workaholism* (S.L., p. 33).

Так представлен Абрахам, уличный юрист, один из сотрудников правовой клиники на четырнадцатой улице Нью-Йорка: *He was a quiet, distant man with an intense, brainy aura that would have been intimidating... I had met and known a dozen Abrahams, aloof and earnest types with little regard for social skills* (S.L., p. 219) Абрахам – личность безгранично преданная своей профессии, что и притягивает главного героя к нему и тому, чем он занят: *Abraham stepped in <...> Jewish, dark beard, horn-rimmed glasses, <...> dirty sneakers, and the weighty aura of one trying to save the world.* [Grisham 1998, p. 48] *The law was his life. The old adage that the law was a jealous mistress had been taken to a new level by people like Abraham and myself. The law was all we had.* (S.L., p. 220) Автор неоднократно отмечает, что профессия для его героев – это жизнь: *Rudolf Mayes had become a partner at Drake & Sweeney at the age of thirty, still a record. And if life continued as he planned, he would one day be the oldest working partner. The law was his life, as his three former wives could attest* (S.L., p. 134).

Мардохей Грин, один из уличных юристов, создан автором как очень трогательный, любящий, неравнодушный, одухотворенный человек. Он работает от души, не жалея своих сил и энергии: *Mordecai Green was a warm, caring man who labored on the streets protecting hordes of nameless clients. His view of the law required more soul than I could ever muster* (S.L., p. 50).

Данный признак репрезентируется лексическими единицами: *productive, workaholism, soul, save the world* и метафорой: *work (law) is life* (работа – жизнь). Упорный, продуктивный труд – это основная характеристика выдающегося юриста, а труд, в который вложена душа, и желание спасти мир приобретает еще большую значимость.

2. Концептуальный признак: воин, борец за достоинство клиентов и сотрудников.

Психологи и социологи утверждают, что решая проблемы сущности профессионального самоопределения, человек движим самым «первичным благом» (термин «теории справедливости» Дж. Ролза), чувством собственного достоинства, все, что он делает, выбирая определенную профессию и выполняя определенную работу, повышает чувство собственной значимости и значимости клиентов [Пряжников, 2002, с. 14]. Гришэм видит своих героев именно такими, людьми с чувством уважения к себе и другим.

Опишем случай из романа «Уличный адвокат». Друг и коллега главного героя, Майкла Брока, Мардохей, рассказывает ему историю о том, как один шестидесятилетний бедняк, страдая от болей в спине, пошел взять обычное заявление о компенсации в службе социальной защиты и, выстояв очередь, был оскорблен секретаршей, у которой был неудачный день. Обратившись к Мардохею с жалобой, он стал свидетелем официального, устно зачитанного извинения в его адрес длинной в одну страницу. Мардохей комментирует этот случай следующим образом: *That's justice, Michael, that's what street law is all about. Dignity* (S.L., p. 105).

Клэй Картер в романе «Король сделки» помогает своим клиентам, пострадавшим от крупных компаний, нанесших ущерб их здоровью, восстановить чувство собственной значимости, собрав информацию о таких правонарушениях и выиграв дело в суде. В этом романе юристы, занимающиеся частной практикой, представлены как состоятельные люди, владеющие самолетами, счетами в других странах. Клэй Картер также финансово обеспечивает своих сотрудников и их семьи, которые работают на него, выполняя большие объемы работы. Для каждого из них его финансовое вознаграждение имеет большое значение: *For Rodney, it meant college for the kids. For Paulette, it meant a divorce from*

the Greek she'd seen once in the past year. For Jonah, it meant life on a sailboat (К.Т., р. 174). Само название романа, метафора (the king of torts), которая по умолчанию определяет протагониста как победителя, короля массовых исков.

Необходимо отметить, что прежде чем заниматься частной практикой, Клэй работает в качестве общественного защитника. Однако в этой должности он не имеет какой-либо благоприятной финансовой перспективы, несмотря на то, что он много трудится и при этом защищает самых отъявленных негодяев, которые, в свою очередь тоже оказываются жертвами определенных медицинских экспериментов. Частная практика представлена автором в более радужном свете, чем государственная должность. Паттон Френч, сотрудник Клэя, возносит удовольствие от права юриста способствовать тому, что права клиентов защищены и справедливость торжествует, выше денег, которые они получают: *It's the biggest thrill I know. You catch the greedy bastards putting out bad products that harm innocent people, and you, the lawyer, get to punish them. I'll never stop regardless of how much money I make* (К.Т., р. 203).

В романе «Уличный адвокат» клиентами главного героя являются представители рабочего класса. Они предстают перед читателем как «little street soldiers», которых автор называет безгласной массой людей: *You see, Michael, the homeless have no voice. No one listens, no one cares and they expect no one to help them... Their calls are never returned* (S.L., р. 104). *They were intimidated not only by me but also by the vast world of laws and regulations... I learned to smile, and make them feel welcome* (S.L., р. 205). *The big cities have passed all sorts of laws designed to prosecute those who live on the streets. ... So the cities selectively enforce general laws, such as loitering, vagrancy, public drunkenness. They target the homeless* (S.L., р. 205). В их жизни отсутствует всякая надежда на перемены к лучшему, отчаяние овладевает их сердцами: *Things go from bad to worse. A lot of homeless people are afraid of shelters ... Not all shelters are good. There have been assaults, robberies, even rapes* (S.L., р. 203). Тем не менее, сотрудники фирмы всячески пытаются помочь бедным и испытывают к ним сострадание и даже любовь. Мардохей, всегда пытается узнать, как зовут его будущего клиента (несмотря на то, что имени может и не быть) и чувствует, что они для него очень близки: *The homeless he loved were more than victims; they were his people* (S.L., р. 84).

Человечность представителей этой профессии отмечается автором как отличительная черта характера. Поэтому они становятся «воинами», которые, наживая врагов, борются за права. Мардохей своими

врагами считает полицейских и всех, кто попирает права бедняков: *Mordecai did not make friends on that side of the street. Cops and prosecutors were his natural enemies* (S.L., p. 300). Он «воюет» даже по телефону: *Mordecai was an animal on the phone, his deep gravel voice roaring through the air, making all sorts of demands and vile threats* (S.L., p. 217). Майкл, став уличным юристом, понимает, что он стал врагом для своих бывших коллег: *Then I realized that they were no longer my friends. I was gone... I was the enemy* (S.L., p. 215).

В произведении «Король сделки» также появляется ассоциация юридической деятельности с боевыми действиями, с юристами в качестве участников сражения: *They needed patches and medals, like war heroes. This one here they gave me for that tanker explosion that killed twenty. I got this one for those boys who got burned on the off-shore drilling rig. This, the war against Big Tobacco. This, the battle against HMOs* (К.Т., p. 224-225). А главный герой в общении с более старшими, опытными юристами, которые хвастают своими победами, чувствует себя новобранцем: *He was by far the youngest lawyer there, and he felt like a rookie in every way....Youngest lawyer. Smallest jet. No war tales* (К.Т., p. 226). Эти «герои войны», выступающие в качестве членов судебного комитета, обсуждают ход своих действий, употребляя военную терминологию: *Albert from Topeka suggested the strategy of forcing Ackerman Labs into bankruptcy. He had done it twice... Both times the target companies had used the bankruptcy* (К.Т., p. 226).

Данный признак репрезентируется лексическими единицами: *war, struggle, battle, medal, enemy, victims, target, justice, strategies, heroes*, а также сравнением: *like a rookie*. Активная жизненная позиция, основанная на владении ситуацией в противовес пассивному принятию событий – база для успеха в юридической профессии.

3. Концептуальный признак: истинный герой.

Н.С. Пряжников при описании проблем личностного профессионального самоопределения отмечает, что быть героем в сложные времена легко, но быть героем в период относительного благополучия куда сложнее, так как подлинное личностное самоопределение обрекает человека на одиночество, непонимание, осуждение со стороны других людей. Именно тогда выявляются истинные герои, которые ищут смыслы в решении непонятных для обывателя проблем [Пряжников, 2002, с. 7].

Актуализация данного смысла наглядно представлена в романе «Уличный адвокат». Майкл Брок, сотрудник большой преуспевающей юридической компании, человек с хорошим доходом, имеющий благоприятные перспективы в своей профессии, вдруг решает защищать

права бездомных людей, тем самым вызвав немало удивления и возмущения среди своих близких и коллег. При этом все вокруг него (коллеги, друзья, жена, брат) описываются автором как благополучные люди, которые планируют свою жизнь на годы вперед и работают ради денег. Майкл следующим образом описывает свое состояние после участия в акциях помощи бедным, столкновения с реальностью их бытия, участия в марше за защиту прав бедных: *But I was no longer the same person I'd been a few weeks earlier. Nor could I go back, even if I'd wanted to. My past had been about money and possessions and status, afflictions that now disturbed me* (S.L., p. 284). *I did not want to go to the office. I hated the thought... I admitted to myself that I'd never loved the work* (S.L., p. 93).

В разговоре со своим коллегой Барри Назо он раскрывает суть своих действий и напоминает о высоких идеалах, к которым они стремились в молодости и призывает к тому, чтобы юристы вместо того, чтобы просто зарабатывать деньги, занялись борьбой за права тех, кто действительно находится в сложной ситуации: *There is more to being a lawyer than billing hours and making money... I want to make a difference.... We got into this business because we thought the law is a higher calling. We could fight injustice and social skills, and do all sorts of great things because we were lawyers. We were idealistic once. Why can't we do it again?* (S.L., p. 198). Реакция жены на то, что произошло с мужем, представлена следующим образом: *I was not the same person I'd been a week earlier, and she was not sure she liked the latest version any better* (S.L., p. 117). Помимо этого, жена выражает вотум недоверия своему мужу-юристу тем, что обращается к другому юристу при разводе с Майклом, заявляя: *My lawyer is confident she can convince a judge that your actions have wrecked us financially* (S.L., p. 146).

Несправедливость, равнодушие в отношении бедняков, которые господствуют вокруг, возмущают Клэя. Герой укоряет правительство во многих бедах, обрушившихся на бедных, и вскрывает случаи мошеннических действий в отношении них: *We were on Pennsylvania Avenue, moving past the mammoth office buildings of Congress..., and I couldn't help but offer a silent curse or two at the fools who wasted billions each month while people were homeless. How could four innocent children die in the streets, practically in the shadow of the Capitol, because they have no place to live?* (S.L., p. 111) *Governments are balancing budgets on the backs of the poor... Only fourteen percent of disabled homeless people receive disability benefits... You'll see a lot of these cases. (S.L., p. 202) New York, richest city in the world, can't house its people, so they sleep in the streets... they cut budgets like hell, close shelters... and at*

the same time they spend a bloody fortune paying New York lawyers to defend them for trying to eliminate poor people (S.L., p. 75).

Появление главного героя в противоречивом мире, полном проблем, – знаковое событие, которое перевернуло сознание и изменило его судьбу: *I entered the world of the homeless* (S.L., p. 75). Протагонист оставляет безопасный, чистый мир привилегированных, сытых людей и отправляется за «приключениями», которые ожидают его при соприкосновении с миром бедняков, людей улицы: *To be in that part of town after dark was to ask for trouble* (S.L., p. 166) *Most of the work is easy, it takes a lawyer on the phone barking at some bureaucrat who won't move...about twenty-five percent of our work deals with benefits ...half of the practice of law was bullying and barking* (S.L., p. 112).

Однако для него нет трагедии в том, что является трагедией для его близких, он покидает благополучный мир с улыбкой: *I ...smiled at all the things I was leaving behind. The pressure was lifting with every breath. No more labor with a time clock wrapped around my throat. No more eighty-hour weeks because my ambitions colleagues might be doing* (S.L., p. 85). *No more nightmares about getting the partnership door slammed in my face* (S.L., p. 117). Герой воспринимает перемены в своей жизни как освобождение от тяжелого бремени бесконечного зарабатывания денег: *I was freed from the shackles of corporate servitude, and the money. I was left to follow my conscience. I would have felt great if not for the knife sticking through my ribs...* (S.L., p. 168) Он утверждает: *I am not looking for greener pastures* (S.L., p. 69). Теперь герой не одинок, хотя весь прежний мир, в котором он жил, застывает в недоумении от его действий и мыслей. Абрахам, коллега Майкла Брока, сменивший немало мест работы, утверждает: *The law is a higher calling. It's more than making money* (S.L., p. 219).

Помимо развода с женой Майклу предстоит пережить и непонимание в семье со стороны родителей и родного брата, который также работает юристом, но главной целью своей жизни ставит финансовую обеспеченность и благополучие. В разговоре с отцом Майкл дает следующее описание сути общественного права, которым он начал заниматься: *It's when you work for the good of society without making a lot of money* (S.L., p. 69). Это заявление возмущает отца и далее в произведении представлен непростой диалог-спор между отцом и сыном о будущем Майкла.

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *a higher calling, for the good of society, idealistic, make a difference*. Герой романа обречен на одиночество, непонимание, осуждение, но это не тяготит его, так как он, по замыслу автора, возвраща-

ется своими поступками к духу права, его основополагающим идеям защиты прав личности, а не гонится за финансовым благополучием.

4. Концептуальный признак: радикал.

В исследуемых произведениях автор воссоздает мир людей определенной профессии в ее разных проявлениях. Он рисует образы отрицательных героев, образы приспособленцев и некие идеалы, воплощенные в образах главных героев. Создавая их, автор пытается воздействовать на внутренний мир читателей, натолкнуть их на мысль о том, что не все так гладко в их прогрессивной стране. Когда Майкл Брук, герой романа «Уличный адвокат», оказался в тюрьме, ступив на путь защиты бедных, он платит цену за свой героизм и вспоминает исторические факты заключения в тюрьму борца за права темнокожих Мартина Лютера Кинга. А его коллега Мардохей называет Майкла радикалом, потому что он сменил более комфортные условия труда на менее оплачиваемые и привлекательные: *Washington <...> attracts a lot of people who want change, a lot of activists and radicals. People like you. <...> You are now a radical* (S.L., p. 208).

Радикалом можно назвать и Клэя Картера из романа «Король сделки». Газета Уолл Стрит Джоурнал берет у него интервью и описывает его в следующем свете: *Less than two months ago, D.C. attorney Clay Carter was laboring through the city's criminal justice system as an unknown and low paid public defender. Yesterday, as the owner of his law firm, he filed a billion-dollar lawsuit against the third-largest pharmaceutical company in the world* (К.Т., p. 191). Радикальные перемены происходят в результате того, что он меняет сферу деятельности. Неизвестный общественный защитник становится владельцем юридической фирмы, о делах которой не умолкая пишут такие популярные газеты как Таймс, Уошингтон Пост, Уолл Стрит Джоурнал. Низкооплачиваемую должность он меняет на дело о правонарушении массового воздействия размером в триллион долларов.

В романе «Король сделки» Клэй Картер, общественный защитник, переходит в сферу защиты прав потребителей медицинских препаратов, меняя стабильность на профессию, в которой он может быть подвержен различным рискам и личностным трансформациям. Прежде чем явиться в суд Картер должен найти определенное количество людей, принимавших препарат (что он делает через газетные объявления), затем сделать медицинское обследование, подтверждающее факт отрицательного побочного действия, а затем заработать на страховках, выплаченных клиентам.

Вопрос выбора профессии сопряжен с комплексом личностных изменений. Проблема поиска – это результат внутренней борьбы чело-

века [Пряжников, 2002, с. 12]. Герой романа «Уличный адвокат» Майкл Брук и герой «Короля сделки» Клэй Картер не ограничиваются одной сферой правовых отношений и не боятся покинуть государственный пост (Клэй Картер) и процветающую юридическую контору (Майкл Брук) со всеми прелестями и отрицательными моментами и заняться более рискованным делом защиты прав частных граждан. Оба протагониста занимаются решением злободневных социальных проблем американского общества – борьбой с бедностью и защитой прав потребителей: <...> *I could not get beyond the fact that I, Michael Brock, an affluent white boy from Memphis and Yale and Drake & Sweeney, was sitting among the homeless in the basement of a church in the middle of the Northwest D.C.* (S.L., p. 84).

Майкл меняет работу с документами на работу с людьми: *As an antitrust lawyer, I rarely had to face the clients. Things were different on the street* (S.L., p. 285) *I fully realized my new status in life. I was a wonderful story – ambitious young lawyer transformed into an advocate for the poor* <...> *Clair had found it hard to criticize a saint* (S.L., p. 139). Описывая прощание с сотрудниками фирмы, Майкл отмечает, что они считали его почти сумасшедшим: *I was spending most of my time accepting grave farewells from friends and colleagues convinced I had truly lost my mind* (S.L., p. 146) Другой сотрудник-радикал Абрахам также меняет работу с сенатором на защиту бедных: *Came to Washington to work on Senator Moynihan's staff. Spent a few years on the Hill, landed on the street. Extremely bright* (S.L., p. 127) Клэй Картер также благополучно меняет сферу своей деятельности: обычный общественный защитник трансформируется в так называемого юриста, занимающегося правонарушениями массового воздействия (mass tort lawyer), защищающего частные потребительские интересы больших групп людей. Из юриста, работающего на некоего босса в Офисе Общественных Защитников (Office of Public Defendants), Клэй быстро превращается в успешного управляющего собственной компанией.

Данный признак репрезентируется антитезой: *affluent – homeless, hill – street, a low-paid public defender – a billion-dollar suit*. Автор на стороне радикалов, скорее всего, его замысел в том, что американское общество нуждается в радикальных переменах в определенных сферах, как, например, борьба с бедностью.

5. Концептуальный признак: образованный, воспитанный человек.

Протагонисты Гришэма – образованные люди с широким кругозором, что и делает их способными приобретать опыт в своей деятельности и воспринимать общественные проблемы и совершать измене-

ния: *His Georgetown Law School diploma hung in a handsome frame in the center of a wall. For the first two years at OPD he had refused to display the diploma for fear that the other lawyers would wonder why someone from Georgetown was working for minimum wages* (К.Т., р. 14). *He tossed the Tequila Watson file on his very clean and very neat desk...* (К.Т., р. 13).

Родители Майкла – представители среднего класса, люди с консервативными семейными ценностями, которые они привили своим трем сыновьям: *worked hard, saved well, and provided a comfortable upper-middle class home for us. My two brothers and I had the best private schools we could get into. They were solid people, conservative, patriotic, free of bad habits, fiercely devoted to each other* (S.L., р. 64) *My mother wanted strong families with lots of grandchildren. My father wanted his boys to move quickly up the ladder_and enjoy the rewards of our hard-earned success* (S.L., р. 67). Абрахам также представитель среднего класса. *He was a middle-class kid from Brooklyn, law school at Columbia* (S.L., р. 219).

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *private schools, diploma, law school, success, move up the ladder*. На примере своих персонажей автор дает понять, что образованность делает людей способными анализировать, мыслить, совершать изменения в обществе и влиять на окружающих.

6. Концептуальный признак: хищник.

В романе «Король сделки» актуализируются целый ряд признаков: хищник, игрок, предприниматель, часть некой системы, кластера. Писатель обращает внимание на процесс адаптации Клэя к новой среде. В романе появляется фигура Паттона Френча, который принадлежит к кружку юристов (Circle of Barristers), занимающихся подобными делами-исками против больших фармацевтических компаний, и он же организует семинары по обучению таких юристов (mass tort boys), где выдвигаются основные мотивы работы в данной сфере. Концептуальный признак актуализируется метафорически: *We are sharks, okay, nothing but vultures. The race is on* (К.Т., р. 208). Суть работы сравнивается с охотой хищной рыбы, акулы, которая находится в состоянии гонки за своей добычей, чья главная цель – деньги крупных компаний, что обозначено писателем как *modern-day lawyering* (К.Т., р. 165). *The race is on, folks, he said, trying his best to motivate a weary bunch. The sharks are coming after our clients* (К.Т., р. 218).

Паттон Френч указывает на то, что сам процесс охоты, ловли добычи приносит ни с чем не сравнимое удовольствие: *There is a thrill in catching a big, rich, proud corporation doing something dirty* (К.Т.,

р. 203). В романе также описывается встреча нескольких юристов, занимающихся правонарушениями массового воздействия, с целью прощитать действия и обсудить план работы. После обсуждения, когда они предвкушают свой финансовый успех, автор вновь сравнивает их с хищниками, которые чуют запах добычи: *the lawyers were smelling money* (К.Т., р. 233).

Данный признак репрезентируется такими лексическими единицами как *race, sharks, vultures, catch*. Следует отметить, что не все правовые сферы характеризуются данным признаком, обычно им обладают юристы частной практики, а в описываемом случае юристы, занимающиеся массовыми исками, то есть работающие с большим количеством людей и денег.

7. Концептуальный признак: игрок.

Паттон Френч при обучении Клэя и других его новых коллег, воодушевляя их на свершение великих дел в своей сфере, утверждает: *Be bold, <...> roll the dice, and you could get filthy rich* (К.Т., р. 211). Каждый следующий шаг при совершении сделки сравнивается с бросанием кубика на игровом поле. Клэй Картер сравнивает свою деятельность с огромной азартной игрой, в которой можно победить или проиграть. Предупреждая своих коллег о том, что все их действия могут оказаться тщетными либо принести большой доход, он говорит: *I'll be very honest with you. I think I know what I'm doing, but since I've never done it before, I can't be certain. It's one huge gamble. If I win, then we all make some serious money. If I lose, then we are still in business* (К.Т., р. 218).

В другом контексте Паттон Френч, представляя Клэю еще одного участника сделки, вновь сравнивает свою работу с игрой, утверждая, что Вик Бреннан хочет знать план игры (то есть план их совместных действий), при этом отмечая, что Вик очень серьезный игрок и относится к разряду соперников: *Serious competition. Name's Vic Brennan, big lawyer in Houston, very smart and aggressive. He's onto Dyloft, wants to know the game plan* (К.Т., р. 214). В романе «Уличный адвокат» Майкл Брок, воспитанный в семье среднего класса, описывая свои жизненные установки, сравнивает труд своей жизни с игрой, в которой он должен играть честно, следуя правилам: *Set goals, work hard, play fair, achieve prosperity* (S.L., р. 69).

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *lose, win, roll the dice, competition, the game plan, play fair*, а также метафорой: *work is a gamble* (работа – азартная игра). Профессиональные установки в сознании американцев связаны с концептом «игра». Игра по определенным правилам, которые нужно соблюдать; игра,

которую нужно планировать; игра, в которую нужно играть смело, уповая на удачу и не бояться рисковать.

8. Концептуальный признак: часть системы, кластера.

В начале произведения, будучи общественным защитником, про-тагонист является частью государственной системы: *Clay Carter was laboring through the city's criminal justice system...* (К.Т., р. 191) Работая над очередным уличным делом, герой осознает, что он является частью некоей системы и задается вопросом: *Every criminal lawyer had a Tigger Banks story, all with unhappy endings... It cost \$41000 to house an inmate. Why was the system so anxious to burn the money?* (К.Т., р. 21). Громоздкая судебная система, частью которой он является, настолько бездонна, погрязла в бумажной волоките, что можно ее сравнить с адом на земле, который способен поглотить самую простую просьбу: *It was a simple request, and its simplicity had no doubt led to its demise in bureaucratic hell* (К.Т., р. 22).

Описывая свой офис общественного защитника, Клэй не может сдержать нотки сожаления. Так, желая поговорить с одним из лучших, по его мнению сотрудников, которых он относил к друзьям, Палетт Талас, Клэй хотел предложить ей стул, но не нашел: *There was no room for chairs... Sitting and chatting were not part of the daily routine at OPD* (К.Т., р. 16). В атмосфере судебной системы нет места проявлению человечности, даже между сотрудниками.

Столкнувшись с кружком юристов, посетив семинары для юристов, занимающихся массовыми исками против фармацевтических компаний, Клэй размышляет: *He had read about mass torts but had no idea its practitioners were such an organized and specialized group. Their strategies centered around gathering the cases and settling them, not the real trial work* (К.Т., р. 163-166). Впервые встретив юристов, занимающихся групповыми исками, Клэй внимательно рассматривает их внешний вид и манеру подать себя, которые свидетельствуют об их принадлежности к определенной категории общества. Они казались ему очень важными, надменными, слишком серьезными: *Three men and a woman stepped in, all nicely tailored and manicured and carrying thick expensive leather briefcases, along with the incurable air of importance inbred in big-firm lawyers. <...> Clay absorbed them – their manners, their guarded speech, their seriousness, their arrogance. These were big lawyers, important lawyers...* (К.Т., р. 16).

Подобно тому, как Майкл Брок вошел в мир бедных, Клэй входит в мир крупных судебных разбирательств: *It was there that he made his first entry into the world of mass tort solicitation* (К.Т., р. 175). На страницах романа часто делается акцент на то, что юристы, занимающиеся

групповыми исками, особенные, у них есть свои правила, лозунги, подчеркивается их принадлежность к особому миру. Макс Пэйс, сотрудник и наставник Клэя, говорит: <...> *mass tort lawyers take their percentages off the top, so they are easy to settle with* (К.Т., р. 188). В речи главных героев встречаются такие фразы как: *Now you are thinking like a real mass tort boy* (К.Т., р. 189). *No surprise that they don't like us mass tort boys* (К.Т., р. 200). Они по-своему оценивают реальность: *The bad news was, of course, wonderful news to the lawyers* (К.Т., р. 220). Есть определенный круг знакомств, доступных этой категории людей: *Everybody in this business knows Patton French* (К.Т., р. 210).

Они считаются самыми богатыми, самыми умными и смелыми: *Clay Carter was off to a secret meeting of some of the richest lawyers in America, the mass tort specialists, those who have the brains and brawn to go after the most powerful corporations* (К.Т., р. 223). В честь своего сообщества они дают номера своим частным самолетам: *They parked next to a familiar plane, one with the tail number 000MT. Zero, Zero, Zero, Mass Tort...* (К.Т., р. 223). Их деловые встречи переходят в неформальное общение, подобное братству: *Those who had been swearing at each other for three hours were now drinking and laughing like fraternity brothers* (К.Т., р. 230).

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *justice system, routine, bureaucratic, organized groups, the world of lawyers, corporations, in the business, specialists, fraternity*. Юридическая профессия характеризуется принадлежностью к бюрократической системе, созданной государством, или может относиться к работе в группе ярко выраженных индивидуалистов.

9. Концептуальный признак: предприниматель.

Как предприниматель, глава компании, Клэй, снимает комфортный офис, дает рекламу, появляется в газетах, привлекает клиентов, пересчитывает их, планирует, сколько клиентов к нему обратится в ближайшее время, борется за них: *to attract new clients* (К.Т., р. 21), *he energized them to hustle more for clients* (К.Т., р. 165); *Our clients will love it* (К.Т., р. 192); *How many cases have you generated?* (К.Т., р. 201). Как деловой стратег, он, совместно со своими коллегами, разрабатывает план, тактику: *We develop a plan for gathering clients* (К.Т., р. 218). <...> *the popular tactic was to round up as many cases as possible* (К.Т., р. 163). *Clay described his meeting with Patton French and explained their new legal strategy* (К.Т., р. 218). *We need to determine two things. First, how many potential plaintiffs are out there. Second, the value of each case* (К.Т., р. 184). *They thought over everything – documents again, whether or not to press for a trial <...> how to round up the other cases, expenses, fees*

(К.Т., p. 230). *All arguments had been completed... It was time to agree on a plan. Step one was to round up the other cases. Step two would be a settlement conference. Step three would be an all-out effort to keep everyone in the class. It was a simple as that. Hardball, but it was litigation* (К.Т., p. 233).

Он классифицирует клиентов на изощренных и простых: <...> *he had once attended a panel discussion on large settlements, and what lawyers should do to protect their unsophisticated clients...* (К.Т., p. 158). Прогнозируя свой успех, он условно делит их на тех, кого легче уговорить сделать медицинское обследование (отмечены черным цветом на листе бумаги) и тех, кто не любит посещать медиков (белый цвет). *He, Paulette, and Rodney divided their lists between black and white prospective clients. Evidently blacks were not as suspicious as whites because they were easier to persuade to go see the doctor* (К.Т., p. 181).

Он думает о том, какие убытки несут клиенты и о том, как им угодить: *How many cases are really out there? How quickly can we sign them up? <...> And, very important, how severe are the damages to our clients* (К.Т., p. 205). *Clients want nice offices. They want to see success* (К.Т., p. 99). Он идет на риск, увеличивая объемы и масштабы иска, привлекая еще большее количество юристов и их клиентов из разных штатов: *Let's move your five thousand cases over here and put them together with my five thousand cases, and we'll do not two but one class action* (К.Т., p. 211). *But if we put your cases with mine, combine everything into one class action, ...then Ackerman Labs will have one, huge, massive corporate coronary* (К.Т., p. 204).

Ради успеха его фирмы он регулярно преодолевает большие расстояния и прилагает все усилия для того, чтобы взаимодействие между отдаленными друг от друга офисами шло благополучно и работа была слаженной: *He lived on his Gulfstream, jetting from coast to coast, meeting the mass tort lawyers who were collecting cases by the hundreds, and somehow holding the fragile coalition together* (К.Т., p. 221). Он готов платить цену за свой успех и готов регулярно вкладывать в дело: *It was simply the price of doing business* (К.Т., p. 179). *You have to spend money to make money* (К.Т., p. 184). *We are about to make some serious money. To get there, though, we gotta spend some cash* (К.Т., p. 237).

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *to attract clients, prospective clients, develop a plan, tactic, strategy, value, partner, make money, fees*. Сфера частного права требует от человека очень высокого уровня подготовки, дисциплины, умения работать в команде, умения анализировать ситуацию и быстро прини-

мать верные решения. Несмотря на то, что доходы их высоки, необходимо вкладывать в дело достаточно много сил и финансов.

10. Концептуальный признак: обеспеченный человек.

Как только герой соприкасается с миром частных юристов, в его жизни появляются преуспевающие люди, их богатство и экстравагантные привычки: *All the big boys in Manhattan park their planes here. It's a forty-five-minute drive into the city* (К.Т., р. 207). В скором времени он сам зарабатывает деньги, о которых и не мечтал: *In the past month he'd made more money than he'd ever dreamed of earning. Now, as things spun out of control, he felt as if he was spending it even faster <...> He had moved \$ 1 million to an account off-shore, not to hide but to protect. ... The million dollars in the secret account was his compromise* (К.Т., р. 211-212). Он выигрывает дело против крупнейшей фармацевтической компании: *Yesterday, as the owner of his law firm, he filed a billion-dollar lawsuit against the third-largest pharmaceutical company in the world* (К.Т., р. 191).

Такой быстрый поворот событий его даже забавляет: *Then he laughed at himself – there he was in the leather-lined cabin of a \$ 3 million Lear, and he was debating whether he should get something bigger. At least he could still laugh. What would he be when the laughing stopped?* (К.Т., р. 223). Паттон Френч учит Клэя тому, что большие деньги могут быть связаны с отрицательными оценками его как юриста в средствах массовой информации и грязью в делах какой-либо компании: *The money takes the sting out of the negative image. You'll get used to it. We all do* (К.Т., р. 200).

Деньги получают неоднозначное толкование. Мистер Френч превозносит их как цель всего: *The more cases we get the more control we have over the class action. More cases, more fees* (К.Т., р. 176). Клэй же осознает, что юристы очень быстро зарабатывают деньги и так же быстро их тратят: *A fortune earned, a fortune spent* (К.Т., р. 165). Он начинает понимать, что деньги в определенный момент изолируют его от старых друзей, от коллег, от близкой ему когда-то возлюбленной. *The money was beginning to isolate him* (К.Т., р. 155). Тем не менее, прежде чем вести переговоры с клиентом, Клэй думает о деньгах, которые он может заработать, хотя с чувством сожаления задает себе вопрос: *Soliciting cases by phone? What kind of a lawyer had he become?* (К.Т., р. 180). Однако, помимо денег, героем движет чувство долга.

Данный признак репрезентируется следующими лексическими единицами: *money, make money, fees, fortune, million dollars*. Авторская позиция, на наш взгляд, заключается в том, что деньги, несмотря ни на что, должны оставаться лишь средством для достижения целей. Иначе

их неравномерное распределение способно привести к несправедливости в обществе (противопоставление богатство – бедность), что показано на примере Клэя, когда тот работает на государство и получает низкий доход.

Таким образом, в концепте *lawyer* объединены индивидуально-авторские и общекультурные компоненты, которые репрезентируются разнопорядковыми признаками и разноуровневыми языковыми средствами: лексическими единицами, метафорами, антитезами, сравнениями, эпитетами. Внутренняя организация концепта в основном формируется образными и оценочными признаками, что дает возможность говорить о степени их актуальности для современного американского общества. Образные признаки, представленные метафорами и эпитетами, определяют общечеловеческие качества юриста. Аксиологические характеристики, представленные сравнениями и антитезами, определяют его профессиональные черты. Разноплановость выявленных концептуальных признаков говорит о сложном и неоднозначном характере данного концепта.

В целом рассмотренные языковые средства отражают положительный аксиологический статус изучаемого концепта. В романах представлен образ юриста в общечеловеческом и профессиональном планах: это образ частного лица – эмоционального, умного, сочувствующего, и официального лица – целеустремленного, делового, категоричного. Выделенные базовые признаки, составляющие содержание концепта *lawyer*, раскрывают такие качества как профессионализм, работоспособность, справедливость, чувство долга, воспитанность, чувство собственного достоинства, предприимчивость, готовность отстаивать права человека. Структурно-содержательная репрезентация данного концепта дает основание считать его ключевым как для авторского идиостиля, так и для американской лингвокультуры.

Литература

- Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личного самоопределения. Воронеж, 2002.
- Albert E.M., Williams R.M. Conflict and Change in American Values: A Cultural-Historical Approach // The Character of Americans. Homewood, Ill., 1970.

Источники и принятые сокращения

- S.L. – Grisham J. The Street Lawyer. New York, 1998.
K.T. – Grisham J. The King of Torts. New York, 2003.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФАСАДНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

А.В. Кочкинекова

Ключевые слова: феномен субъективности, психика, психологическая фасадность, предлоги, предложные конструкции, англоязычная культура.

Keywords: subjectivity phenomenon, psyche, psychological façadeness, prepositions, prepositional constructions, the English language culture.

Проблема субъективности, которая стоит особняком среди других проблем современного человекознания, является проблемой изучения собственно человеческого в человеке – его мыслей и чувств, психических состояний и переживаний, индивидуально-психологических особенностей личности и др. В научной картине мира человек предстает в качестве целостного и уникального живого субъекта во всем многообразии своих индивидуально-неповторимых проявлений и свойств. В рамках проводимого нами исследования под субъективным понимается особая форма бытия человека, форма психического.

Исследование субъективности свидетельствует о существовании особого, даже несколько «трепетного» отношения к психологии человека в англоязычной культуре. Одним из доказательств этого может служить огромное количество англоязычных художественных фильмов, в которых предпринимаются неоднократные попытки глубокого психологического анализа субъекта. Можно привести в пример фильм режиссера Джуди Фостер «Бобер» (The Beaver), в котором она сыграла одну из главных ролей. Фильм повествует о человеке, пребывающем в состоянии глубокой депрессии. Данное состояние может быть интерпретировано как одно из проявлений психоза. В фильме главному герою Уолтеру Блэку предлагается лечение арт-терапией (куклотерапия), где ему на помощь приходит

кукла – бобер. В самом начале фильма У. Блэк описывается следующим образом:

This is a picture of Walter Black. It is a hopelessly depressed individual. Somewhere inside of him is a man who fell in love, started a family <...>.

Представленный отрывок, а также огромное количество эпизодов в художественной картине, посвященных описанию одной из важных сторон феномена субъективности, свидетельствует о том, что субъект довольно часто может скрывать свою истинную «самость» («self») где-то глубоко внутри себя. Непосредственно сама концепция «Me, Myself and I», на наш взгляд, достаточно емко и последовательно описанная в работе известной американской переводчицы-синхронистки Л. Виссон, свидетельствует о «психологической осведомленности» англоязычного мира [Виссон, 2010, с. 90]. Как таковая концепция «self» берет свое начало в трудах известного американского философа и психолога У. Джеймса.

Вопрос о том, какие именно факторы заставляют субъекта скрывать свою истинную самость от окружающих, и каким образом это преломляется в культуре и репрезентируется в языке, побудил нас заняться исследованием одного из важных проявлений феномена субъективности, которым является фасадность (*термин наш*). Под психологической фасадностью нами понимается своеобразный психологический «блок», формирующийся посредством создания субъектом заведомо ложного представления о себе в силу действия различных интериоризированных норм поведения (общественных, культурных, групповых, гендерных и пр.). К примеру, истинная природа субъекта (открытость, эмоциональность) может скрываться за искусственно-созданным фасадом холодности, замкнутости и т.д.

Слово французского происхождения **façade** (from French *façade*, from Italian *facciata*, a derivation of *faccia* («front»), from Latin *facies* («face»); (*façade* is an outward appearance, which is deliberately false and gives you a wrong impression about someone or something) [OALDCE, 2010, p. 543] означает поведение, которое является ложным и которое, соответственно, дает заведомо неверные представления об описываемом субъекте. Другими словами, оно используется в ситуациях, описывающих сокрытие всего того, что составляет истинное «я» описываемого субъекта.

Англоязычную культуру следует признать одной из наиболее перспективных в плане лингвистического изучения феномена субъективности и фасадности как важного проявления данного феномена. Ее привилегированный статус объясняется в первую очередь

наличием широкого репертуара языковых средств описания феномена субъективности. В английском языке как языке аналитического строя роль предлога отличается от роли предлога в языке синтетического строя. В синтетических языках предлог является уточнителем отношений, передаваемых падежными формами имени, тогда как в аналитических языках предлог, наряду с порядком слов, выражает эти отношения при одной и той же форме существительного [Жигадло, Иванова, Иофик, 1956, с. 200].

В англоязычном пространстве анализируемое нами проявление феномена субъективности может быть описано на примере предложных конструкций, организуемых предлогами *behind*, *beneath*, *under*, *underneath* и *beyond*:

- *behind* (в среднеанглийский период – *bihinden*; от древнеанглийской формы *behindan*: *be-* и *amp*; *hind*) (if you refer to what is behind someone's outside appearance, you're referring to a characteristic which you cannot immediately see or it is not obvious but which you think is there) [OALDCE, 2010, p. 124];

- *beneath* (в среднеанглийский период – *binethe*; от древнеанглийской формы *beneoþan*; от *be-*, *by* + *neoþan*, *down*) (if you talk about what is beneath the surface of something, you are talking about the aspects of it, which are hidden or not obvious) [OALDCE, 2010, p. 127];

- *under* (is used for saying that someone's appearance and behavior do not show their real character or feelings) [OALDCE, 2010, p. 1678];

- *underneath* (в среднеанглийский период – *underneth*; от древнеанглийской формы *underneoþan*; от *under*, *under* + *neoþan*, *below*; akin to *neothera*) (1) is used to talk about someone's real feelings or character as opposed to the way they seem to be; 2) you use underneath when talking about feelings and emotions that people do not show in their behavior) [OALDCE, 2010, p. 1680];

- *beyond* (at or to a point on the other side of, at (on) or to the further side of; further away than), который в составе предложной конструкции акцентирует существование так называемых скрытых слоев человеческой субъективности. Слово *beyond* произошло от древнеанглийского слова *begeondan* (on the far side of smth) (*be* + *geondan*). В среднеанглийский период это слово имело следующий вид: *biyonde* [OALDCE, 2010, p. 132].

Как таковой предлог получает свое значение в контексте (в определенном словосочетании, конструкции или комплексе) [Лазутина, 1953; Кочкинекова, 2014]. В этом отношении предложная кон-

струкция выступает в качестве определенного контекста, который определяет переход от языковой многозначности предлога к его речевой (контекстной) однозначности. Представленные пространственные предлоги в составе предложной конструкции в сфере описания особой формы бытия человека образуют новую парадигму функциональных метафорических значений. Это наблюдается при описании мира психики и при идентификации отношений человека с миром [Исаакян, 1999, с. 139].

Так, психологическая фасадность может быть исследована на примере предложных конструкций. В качестве примеров для анализа послужили описания известных исторических личностей. Различные популярные в англоязычном мире газеты и журналы, описывающие таких известных людей, как королеву Викторину, королеву Елизавету II, принцессу Уэльскую Диану, герцогиню Кембриджскую Кейт Миддлтон, бывшего премьер-министра Великобритании (с 1979 по 1990 год) Маргарет Тэтчер и др., пытаются погрузиться в их внутренний мир, приоткрыть тайную завесу над их так называемой самостью. К примеру, в статье известного журнала *The Telegraph* «Why was Queen Victoria the Diana of her day?» («Почему Королева Виктория была принцессой Дианой своих дней?») говорится о том, что за холодностью и жесткостью, отсутствием эмоциональности королевы Виктории скрывается достаточно эмоциональная женщина с хорошим чувством юмора:

An expansive biography of Britain's greatest monarch (Queen Victoria) reveals a passionate and humorous woman beneath the stiff exterior [The Telegraph, 2014].

В сфере описания многомерного психического пространства предложная конструкция с предлогом *beneath* вербализирует идею фасадности, неестественности и т.д.

Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English определяет используемое в предложении слово **exterior** (Latin, comparative of *exter, outward* (1) exterior is somebody's outward behavior; (2) you can refer to someone's usual appearance or behavior as their exterior especially when it's very different from their real character) как внешнее поведение субъекта, отличающееся от его истинного характера [OALDCE, 2010, p. 538]. Создаваемый субъектом фасад является культурно-значимым для англоязычного пространства, что связано с характерным для данной культуры концептом *privacy*, и, в свою очередь, преломляется в типичном для представителей данной культуры сдержанном и даже в некотором роде холодном поведении. Речь идет не о самой способности испы-

тывать определенные эмоции (неверна характеристика англичан как холодных и равнодушных), а лишь об их внешнем проявлении (би-хевиоральный аспект) [Козлова, 2009, с. 41]. Как правило, внешние характеристики, выражаясь на языке метафор, и выносят «психику» описываемого субъекта наружу. Акцентирование того, что в жизни человек другой, а описываемые манеры (бросающиеся нам с первого взгляда в глаза холодность, закрытость, сдержанность и т.д.) являются либо общественными установками, либо же вполне могут быть расценены как своеобразная психологическая защита субъекта, так называемый «психологический блок». Королева – это символ нации, которая должна показать свою мощь в управлении вверенного ей государства, что и наблюдается на примере королевы Виктории.

В статьях, посвященных глубокоуважаемой и любимой в британском обществе принцессе Диане, раскрывается истинное лицо принцессы Уэльской. Как известно, у Дианы был несчастливый брак с принцем Чарльзом, за которым последовал развод. За счастьем улыбающейся с обложек журналов и газет принцессы скрывается глубокая семейная драма:

But behind the facade of happiness Diana was already struggling with her new role and husband Charles was reputedly still hankering over his ex-Camilla Parker Bowles [Mirror, 2014].

Предложная конструкция с предлогом *behind* принимает непосредственное участие в репрезентации исследуемого в работе проявления «фасадности», что иллюстративно показано в анализируемых примерах. Узкому кругу людей, более близко знакомых с принцессой, было известно, что на протяжении последних лет своей жизни, внезапно прервавшейся жуткой автокатастрофой, она наблюдалась у психотерапевта. В документах ее лечащего врача говорится о том, что Диана страдала различными видами психических расстройств:

Reading her therapy sessions exposes the real Princess Diana behind the veneer of the rising star who overcame a tumultuous royal marriage, suicide attempts, bulimia, self-destructive cutting, depression, and fears of abandonment [Dawson, 2011].

Другие, в свою очередь, видели принцессу Диану как любящую мать двух замечательных сыновей – Уильяма и Гарри, как женщину, которая преподнесла в дань материнству одну из важных частей своей жизни:

When she showed us, that underneath the princess was just a loving mum [Mirror, 2014].

В английской культуре фасадность вполне емко можно описать и на примере бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. В первом томе известной книги биографического характера «*Margaret Thatcher. The Authorized Biography*» Чарльз Мур открывает нам абсолютно другую Маргарет, ту Маргарет, которая была абсолютно неизвестна миллионам людей по всему миру:

He also emphasizes the flexibility the «Iron Lady» might show behind the stern façade [Moore, 2013].

Маргарет Хильда Тэтчер за своей жесткостью и холодностью была достаточно «податливой и идущей на уступки личностью». Ч. Мур описывает ее с особо тонкой, свойственной автору психологической проницательностью. Маргарет предстает в его произведении как довольно эмоционально уязвимая и ранимая женщина со множеством женских слабостей. В книге представлено огромное количество эпизодических моментов, в которых описываются состояния эмоционального всплеска героини (слезы, резкая смена настроения и т.д.). Особенно часто Маргарет поддавалась открытым эмоциональным переживаниям в ситуациях, когда в результате принятых ею решений британские войска оказывались в опасности, или же погибал кто-то из солдат британской армии.

Говоря об англоязычной культуре, можно также отметить, что фасадность может быть продиктована или даже в некотором смысле навязана ее установками (культурными и гендерными). Человек создает своеобразный образ, который отчасти помогает ему соответствовать принятым в обществе «правилам поведения». Так, Маргарет Тэтчер должна была соответствовать образу «Железной леди» и претворить в жизнь ряд консервативных мер, которые в будущем станут частью так называемой политики «тэтчеризма».

Следующей безусловной героиней британского общества является супруга герцога Кембриджского Уильяма, внука Елизаветы II, герцогиня Кембриджская Кейт Миддлтон. В мировой прессе часто появляются статейные заметки о том, что людям еще не представилось возможности увидеть истинное «я» герцогини за ее изысканным внешним видом:

But Kate (Middleton) – she of the perfectly coiffed hair and immaculately tailored gowns – hasn't yet given the world an opportunity to see the soul beneath the polished exterior [William Lee Adams, 2013].

В следующем отрывке, взятом из статьи «Эффект Миддлтон» (*The Middleton Effect*), повествуется о том, что принцесса Диана, которая обожглась на своем собственном жизненном опыте, выйдя

замуж за принца не по любви, очень сильно желала, чтобы ее сын Уильям обязательно женился по любви. Ее мечта была претворена в жизнь: у ее сына любимая и любящая его супруга Кейт. Британская пресса, у которой уже было достаточно времени, чтобы «разглядеть» Кейт (статья написана позже вышеприведенной статьи, повествующей о герцогине Кембриджской) и постараться разобраться в тонкостях ее психологии. В статье рассказывается обо всех случившихся до замужества взлетах и падениях этой звездной пары. Кейт Миддлтон предстает перед читателем в образе очень сильной женщины, которая в случае возведения Уильяма на британский престол сможет стать ему надежной поддержкой и опорой. Автором статьи подчеркивается, что при утонченной внешности Кейт в глубине своей души она является человеком с достаточно сильным характером:

But he married someone he respects and listens to. So while Kate may come across as demure, with her ladylike mannerisms, the truth is, underneath that delicate exterior is a core of steel. It takes a certain kind of woman to be able to stand up to the future King of England and according to our insiders, there is no doubt she is the one who wears the pants in the relationship [William Lee Adams, 2014].

Использованный в примере предлог *underneath*, репрезентирующий в составе предложной конструкции «бихевиоральные отношения», делает акцент на том, что во внешнем поведении субъекта не все психические состояния могут проявляться открыто, многие из них скрываются где-то глубоко в его душе.

Особый интерес представляет также и описание образа ныне действующего премьер-министра (с 2010 года) Объединенного Королевства Дэвида Кэмерона. Вечером одиннадцатого мая две тысячи десятого года премьер-министр Гордон Браун объявил о своем уходе с постов главы правительства и лидера Лейбористской партии и подал королеве прошение об отставке с поста премьер-министра. В тот же вечер предложение Королевы о формировании правительства получил Д. Кэмерон, партия которого набрала наибольшее число мандатов на всеобщих выборах 6 мая 2010 года. В прямом радиозэфире одной из австралийских телерадиокомпаний Australian Broadcasting Corporation один из участников оживленной дискуссии, в ходе которой обсуждалась сложившаяся в стране политическая ситуация, а также делался прогноз на предстоящие выборы в парламент, Т. Бауэр отозвался о Д. Кэмероне следующим образом:

Behind that facade of the man of substance is a very fragile, a very conflicted individual who in private finds it very, very difficult to cope

with criticism, to cope with defeat, to cope with any sort of adversity and he just goes to pieces. So I would imagine that he's finding it at the moment very, very difficult to cope with the fact that he's so low in the polls, that he might lose his prime ministership and that he could face humiliation [Australian Broadcasting Corporation, 2010].

Этот не единственный пример описания личностных характеристик политика, так называемых попыток разобраться с тем, что же, действительно, скрывается в его душе. Как демонстрирует пример, Т. Бауэр попытался развернуть общественную «обертку» и увидеть индивидуальное «я» политика: *To see the private self beneath the public façade.*

Фактологический материал свидетельствует о том, что в некоторых ситуациях фасадность формируется посредством создания субъектом заведомо «ложного» представления о себе в силу действия интериоризированных гендерных норм поведения. Как уже отмечалось выше, для англоязычной культуры типичны такие характеристики, как эмоциональная сдержанность и самоконтроль. При этом среди англичан, как правило, стараются сдерживать свои эмоции как мужчины, так и женщины. Насаждаемая культурой типизация психических проявлений приводит к тому, что нередко создается впечатление, что представитель конкретной культуры имеет стереотипное представление о том, как нужно пережить ту или иную эмоцию. Во многих примерах англичане и англичанки пытаются скрыть свои настоящие эмоции и показать себя в качестве холодных, бездушных представителей своей культуры:

Underneath the icy exterior, beats a very warm heart.

Maybe you are a Don Juan underneath that mild-mannered exterior.

Underneath her calm exterior, she was a deeply troubled woman.

According to Kate, John's tough exterior hides a tough and sensitive soul.

Underneath her cool exterior, she was really very frightened.

Underneath this prim exterior, there are emotions, romantic longings.

I think, beneath that English exterior throbs a passion that would make Lord Byron look like a tobacconist [Предлоги: Справочник по английскому языку, 2004].

Приведенные примеры демонстрируют, что англичане, как мужчины, так и женщины чаще всего за фасадом скрывают свою слабость, чрезмерную эмоциональность, чувство страха и т.д.

Психологическую фасадность в американской культуре можно продемонстрировать также и на примере известного американского фильма «Красота по-американски» (*American Beauty*), режиссером которого является Сэм Мендес. Данный фильм получил пять статуэток Оскар в 1999 году и стал лучшим фильмом года. С. Мендес с присущей ему чертой тонкого психолога продемонстрировал, как за фасадом изображаемого субъекта может скрываться психологический дисбаланс, низкая самооценка и т.д.

В картине присутствует игра символов. Символичным является следующее: у семьи, вокруг которой и разворачивается основная сюжетная линия, имеется прекрасный дом, восхитительный сад, но за всем этим шикарным с первого взгляда фасадом скрывается несчастье семьи. Режиссер, как проницательный психолог, позволяет взглянуть глубже и увидеть все то, что действительно скрывается за внешним видом. Так, в одном из эссе, написанных американской студенткой, можно встретить следующие ее глубокие размышления по поводу данного фильма:

Sam Mendes challenges the audience to look behind the façade; to 'look closer' beneath this family's appearance and discover the reality of their true selves.

В фильме, на наш взгляд, это достаточно иллюстративно продемонстрировано с помощью зрительных символов, а также диалогов между главными героями картины. В данном случае за фасадом скрывается неудовлетворенность собственной жизнью, дисгармония внутренних отношений. Поведенческие характеристики «объективируют» и экстерииоризируют не представленные непосредственно наблюдению психические характеристики. Заведомо ложное поведение способно дефокусировать наше внимание и создавать тем самым заведомо ложное впечатление об описываемом субъекте. Поведенческие характеристики, выносящие «психику» индивида наружу, или, другими словами, объективирующие ее, могут свидетельствовать о ложных стереотипах о человеке в определенных ситуациях. Предложные конструкции акцентируют наличие этой «тайной завесы», открыв которую можно увидеть истинное лицо субъекта.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в англоязычной культуре к субъекту относятся как к личности с тонко сформированным психическим миром. Поведение – это ни в коем случае не простое зеркальное отражение мира психического. Для того, чтобы понять человека, необходимо заглянуть за

его фасад, за которым и скрывается его истинное «я»: *Behind the façade, people shield their true selves.*

Таким образом, психологическая фасадность, формирующаяся посредством создания субъектом заведомо ложного представления о себе в силу действия различных интериоризированных норм поведения, является одним из важных проявлений феномена субъективности в англоязычном пространстве. Анализ данного явления показывает, что предложные конструкции с предлогами *behind, beneath, under, underneath* и *beyond* репрезентируют глубинную сущность феномена субъективности, открывая скрытый от непосредственного наблюдения глубинный, собственно личностный «второй план» субъекта в исследуемой нами культуре.

Литература

- Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. М., 2010.
- Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956.
- Исаакян И.Л. Пространственные предлоги и альтернативные миры человека. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. Барнаул, 2012.
- Кочкинкова А.В. Особенности перевода предлога *about* // Вестн. Алтайской государственной педагогической академии. 2014. № 21.
- Лазутина А.Д. Французские предлоги (к вопросу о развитии предлогов и их функционировании в современном французском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995.

Источники

- Предлоги: Справочник по английскому языку. М., 2004.
- Australian Broadcasting Corporation. Support for Brown Down as Poll Day Looms. Transcript. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.net.au/7.30/content/2010/s2891412.htm>
- Dawson P. My Princess Diana Therapy Sessions: My psychotherapy Sessions with Diana: Princess of Wales. Readings. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.readings.com.au/products/19355661/my-princess-diana-therapy-sessions-my-psychotherapy-sessions-with-diana-princess-of-wales>
- Mirror «Kate Middleton and the Other 'Commoners' Who Became Fairytale Princesses» by Grace Macaskill. [Электронный ресурс]. URL: [//www.mirror.co.uk/news/world-news/kate-middleton-commoners-who-became-3712238](http://www.mirror.co.uk/news/world-news/kate-middleton-commoners-who-became-3712238)
- Moore Ch. Margaret Thatcher. The Authorized Biography Volume One: Not for Turning. Penguin Books Ltd, 2013.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 2010.

William Lee Adams. William and Kate: Scenes from a Fairy Tale. [Электронный ресурс]. URL: <http://williamleeadams.com/2013/01/01/william-and-kate-scenes-from-a-fairy-tale/>

The Telegraph «Why was Queen Victoria the Diana of her day?» by F. Wilson. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/11093013/Why-Queen-Victoria-was-the-Diana-of-her-day.html>

ЭПИЧЕСКИЙ МИР И «САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ» У ДОЛГАН¹

Н.К. Данилова

Ключевые слова: долганы, эпический мир, миф и ритуал, картина мира, эпос, традиция и культура, модель мира, устройство Вселенной.

Keywords: Dolgan, epic world, myth and rite, world view, epos, tradition and culture, world model, Universe system.

Представления о пространстве составляют одну из самых основных категорий человеческого бытия. Следует отметить, что в гуманитарной науке традиционные представления о пространстве реконструируются путем обращения к фольклорным текстам, поскольку именно фольклор является важным средством сохранения и передачи культурного наследия.

Именно к фольклору долганского народа обращено и наше исследование, причем ландшафт рассматривается не как географическая категория, а как матрица, на которой зафиксировано традиционное мировоззрение и Слово.

Для бесписьменных народов, к которым относятся долганы, языковое выражение картины мира имеет чрезвычайно важное значение, так как сложные языковые построения и композиции – итог творческого пути, сохранившего главную ценность всей культуры.

Сложение картины мира долган происходило под влиянием культур разных народов в границах обширной территории, включающей Туруханский край и север Якутии. Переплетение этногенетических линий и волн миграций, длительное соседство на смежных territori-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-38-00031) и РГНФ-ФДНЧ (проект № 15-22-08501).

ях определило возникновение самобытной культуры долган, сходной с традициями «контактных этносов».

Возникновение мира

Космогонические мифы и космологические представления занимают особое место в мифоритуальной традиции всех народов.

У долган не было систематизированной мифологии о происхождении или сотворении мира [Фольклор долган, 2000, с. 23]. Известно несколько вариантов космогонических мифов с участием братьев-демиургов *Айыы тойона* (глава якутского пантеона божеств) и Христоса (библейский мотив), а также весьма яркий и достаточно развитый сюжет о ныряющей птице-гагаре, которая выступает творцом земли или посредником ее сотворения [Саввинов, 2005, с. 233]. Долганский вариант о божественной птице-гагаре имеет широкий культ аналогий у многих народов урало-алтайской языковой семьи.

Как и у других народов, в долганском варианте космологических мифов указывается первичность воды – субстанции, в которой и на которой разворачивается творческая деятельность демиурга по созданию мира:

Наша земля была покрыта водою. Одна птичка прилетела сверху, другая – выплыла снизу. Обе они были светлыми и сошлись вместе. Одна птичка сказала другой: «Как мы с тобою будем жить, нет ли под водою земли?». На это другая птичка ответила: «Есть» – «Не принесешь ли ее немного?» – «Принесу», – сказала вторая птичка, которая поднялась снизу и нырнула в воду.

Через некоторое время она поднялась на поверхность воды, имея в клюве маленький комочек земли, который бросила. Другая птичка растянула эту землю своим клювом» [Попов, 1945-1959, л. 25].

Данный сюжет обнаруживает полную идентичность с мифами творения у алтайских народов. Как отметил А.М. Сагалаев, вода – наиболее емкий символ Хаоса, который предстоит разъять для упорядочивания Космоса [Сагалаев, 1992, с. 25]. Так, вода выступает как рождающее начало, из которого появляется глина (песок) – креационное сырье для «делания» земли.

Второй цикл преданий долган включает в себе предания о вторичном заселении земли после всемирного потопа, уничтожившего все на поверхности земли. Эти предания, приводимые ниже, содержат большое количество библейских элементов.

Когда наступило наводнение Адама, остались, оказывается, в живых мальчик с девочкой-сестрой. Были они голыми, не имели одежды. И вот, когда они так жили, брат Христа, дал девушке поест ягодок голубицы. Девушка, поевши ягод, застыдилась, и промежность

свою прикрыла. На другой день остатки ягод она брату дала. Когда он поел их, слюбились они. И вот родился у них ребенок, стыд и грех приключились [Попов, 1945-1959, л. 29].

Одним из главных черт данного сюжета является синкретичность внутреннего содержания. Здесь в одну акциональную основу переплетены как языческие (шаманские), так и христианские мотивы.

У долган с потопом связывается и огонь: «Сначала большой огонь опустошил землю, и после этого наступило наводнение» [Попов, 1945-1959, л. 46]. Подобное представление сохранилось и у эвенков [Пекарский, 1913, с. 144].

Бытование различных сюжетов в мифоритуальной традиции долган объясняется наличием богатой мифологической базы, слитностью религиозно-культурной и художественно-образной основ. Можно сказать, что контаминация разных сюжетов в долганском фольклоре есть основной признак его самобытности и уникальности.

Устройство Вселенной

В зачинах долганского и эвенкийского сказаний сюжеты творения земли связаны типологической близостью как в языковой, так и в композиционной структуре, так как терминология, связанная с мифами творения в обоих эпических сказаниях, представлена охотничье-оленеводческим хозяйством.

Так, земля сравнивается с «головой оленя», «брошенным ковриком *тэнина*», а небо с «лосиным ухом» и «ковриком из шкур оленьих голов» [Ефремов, 1984, с. 35]. Интересно то, что в сюжетной структуре долганского олонхо красочно описывается табунное коневодство и гуртовое скотоводство. В некоторых сказаниях как кони, так и коровы обрисовываются с оленьими рогами и их ловят арканом-мамутом. Лошадь в долганском языке обозначается как «*ат*», а слово *ынах* 'корова' им не знакомо, вместо этого говорят «*корообо*» (искаженное от русского «корова») [Попов, 1945-1959, л. 115-119].

В мифопоэтике долган встречаются мифы о горизонтальной плоскости – Среднем мире, плавающей на спинах нескольких рыб [Попов, 1945-1959, л. 110]. Следует отметить, что сюжет о плавающем Среднем мире представляется наиболее архаичным вариантом устройства Вселенной.

Другой древний пласт, который можно выделить из долганских преданий о земле – это представление о дуальности устройства Вселенной. Данный мотив широко распространен не только в Сибири, но и за ее пределами.

Представления долган об устройстве мира состояли из сложных переплетений разновременных по своему возникновению воззрений.

Наряду с древнейшими бытовали более поздние, в большей мере заимствованные у якутов представления о трехчастном устройстве мироздания, кроме того существовала шаманская, нередко содержащая элементы индивидуальных представлений, модель мира.

Средний мир

Средний мир (земля) имел плоскую форму и представлял собой остров, окруженный водой. По одним сказаниям, земля была расположена в центре крестообразной кости головы гигантской щуки – *hakanaan*, по другим – на трех рыбах, плавающих в море [Попов, 1945-1959, л. 15]. Края Среднего мира, выгибаясь кверху, сходятся с краями сверху свешивающегося неба. Если в якутской эпической традиции Средний мир соотносится с алаасом – родиной главного героя, то в долганском эпосе в Среднем мире обитают все племена айыы. Локализация героя на каком-нибудь месте определяется наличием огромного города-дома – его местожительства. Интересно то, что другие мифологические герои – великаны, одноглазые племена – все они имеют по отдельному острову-земле. В эти места человек попадает, переплыв (перескочив на коне) море. По мнению А.А. Попова, предания долган об островах, обитаемых различными существами, следует считать остатками наиболее архаичных представлений [Попов, 1945-1959, л. 32-38].

Кроме людей и представителей животного мира землю населяли духи-покровители-иччи. Композиционная часть долганских эпических повествований в основном строится на сюжетах о контактах между людьми и духами различных миров. Основной мотив данного коммуникативного действия – это то, как себя должен вести человек в разных мирах и какие могут последствия.

<...> Вот тетку (кобылицу. – Н.Д.) свою три дня ты мучил, за это я (дух предка. – Н.Д.) тебя мучаю. Грех твой теперь оплачен...» [Фольклор, 2000, с. 165].

Центр и границы

В семантической оси Среднего мира находится скрепа, пуп земли, на котором обычно живет главный герой эпического повествования. В отличие от якутских олонхо, в которых четко указан центр пространства (Мировое дерево, жилище, коновязь), в долганской мифопоэтике центром пространства нередко являются сами люди:

Когда еще не окрепла обшивка матушки Земли, когда еще не срослись концы глиняной земли, когда еще не расширилась срединная земля, на самом пупе мира появились, оказывается, трое братьев [Ефремов, 1984, с. 34].

Но нередко, скрепу земной оси «держат» старик со старухой – родители героя:

На перекладине Среднего мира

Кольшек главный держали

Наши предки, старик и старуха... [Попов, 2003, с. 194].

Старость в функции космосозидания имеет свои традиции во многих космологических текстах разных народов. Здесь в первую очередь за первооснову берется мудрость старости как космическое начало. Следует отметить, что в долганской мифопоэтике старики выполняют и шаманскую функцию.

В этом контексте можно обратить внимание на образ лошади в мифопоэтике долган («Сын лошади Аталамии богатырь», «Брат и сестра»), где лошадь представляется в контаминации Старость – мудрость – ось земли. Эпические тексты, в которых содержится «конская» тема, раскрывают тайный смысл традиции культа коня и доносят космологические реминисценции о воссоздании мира из частей первожертвы. Так, в олонхо «Сын лошади Аталамии Богатырь» мать героя – лошадь, сначала становится центром освоенного пространства (держит скрепу земли, возводит жилище), рождает героя (первопредка человека), указывает ему путь-дорогу в другое неосвоенное пространство, а затем приносит себя в жертву, чтобы герой продолжил свой путь. В эпосе «Брат и сестра» лошадь также приносит себя в жертву и превращается в жилище героев. Здесь необходимо отметить, что изоморфизм жилища и мироздания есть явление универсальное в символическом контексте. Интересно то, что «конская» тема в долганском эпосе представлена во всем многообразии явлений культуры: это и эпические образы богатырских коней и серия ритуальных действий, направленных на поддержание космического порядка.

Окраину эпического мира представляют горы, лес, вода / море:

<...> когда на запад взглянувши, видит землю с яркими цветами, с высокой травой осокой... когда же посмотрит на восток, видит землю с пестреющими лесами. Если посмотрит на юг – там земля с краснеющими горами. Посмотрит на север – там земля с причудливыми горными высотами... [Попов, 2003, с. 156].

У долган восприятие географических координат сторон света аналогично с представлениями народа саха. Положительной валентностью обладают стороны юг / восток – как место обитания светлых божеств, символ нового рождения Солнца, обитель предков, а запад / север ассоциируются с Нижним миром и миром мертвых. При этом важно отметить, что в композиционной структуре эпического повествования стороны света как элемент пространства включаются в сюжет посредством

человека. Они возникают в пространстве тогда, когда на них смотрит человек; даже в причитаниях героев первым делом поется о том, что «некому будет на вас смотреть» [Попов, 1937, с. 174, 182].

Антропоцентризм прослеживается и в понимании пути/дороги как средства выражения эпического пространства. Так, отправление героя в путь необходимо не столько для разворачивания в дальнейшем сюжета, но также и для растягивания пространства:

Мать-страна почитаемая, колдовские связки свои чуть ослабь для меня, мне сыну лошади Аталамии, приехавшему, двери свои приоткрой [Попов, 1937, с. 174].

Следует отметить, что мотив растягивания является одним из основных сюжетов в креационных мифах.

Гора. Возникновение доминантного символа пространства – горы – переплетено с архаическим сюжетом о ныряющей птице-гагаре:

«<...> во рту у меня осталась земля. Она, растягиваясь, разрывает мой рот». На это первая птичка сказала: «Выплюнь ее на середину земли». Выплюнутая земля превратилась в горы... [Попов, 1937, с. 174].

Данный сюжет выступает отголоском древнетюркских креационных мифов, согласно которым гора является Центром Вселенной. Так, в долганском эпосе сохранилось наиболее архаичное представление о горе как о центре Вселенной, истоки которого ведут в мир древнетюркской мифологии. Контаминация образа Горы как центра Вселенной встречается и в якутской мифопоэтике, но там горы, как и лес, выступают как периферийная область, а потому представляются как локус с негативной семантикой.

Горы также репрезентировали и границы миров, выступая своеобразными каналами связи между ними:

<...> Эти каменные мысы, как я погляжу, со времени своего создания то сходятся, то расходятся. С помощью какого заклинания или действия смогу их пройти... [Фольклор, 2000, с. 55].

<...> В солнечном мире я побывал, возвращаясь к себе домой. Если назначен мне средний мир, если велено жить на земле, – раздвиньтесь камни, раскройте мне путь [Попов, 2003, с. 184].

Следует отметить, что в мифопоэтике наиболее важным качеством благоприятного «места» обладает «неподвижное место». Например, это одно из положительных качеств жилища человека айбы. Таким образом, когда речь идет о родовой горе, выступающей символическим центром жизненного пространства, обязательно указывается ее статичность. Окраинные горы, как правило, находятся в подвижном состоянии («то сходятся, то расходятся»), равно как и жилище злых демонов и шаманок [Ефремов, 1984, с. 32].

Цветовой код также играет важную роль в семантике горы. Так, бурая (красная) и белая горы связаны с небесными божествами, а черная (голая) – с Нижним миром. Причем красная (белая) гора статична, а черная – подвижна.

В божественном пантеоне долган дух-хозяин горы выступает одним из грозных божеств. При помощи заклинания и жертвоприношения можно задобрить духа Горы, тогда он может ниспослать для героя свою милостыню [Попов, 2003, с. 203].

Нередко, встречаются сюжеты, в которых люди *айыы* испрашивают кут-душу ребенка у духа хозяина Горы. Но ребенок, душа-кут которого ниспослан божеством Горы, отличается от человека отсутствием некоторых частей тела. Иногда дух горы может обхитрить человека и вместо того, чтобы отправить кут-душу ребенка, наоборот хитростью пытается заполучить младенца (душа которого в свою очередь ниспослана божеством деторождения *Айыысыт*. – Н.Д.). Кроме того, дух хозяин Горы может выполнять приказы злого духа и помешать герою. Например, не пропускать его в другой мир, захватить в плен друзей-помощников и пр. [Попов, 2003, с. 203].

В целом, в пространственной структуре, горные местности можно охарактеризовать как осмысленные человеком ландшафты, обладающие амбивалентной сущностью. Об этом свидетельствует использование якутами и долганами антропоморфного кода, с помощью которого классифицируются части горы и горных массивов. Элементы горы выступают аналогом частей человеческого тела: вершина горы – *хайа оройо* (макушка), *хайа кулгаага*, *хайа тэллэгэ*, *хайа атага*, *хайа сирэйэ*, *хайа быара* и т.д.

Вода (море, реки). Одним из доминантных символов пространства долган являются многочисленные озера, реки, которые также имеют свое определенное место в мифоритуальной традиции долган. Наряду с охотой на зверя, рыболовство стало не только необходимостью, но и неотъемлемой частью жизни долган, нашедшей отражение в образе жизни, фольклоре, обрядах и обычаях.

Согласно мифам творения долган, «там где лежал мамонт-зверь, озера образовались, там где он ходил, реки образовались» [Попов, 1945-1959, л. 45].

В мифопоэтике часто встречаются следы представлений о море. Так, в экспозиционном описании одного из периферийных пространственных элементов упоминается образ Моря (воды). Море в эпической топографии имеет идентичные образу горы семантические характеристики, но в отличие от него обладает более положительными свойствами, так как находится вблизи от жилища человека. Так, например, водой

омывается дух злого *абаасы* из дома; злой демон не может переплыть море, находящееся рядом с жилищем героя; нырнув в воду, герой спасается от преследования злых богатырей. Кроме этого, течение воды имело очищающее свойство от неудачи-нечистоты [Попов, 2003, с. 32].

Лес в пространственных описаниях олонхо не разработан столь подробно, но в сюжете он присутствует как периферия, которая также задает границы пространства героя:

«Дальше видит – растут молодые лиственницы, изогнутые подобно тунгусскому детищу, что ходит, виляя поясницей... За ними – подобные ворчливому тощем медведю буреломы, подобные согнувшемуся голодному волку кривые пни...» [Попов, 2003, с. 156].

Все эти образы – тунгусское детище, медведи, волки, коряги и пни – символизируют в экспозиционном описании границы «родной земли» героя. Возможно, лес в эпическом пространстве не является враждебным пространством, скорее он занимает периферийное положение между «своим» и «чужим» оппозициями.

Между тем следует отметить, что как гора, так и море, а в некоторой степени и лес, в отличие от положительного локуса (жилище), не имеют подробных и развернутых описаний. Многие их характеристики эксплицируются только в сюжетном действии.

Верхний мир

Эпический локус Верхнего мира появляется в повествовании как местожительство светлых божеств *айыы*. В олонхо упоминается о том, что этот пространственный элемент обладает характеристиками, аналогичными стране героя.

Верхний мир (*Юеһээ дойду*) состоял из девяти небес (*каллаан*), в виде ярусов расположенных друг над другом. На девятом ярусе обитал *Айыы Тойон* – создатель мира и его брат *Туйгун Айыы*, на нижних ярусах жили второстепенные *айыы* (Попов, рукопись).

В рукописи А.А. Попова «Религиозный ландшафт долган» (Архив МАЭ (Кунсткамера) содержатся сведения о более сложном по структуре Верхнем мире, нежели в тех описаниях, которые представлены в известных долганских олонхо. Так, Верхний мир представлялся в виде дерева «*туруу*» или «*дулга*», что значит ‘столб’, ‘опора’. Ветви его составляли девять ярусов, которые назывались «*каллаан*» ‘небо’ или «*былыт*» ‘облако’:

Наверху, на девятом небе, обитает господин света Айыы Тойон с женой Суолта Ийэ и своими детьми. Он создал вначале мир и людей, а чтобы последние имели среди себя целителей от болезней и заступников в несчастии – дал им первого шамана. При создании этого шамана он вырастил у себя во дворе против дверей своего жилища священное де-

рево, тюспэт туруу (не падающее стояние), с восемью разветвлениями, на котором, между его ветвями, обитают светлые духи-люди, дети самого Творца. На земле же, одновременно с этим Айыы Тойбн вырастил три дерева и, сидя у их основания, приготовил первому шаману все камлальные принадлежности и научил его, как нужно действовать на пользу человеку в борьбе его с враждебными духами. В память этого у каждого шамана есть здесь, на земле, свое туруу (буквально – стояние), шаманское дерево, которое вырастает при призвании его к шаманству и падает с его смертью [Попов, 1945-1959, л. 45-46].

В шаманском культе долган упоминается наличие мирового дерева, описание которого имеет сходные черты практически со всеми сюжетами мирового дерева в тюркомонгольских традициях Сибири:

Есть два дерева. Одно – родившееся от абааһы, которое не по нраву пришлось айыы и поэтому стволом проросло вниз. Другое – ось (киши) земли дерево – произошло от айыы. Его смолой все, имеющее дыхание, питаясь, живет. Вот одно дерево в стороне болезней растет, другое – в стороне солнца. И вот, пожирающий шаман камлает, сидя лицом к дереву абааһы, доброжелательный – лицом к дереву айыы. Дерево айыы называется «каллаанга ситимнээк дурулуур дуук-мас» ‘с небом сцепившимся гудящим дуб-деревом’» [Попов, 1945-1959, л. 45-46].

Кроме этого, в шаманских текстах долган упоминается и об «*һир иччитин тулааһын маһа*» ‘иччи земли подпора – дерево’, который на наш взгляд также является отголоском архаических представлений о Мировом дереве.

Долганские шаманы во время камланий к небесным божествам устанавливают чум, который состоит из четырех основных жердей с изображениями *һаньакаан-ов*, с руками в виде поперечных перекладин. На верхушках жердей оставлены ветви. За шаманом к жердям чума привязана *һитим* – веревка, плетеная из ремней, изображающая путь на небо. К *һитим* привязаны а) железный круг «кюн» – солнце; б) железный полукруг «ый» – луна; в) медное изображение «моксогол» – сокола с тремя головами и г) медная пластинка «им» – заря.

В свете этих представлений, можно отметить, что в шаманском культе долган сохранился образ Мирового дерева как модели мира, как космического центра, как фактора, обеспечивающего устойчивость и стабильность сакрального пространства.

В мифопоэтике, богатыри, едущие в Верхний мир, от родных мест героя направляются в «сторону солнца», преодолевая перевал в небо. Небо же в понимании древнего долгана представляется в виде круглой крыши над землей [Ефремов, 1984, с. 35]. Нижнее небо имело отверстие

(*каллаан юелэхэ*), через которое шаманы отправлялись вверх во время камланий [Попов, 1945-1959, л. 45].

Эпическое пространство Верхнего мира начинается с городо-домов господ *Арангас звезды* (Большой звезды) и *Юргэль звезды* (Плеяды). Далее находятся золотой город-дом Солнца господина и серебряный – Месяца господина.

В долганских сказаниях небесные светила представляются антропоморфными образами, но не в качестве божеств, а в большей степени их статус доведен до роли глав патриархальных семей.

В некоторых фольклорных сюжетах Солнце отождествляется с высшим божеством-создателем и называется *Кюн тангара* ‘Солнце-божество’, а иногда вообще отождествляли с христианским богом и наконец, считали его творением бога *айыы*. Солнце, по мнению долган, бог создал днем, а потому оно гораздо важнее месяца-луны, сотворенно-во впоследствии в ночное время [Попов, 1945-1959, л. 118].

В мифоритуальной традиции долган можно зафиксировать следы солнечно-лунарного культа, отраженного в различных религиозно-мировоззренческих образах.

После долгой полярной ночи долганы здоровались с ним, выносили из чума больных, чтобы благодетельные силы солнца исцелили их. Когда солнце скрывалось, кланяясь, прощались с ним. Кроме этого, считали, что лучей солнца боятся злые духи.

Сторона восхода солнца – восток связывалась с представлениями доброжелательных божеств *айыы* и противопоставлялась западу – стороне злых духов.

В ритуальной практике также широко использовался солнечный культ. Так, при очистительном обряде пролезания через расщепленное дерево или через деревянную раму всегда выходили навстречу солнцу. Обрядовые пляски, совершаемые во время шаманского камлания, если тот совершал «путь» к светлым божествам *айыы*, также совершались посолонь. Кроме того, во время полярной ночи шаманы не камлали в честь верхних божеств, а крайняя степень отчаянности выражалась словами: «*Солнце упало, солнце померкло!*».

Почитание востока и связывание его с восходом солнца отразилось также и в устройстве с восточной стороны двери чума, а установка жердей совершалась по ходу солнца. Можно утверждать, что все эти представления связаны априори с древнетюркскими традициями и мировоззрением.

Луна же в верованиях и представлениях долган считалась покровительницей времени и представлялась в женском образе, дочери господина Солнца (Солнце – мужской образ). Как и другие родственные народы

(например, якуты), долганы месяцы считали по луне, а различные фазы луны считались ориентирами в хозяйственной и ритуальной деятельности. Существовали также представления, согласно которым луна может определить будущее людей и их благополучие. Так, если серп молодой луны бывал стоячим, считалось, что будет много добычи, а дети, родившиеся в то время, будут счастливыми. Напротив, если серп луны был пологим, месяц был несчастливым. Увидев под луной звезды, говорили, что это луна очищается окуриванием «алаастанар», тогда в этом месяце умрет много людей [Попов, 1945-1959, л. 120-122].

Нижний мир

В мифопоэтике долган упоминаются особые локусы, отмечающие вход в иное пространство «*артык*», что в переводе означает ‘теснина’, ‘горное ущелье’, ‘перевал’, ‘проход’. Вход в Верхний мир не имеет единого, устоявшегося описания и реализуется в текстах в самых разных пространственных образах. Вход же в Нижний мир описывается более подробно. Так, по описаниям в олонхо, *артыки* представляют изобилующую опасностями запутанную расщелину в каменной скале или такой же опасный железный и окровавленный туннель, ведущий вниз. Пройдя так через три слоя девятисаженной ледяной толщи, попадаешь в сумрачную страну, с ущербной луной и щербатым солнцем. Границы того нижнего мира омывает кровавое море с перекатывающимися в противоположных направлениях сильными течениями, и через это море перейти можно только с помощью чудодеев-покровителей.

Если Верхний мир в олонхо аналогичен стране людей айбы, то Нижний мир обладает самыми негативными характеристиками, которые семантически противопоставлены характеристикам Среднего мира.

Владыка Нижнего мира часто выступает под общим именем «Господин абаасы», но иногда встречается и другое имя владыки мира мертвых «Амтин-Кириэс», что конечно, является поздним заимствованием имени Антихриста. В некоторых сюжетах встречаются и упоминания о Бабе-яге, могущественной покровительнице богатырей Нижнего мира, которые выполняют те же функции, что и удаганки – абаасы в якутских олонхо [Ефремов, 1984, с. 37].

В системе взглядов на устройство Нижнего мира одну из ключевых позиций имеют представления о загробном мире – мире мертвых.

Под этой землей другая земля есть. На той земле неподвижное солнце и неподвижная луна: и вверх не поднимаются и вниз не опускаются они. Вот как мы живем. После смерти люди отправляются по проезжей широкой (чуос) дороге, говорят. И вот, когда по ней спустимся, наша дорога надвое разделяется. Та дорога, по которой мы отправляемся, налево отходит. По этой дороге грешный человек отправляется, и

называется она дорогой, ведущей к брату Христа. Если по этой дороге спускаться вниз из страны с половинным солнцем, с половинной душой, в самую темную страну придешь [Попов, 1945-1959, л. 120].

Как посланцы Нижнего мира в представлениях долган упоминаются дикие животные и птицы: медведь, мышь, гагара и пр. Реплика иного мира имплицитно содержится и в определении безжизненного ландшафта (тундра, голые скалы).

Об актуальности представлений, согласно которым умершие продолжают вести обычную жизнь в загробном мире, свидетельствует не только сопроводительный инвентарь, но также и местоположение захоронений. Так, выбирая для этого местность, долганы особое внимание уделяли его визуальному облику. Она должна находиться на возвышенности, закрытой с северной и западной сторон горами (реками), через нее не должна проходить какая-либо дорога. Все вышеназванные требования должны были осуществляться, так как это место олицетворяет собой идеальное пространство. В число благоприятных условий для захоронения считалось наличие реки с западной стороны, так как по древним представлениям, река своим течением уносит души мертвых в иной мир.

Итак, долганскую мифологию составляют произведения и представления, относящиеся к различным этапам развития человеческого общества. Они восходят к тому пласту религиозных представлений, когда человек еще не выделял себя из окружающей среды, и между профанным и сакральным мирами не было условного деления.

При формировании культуры на нынешней территории долганы, сохраняя привнесенное духовное и религиозное сознание, применяя новое в хозяйственной жизнедеятельности, образовали особую этническую специфику, что также демонстрируется в семантическом анализе религиозного пространства.

Литература

- Ефремов П.Е. Долганское олонхо. Тексты олонхо. Якутск, 1984.
Пекарский Э.К., Цветков В.П. Очерки быта прианских тунгусов // Сборник МАЭ. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 1.
Попов А.А. Религиозные представления долган. 1945-1959 // Архив МАЭ РАН. Фонд 14. Оп. I. № 156.
Попов А.А. О жизни и устно-народном творчестве долган // Долганский фольклор. М., 1937.
Попов А.А. Долганы: собрание трудов по этнографии. СПб., 2003. Т. 2.
Саввинов А.И. Проблемы этнокультурной идентификации долган. Новосибирск, 2005.
Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.
Фольклор долган // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 19.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КРАБЫ, КРЕВЕТКИ, КАЛЬМАРЫ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

С.В. Доронина

Ключевые слова: одушевленность, неодушевленность, грамматическая норма, узус, грамматическая категория.

Keywords: animate noun, inanimate noun, grammatical norm, usage, grammatical category.

Наличие у одушевленных существительных собственной парадигмы, отличающей их от существительных неодушевленных, свидетельствует об особой грамматической значимости для русского языка оппозиции «живое / неживое». В то же время грамматический статус феномена одушевленности до конца не определен в науке. На сегодняшний день существует две концепции, объясняющие онтологическую сущность данного явления: лексико-семантическая и формально-грамматическая.

Влияние семантики на особенность грамматической парадигмы имени существительного в целом отмечают все исследователи [Давлетшина, 2015; Лазуткина, 2014]. Применение методов семиологического анализа позволяет выделить ряд семантических групп имен существительных, характеризующихся специфическими различиями в структуре значения живое/неживое и, следовательно, различающихся грамматическим признаком «одушевленность / неодушевленность». Данное свойство русских слов широко применяется в практике преподавания РКИ, когда форма винительного падежа существительного определяется с учетом того, на какой категориальный вопрос – *кто?* или *что?* – оно отвечает. Квалификация оппозиции «одушевленность / неодушевленность» как лек-

сико-грамматического разряда представлено в «Русской грамматике-80».

Однако практическое определение одушевленность / неодушевленность существительного по вопросам не всегда бесспорно: вопрос «кто?» в определенных ситуациях может быть поставлен и к неодушевленным существительным, а вопрос «что?» – к одушевленным. Например: *К обеду подавали жареных уток (что подавали?); Девушка приколола к шляпе позолоченного жучка (что приколола?)*. С другой стороны: *С развитием капитализма рос и промышленный пролетариат (кто рос?); Завод выполнил свои планы (кто выполнил?)*. Неполное соответствие формы и содержания языковых знаков в аспекте категории одушевленности приводят к необходимости разграничивать научные и наивно-языковые представления о живом и неживом. По общему мнению Л. Ельмслева (1979), В.В. Виноградова (2001), Ю.С. Степанова (1975), В.А. Ицковича (1980), в русском языке под живым понимается предмет, способный к самостоятельному передвижению, и напротив, не передвигающиеся объекты относятся к неживым предметам. Существуют попытки выделять так называемые квазиодушевленные существительные (*толпа, народ, стая*) и включать в данную группу слова, семантические и грамматические признаки которых не совпадают [Гак, 1972]. Таким образом, объяснения феноменам расхождения семантики слов и их грамматического оформления ищутся в сфере национального языкового сознания в особых механизмах осмысления, оценивания предметов как живых или неживых, исходя из их биологических признаков.

Вместе с тем перечисленные случаи наталкивают на мысль об отсутствии строгой корреляции между грамматическими свойствами слов и их лексическим значением. Подобное наблюдается в номинативно сильных грамматических категориях рода и числа. (Слово «секретарь» мужского рода независимо от пола представителя профессии; слово «студенчество» единственного числа несмотря на лексическое значение «совокупность лиц» и пр.). Трактовка оппозиции «одушевленность/неодушевленность» как номинативно слабой грамматической категории представлена концепцией, согласно которой она вместе с категорией рода рассматривается в составе единой грамматической парадигмы. Применительно к русскому языку эта концепция представлена в работах Н.Н. Дурново и А.А. Зализняка. Н.Н. Дурново различал в единственном числе 4 рода: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний, а во множественном числе – 2 рода: одушевленный и

неодушевленный. А.А. Зализняк объединяет категорию рода и категорию одушевленности / неодушевленности в номинативно слабую грамматическую категорию согласовательного класса [Зализняк, 1967], рассматривая одушевленность / неодушевленность как формально-грамматический признак.

Таким образом, регулярность способа выражения, частичная оторванность оппозиции «одушевленность – неодушевленность» от лексического значения дают возможность считать ее грамматической категорией. Мешает безоговорочному признанию данной теории довольно обширная группа лексем, одушевленность-неодушевленность которых целиком определяется лексическим значением, что требует считать данную оппозицию лексико-грамматическим разрядом – явлением, занимающим промежуточное положение между лексикой и грамматикой. [Плунгян, 2003]. Уточнению грамматического статуса данной оппозиции может способствовать рассмотрение зоны вариативности – группы лексем, определение одушевленности / неодушевленности которых затруднительно для носителей языка. Как известно, языковая вариативность – динамическое явление: варианты со временем меняют свою стилистическую окраску, частотность употребления, либо вовсе устаревают, уступая место более продуктивным моделям. Наблюдение за динамикой языковой нормы позволят определить, какие тенденции (формальные или семантические) действуют сегодня при выборе одушевленных / неодушевленных форм. Это, в свою очередь, позволит сделать как ортологически значимые выводы, так и выводы, обладающие теоретической значимостью: имеется ли у существительных тенденция к грамматикализации (отрыву от значения) признака одушевленности / неодушевленности.

Статистическое исследование узуса – важнейший из методов анализа языковой ситуации. Колебания в речи представителей среднелитературного типа речевой культуры, тем более устойчиво воспроизводимые отклонения от кодификации, свидетельствуют о наметившихся векторах изменения нормы. Для исследования подобных вопросов в последнее время весьма успешно используются данные Национального корпуса русского языка (например, см.: [Савчук, Гришина, 2014; Степанов, 2015]). В сферу внимания при таком подходе попадает среднелитературный узус, поскольку в Корпусе представлены контексты из произведений публицистического, художественного и научного стилей письменной формы речи. Колебания в данной речевой сфере свидетельствуют о существенных подвижках в области изменения языковой нормы.

Лексические группы, испытывающие колебания в форме винительного падежа, подробно описаны в грамматических справочниках (например, см.: [Граудина, Ицкович, Катлинская, 2004]). Наблюдения показывают, что изменения в употреблении языковых вариантов наблюдаются лишь в нескольких из них. Это в первую очередь касается слов, называющих консервы из некоторых видов морской рыбы, названий морских моллюсков, ракообразных и под., которые, как отмечает В.А. Ицкович, «не встречаются в Центральной России в живом виде и стали известны сначала как экзотические блюда, и лишь позднее – как живые существа» [Граудина, Ицкович, Катлинская, 2004]: *есть, любить устрицы / устриц, мидии / мидий, креветки / креветок, крабы / крабов, омары / омаров, кальмары / кальмаров, лангусты / лангустов*. Согласно общеизвестному алгоритму, лексемы со значением экзотических блюд испытывают колебания в аспекте грамматического признака «одушевленность» в зависимости от контекстуально обусловленного значения лексемы. В значении «животное» они являются одушевленными, в значении «блюдо» нет. Охарактеризуем случаи употребления каждой лексемы данной семантической группы и обозначим количественное соотношение ее вариантов.

УСТРИЦЫ

Статистический анализ сплошной выборки словосочетаний с глаголами «заказать», «любить», «есть» и подобных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, показал, что словоформа винительного падежа множественного числа, равная родительному, встретилась в 18 случаях из 23 употреблений:

*Божественный Карл глотал **устриц** в укусе, сосал соленые маслины и запивал все невероятным количеством крепких вин (Святослав Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2008).*

*В огромных чанах варят **устриц**, креветок и всяких иных братьев наших немых (Михаил Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006) // «Нева», 2008).*

*Французы любят **устриц**, узбеки — плов, а аргентинцы — цельного быка, зажаренного на вертеле (Ирина Медведева, Татьяна Шишова. Башня терпимости (2004) // «Наш современник», 2004.04.15).*

*Он поглощает **устриц**, дюжину за дюжиной, полдюжину дюжин, дюжину полдюжин дюжин (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).*

Поешьте устриц, морской гребешок, творог что ли... (Кра-

сота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)).

Таким образом, лексема «устрицы» вне зависимости от выражаемого лексического значения употребляется как одушевленное существительное.

МИДИИ

Слово «мидии», напротив, преимущественно употребляется как неодушевленное: в 21 случае из обнаруженных 30 имеет место употребление словоформы в винительном падеже, совпадающем с именительным. Причем при выборе грамматической формы не наблюдается какой-либо зависимости от ее контекстуального значения.

Хотя... Мидии ты любишь. Даже неизвестно, что больше — собирать, готовить или есть (Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)).

Хотя бы и на волнорезе, когда ты мидии обрываешь (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)).

Я сама с собой все время говорю, потому что те, с кем бы я хотела говорить, навсегда остались срывать мидии на утренних волнорезах. (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)).

Оказалось, что все пострадавшие употребляли в пищу голубые мидии (Людмила Трухачева. Найти иголку в стоге сена // «Наука и жизнь», 2009).

Так они беседовали, ели острые греческие мидии с баклажанами, запивали вином со смешным названием «Резина» (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Замени обычную рыбу на мидии, и твой салат сразу станет праздничным (Ресторан на дому: устроим праздник для любимых друзей! // «Даша», 2004).

Мидии можно добавить не только в салат, но и сварить из них суп (Это полезно // «Даша», 2004).

Они охотно поглощают подносимых им раздавленных мидий («Спортсмен-подводник», 1971).

Возможно, на формирование грамматических свойств слова оказало влияние русское неодушевленное существительное «ракушка», парадигма склонения которого не испытывает грамматических колебаний.

КРАБ

Слово «краб» употребляется только как одушевленное вне зависимости от выражаемого им лексического значения. В ходе

сплошного анализа 32 контекстов, содержащих словоформу в винительном падеже, в НКРЯ обнаружено только одно высказывание, в котором лексема имела бы грамматическую форму неодушевленного существительного. Причем зависимость формы от лексического значения также не наблюдается. Ниже приведены обнаруженные контексты, в которых, в соответствии с кодификацией, следовало бы ожидать форму винительного равного именительному:

*На причалах возле знаменитого ресторана «Алиотто» в огромных чанах варят **крабов**, креветок, и тут же развеселая толпа их поедает* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976). *Ден, держи «краба»! С 1963 года болею ТОЛЬКО за «Динамо» Москва!* (Футбол-4 (форум) (2005)).

*Наблюдать за морем и съестъ **краба**, запивая белым вином, - ваш долг* (Серафима Шейнина. Пурим — ночь, когда ангел не отличается от дьявола // Труд-7, 2011.03.03).

*Местные утверждают, что в сезон в ресторанах Антигуа подают карибских **крабов** всего по 20 долларов за штуку* (Сергей Митин. Центральная Америка за две недели // Труд-7, 2010.10.14).

*Сейчас, - сказал Виктор, - я наломаю веток, папа разожжет костер, и мы наготовим **крабов***» (Савоничева Е. А вы ловили крабов шлепками? // Советский спорт, 2008.12.27).

ОМАР

Так же, как и предыдущая, лексема употребляется только как одушевленное существительное вне зависимости от выражаемого им лексического значения, что отражает сплошной анализ выявленных в НКРЯ 29 контекстов.

*И вот несут, несут обваренных красных **омаров**, распластаных живых устриц* (Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)).

*Принесли **омара**, которого я заказала двухкилограммового, впрочем, других-то и не было...* (Кира Сурикова. «Bye-bye, love, bye-bye, happiness!...» (2003)).

*Они вместе поедали **омаров** и наслаждались мороженым, ходили на дискотеки и в бары* (Евгения Венгерова. Свадебный пирог (2002) // «Домовой», 2002.12.04).

*Пантов тут же снял трубку телефона, набрал номер портъе и приказал сию же секунду принести **омаров**, лягушачьи лапки, запеченные в тесте, фруктовый салат и бутылку коньяка* (Сергей Романов. Парламент (2000)).

ЛАНГУСТ

В НКРЯ встречается незначительное количество контекстов, содержащих данную лексему. Однако все из них (11) употребля-

ются в форме винительного падежа, равного родительному.

<...> сказал мой сосед слева, круглолицый человек с веселыми глазами, уписывая лангуста под индийским соусом (Сергей Жемайтис. Большая лагуна (1977)).

– Кстати, сваришь лангуста, – сказала Наташа (Сергей Жемайтис. Большая лагуна (1977)).

Тем более что я видел, что мое блюдо произвело большой эффект среди публики и на меня устремились глаза с моноклями лорнетами, гадая, по всей вероятности, как один человек может съесть этого лангуста, когда его могло хватить на двадцать (Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930-1935)).

Знал, что кому предложить: кому нежной, как сливочное масло, лососины, кому свежего лангуста или омара, чудищем красневшего на окне, кому икру, памятуя, что один любит белужью, другой стерляжью, третий кучугур, а тот сальян (В.А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934)).

Помнит она свои именины, 8 августа, и поздний обед в Булонском лесу на островке, в ресторане с разноцветными бумажными фонариками, где они ели огромного лангуста и пили шампанское (П.С. Романов. Экономическая основа (1928)).

КАЛЬМАР

Данная лексема в форме винительного падежа не проявляет последовательно однородных грамматических признаков. При анализе словоупотреблений в винительном падеже обнаружено примерно равное количество одушевленных и неодушевленных грамматических форм (соответственно 12 и 16). Вместе с тем, столь активные колебания демонстрируют явное нарушение кодифицированной нормы, требующей от лексемы со значением «блюдо» только одной грамматической формы.

В рыбных ресторанах Владивостока подают осьминогов с сыром, кальмаров в кляре, вкуснейшую камбалу и домашние роллы (Игорь Стомахин. Владивосток // «Русский репортер». № 4 (132). 4-11 февраля 2010, 2010).

А если добавить при варке укроп, гриб по вкусу станет похожим на отварного кальмара (Н. Замятина. «Цыпленок» на дереве // «Наука и жизнь», 2008).

Здесь даже устриц и кальмаров не особенно любят (Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001).

Они доели кальмаров в красном соусе и перешли к кофе

(Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001).

Затем положить кальмары, нарезанные мелкими кусочками, и жарить две минуты, помешивая на сильном огне (Экзотические блюда от «Штурвала» // «Лиза», 2005).

Принесли закуски – креветки, мидии, кальмары, щупальца осьминога, нарезанные кружочками, воду, вино (Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001).

Креветки, лангусты, крабы, кальмары, морские черви... ели не торопясь, изредка обмениваясь короткими замечаниями и советами касательно сдабривания блюд соусами (Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001)).

АНЧОУС

Пожалуй, это единственная лексема в исследуемой семантической группе, употребление которой строго соответствует кодифицированной норме. В 28 обнаруженных контекстах, в которых лексема обозначает кулинарный деликатес, не встречается ни одного употребления формы винительного падежа, равного родительному. Слово склоняется по модели неодушевленного существительного.

Мелко порубить белки, лук, каперсы, анчоусы и травы (Рецепты национальных кухонь: Германия (2000-2005)).

Обжарьте тонко порезанные шампиньоны на сливочном масле, добавив к ним в середине жарки мелко нарезанные анчоусы, в конце – устрицы, вынутые из раковин (сок сохраните), и каперсы (Алексей Мокроусов. От антре до антреме, или страсть кулинар (2002) // «Домовой», 2002.06.04).

В начале 2004 года у берегов Чили появились стаи гигантских кальмаров. Они пожирала сардины, анчоусы, макрель (Александр Волков. В глубине темных вод // «Знание – сила», 2005).

Проведенное статистическое исследование среднелитературного узуса демонстрирует полное разрушение кодифицированной нормы, согласно которой изменение лексического значения слова влечет за собой смену его грамматических признаков. Большинство слов семантической группы «морские животные» приобрели константные грамматические свойства: *устрица, краб, омар, лангуст* стали одушевленными существительными, *мидии* – неодушевленными. Слово «кальмар» не проявляет устойчивой закономерности в употреблении, однако при этом и общеизвестное правило выбора формы винительного падежа в зависимости от нали-

чия лексического значения «кулинарное блюдо» все же не соблюдается.

Наблюдения за изменениями на данном незначительном участке языковой нормы, на наш взгляд, дает возможность сделать и теоретически значимые выводы. Как видим, в однородной семантической группе не наблюдается единства в проявлении грамматических свойств. Признание относительной свободы грамматических признаков лексем позволит избавиться от фантомных категорий «квазидушевленный», «бывший живым», «условно одушевленный», объяснительные силы которых представляются сомнительными. Развитие языка идет по пути отрыва грамматического значения от лексико-семантических вариантов: каждая отдельная лексема формирует универсальные, независимые от контекстуального варианта значения грамматические признаки. Эти два фактора убедительно свидетельствуют о постепенном отрыве грамматического значения от лексического, что является, наряду с регулярностью и обязательностью, важным отличительным признаком грамматической категории.

Литература

- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001.
- Гак В.Г. Глагольная сочетаемость и ее отражение в словарях глагольного управления // Лексикология и лексикография. М., 1972.
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2004.
- Давлетшина К.Ю. «Живое» и «неживое» в винительном множественного (вариативность форм) // Русская речь. 2015. № 5.
- Ельмслев Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1979.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Ицкович В.А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. 1980. № 4.
- Лазуткина Е.М. Варианты репрезентации категории одушевленности/неодушевленности // Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка. 2014. № 1.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Савчук С.О., Гришина Е.А. Национальный корпус русского языка как инструмент для изучения вариативности грамматических норм // Корпусная лингвистика – 2008. СПб., 2008.
- Степанов С.П. «Хочешь музык новых самых?..», или о грамматических нормах современного русского языка (новейшие тенденции) // Степанов С.П. Языковая личность и культура речи. СПб., 2015.
- Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Русская грамматика. М., 1981. Т. 1.

ЯЗЫКОВАЯ СИМВОЛИКА В АВАРСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Л.А. Мисиева

Ключевые слова: аварский язык, символика в паремиологических образах, коды культуры, культурно значимые коннотации, семантическая структура компаративных образов.

Keywords: the Avar language, symbolism in paroemiological images, culture codes, cultural connotations, semantic structure of comparative images.

Известно, что чаще всего языковая символика используется во фразеологических и паремиологических образах, ориентированных на человека. Такая символика на материале дагестанских языков изучена недостаточно. Паремиологический материал аварского языка в этом плане специально не рассматривался. Этим фактором, прежде всего, объясняется актуальность поднимаемой в данной статье проблемы. Значимость символического лексического материала, анализируемого в статье, мотивируется и тем, что символические образы в аварском языке имеют национально-культурный характер.

Статья построена на материале, собранном нами путем сплошной выборки из сборников аварских пословиц и поговорок [Алиханов, 1972; Алиханов, Алиханов, 2012]. В отдельных работах, посвященных исследованию аварских фразеологических и паремиологических единиц в лингвокультурологическом аспекте, поднимается проблема национально-культурной специфики языковой символики.

Так, З.Г. Абдуразакова отмечает, что в аварских паремиологических и фразеологических единицах употребляются слова, ставшие символами культуры, стереотипами, компонентами эталонной культуры [Абдуразакова, 2014, с. 19].

Д.С. Самедов и Л.Г. Алиханова, анализируя названия времен года в составе аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «время», отмечают, что «паремиологические единицы обращают на себя внимание тем, что в них отражается потребность носителей языка в символизации, некоторая ритуальность национально-культурных смыслов» [Самедов, Алиханова, 2012, с. 53].

Об использовании зооморфного кода культуры в аварских паремиологических единицах А.Н. Магомедова пишет: «В ряде паремиологических единиц, которые соотносятся с зооморфным кодом культуры, в переносном значении или в сравнительно-уподобительной функции

употребляются названия животных, символизирующие трудолюбивого или, напротив, ленивого человека» [Магомедова, 2013, с. 133].

Национально-культурная символика достаточно часто используется как в паремиологических, так и во фразеологических образах. В этой связи Д.С. Самедов отмечает: «Для понимания таких смыслов (символических. – Л.М.), их национально-культурной специфики необходимо знать принципы и культурные основы развертывания заключенного и иногда заключенного (закодированного в социально-культурном плане) в них смыслового содержания» [Самедов, 2010, с. 144]. О характере символизации культурных знаков языка говорится в статье М.А. Гасановой, посвященной концепту «труд» в табасаранской языковой картине мира [Гасанова, 2013, с. 196].

При описании национально-культурных смыслов языковых символов имеет значение внутренняя форма языковых единиц, имеющих часто идиоматический характер, так как через внутренние формы передается «информация о культуре и национальном менталитете народов-носителей, выявляются этнокультурные символы, стереотипы и эталоны в идиоматике» [Ворокова, 2013, с. 15]. В литературе отмечается, что определенные слова, приобретая особый национальный смысл, становятся символами народов, а объекты, обозначаемые этими словами, становятся культурно значимыми. Характер символической интерпретации таких объектов, как отмечает В.А. Маслова, имеет не только специфическую национальную окраску, но и отражает деятельностно-поведенческую доминанту того или иного народа [Маслова, 2004, с. 19].

Достаточно часто в аварских паремиологических единицах, отражающих образ человека, в символической функции используются названия животных. Такое явление свойственно разным дагестанским языкам. Так, например, отмечая факт использования в табасаранских паремиях зооморфного кода культуры, М.А. Гасанова отмечает следующее: «Зоонимы часто выступают в качестве универсальной языковой метафоры, своеобразного культурного кода, в которых сущностные признаки человека и взаимоотношения людей раскрываются через наделение определенными качествами представителей животного мира» [Гасанова, 2012, с. 54].

В аварских паремиологических единицах названия животных в основном компаративно символизируют негативные качества лиц мужского пола, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Бихьинасе цIуле гурев, цIуясе дегIен гурев. «Ни коза для самца [=козла], ни козел для самки [козы]» *РагIи чол багъаяв – живгво чахъдал багъаяв* «Слова цены лошади, сам же овцы стоит». *Рокъов –*

деглен, *къватлив* – *цлцле* «Дома – козел [=смелый], на улице [в людях] – коза [трусливый]. *Рокъов* – *гьалбацл*, *къватлив* – *гланкл* «Дома – лев [смелый, сильный], на улице – заяц [трусливый, слабый]. *Гладамзе гьойгьарав*, *гьабзазе ракъалгьарав* «Для людей собакой стал, для собаки костью стал». *Анив деглен*, *дова цлцле* «Здесь [под защитой] – козел [=смелый, важный], там [где нет защиты] – коза [трусливый]». *Оцол гладаб габуралгьул*, *тлотлол гладаб бетлералгьул* «Шея как у быка [=физически силен], голова [=ум] как у мухи [=ума мало]». *Оцол тломониб бачил ракл лгьурав* «В бычьём [сильном] теле – телячье [слабое] сердце» *Гьекьедал* – *хлелеко*, *вигьиндал* – *гланкл* «Выпивши – петух [смелый, заносчивый, горделивый], протрезвевши – заяц [трусливый]». *Вихьизе бугьа* – *ватизе бече* «На вид – бугай [сильный], на деле теленок [слабый]. *Кьаркьала бугьылав*, *ракл хланчлывав* «Тело как у бугая [=здоровый, сильный], сердце птичье [трусливый, слабый]. *Глияд рехьен бугев* – *бихьараб тлагьур* «Отару овец имеет, а папаха порванная» и т.д.

В приведенных паремиологических единицах названия животных в основном путем эксплицитированной и имплицитированной компаративной характеристики символически актуализируют отрицательные качества человека: трусость, слабость, никчемность. Компаративный характер анализируемых паремиологических образов связан с противопоставлением видимой, внешней стороны человека и его негативных внутренних качеств, внутренней сущности. Для такого противопоставления используются ставшие символическими названия животных: *деглен* «козел» (символ внешнего достоинства) – *цле* «коза» (символ слабости, пугливости), *чу* «лошадь» (символ высокой цены, достоинства) – *чахьу* «овца» (символ никчемности, глупости), *гьалбацл* «лев» (символ отваги, силы, смелости) – *гланкл* «заяц» (символ трусливости), *оцол габур* «бычья шея» (символ физического здоровья, силы) – *тлотлол гладаб бетлер* «голова как у мухи» (символ отсутствия интеллекта), *оц* «вол» (символ силы, здоровья) – *бече* «теленок» (символ слабости), *бугьа* «бугай» (символ физического здоровья, силы) – *хлнчл* «птичка» (символ физической и духовно-моральной слабости), *гьой* «собака» (символ злого человека) *ракъа* «кость» (символ негативного отношения к злому человеку): ср. *Ццидалаб гьой хьарсараб ракъа рехун тезе ккола* «Злой собаке обглоданную кость лучше кинуть» (в смысле «не нужно связываться со злым человеком»).

В компаративных противопоставлениях, актуализирующих негативные качества человека (на гендерный признак лица мужского или женского пола указывают выделенные классные показатели *-в*, *-й*), используются названия физически сильных, внешне здоровых животных

и относительно маленьких, физически слабых животных, ставших символами негативных внутренних человеческих качеств: *бугъа* «бугай» – *бече* «теленек», *чу* «лошадь – *чахъу* «овца», *бугъа* «бугай» – *хлинчл* «птичка», *гъалбацл* «лев» – *гланк* «заяц» и т.д.

Кроме того, в паремиологических образах, соотносительных с зооморфным кодом культуры, называются обстоятельства, в которых человек ведет себя по-разному: *рокъов* «дома» – *къватлив* «на улице [в людях]», *гидамазе* «для людей» (собака: о злом человеке) – *гъабзазе* «для собак» (кость: символ отношения к злому человеку) и т.д.

Отдельные паремиологические образы с зооморфным кодом культуры подчеркивают положительные качества человека, но с ироническим оттенком: *Оцоца гланасеб хлатли гъабулев, хламица гланасе къайи бачунев* «Как вол работающий, как осел грузы тянущий» (слово *хлама* «осел» символизирует тяжелый физический труд; ср. в рус. *ишачить*). *Роржунел жалазда гъоркъов чеггераб дачен гладав* «Среди летающих [птиц] подобен черному соколу». *Кверал меседилай, рукъи гларцулай* «Руки [у которой] золотые шитье серебряное [красивое]» (слово *гларц* «серебро» во фразеологических и паремиологических образах разных дагестанских языков приобрело культурно значимую интерпретацию и используется как символ красоты, изящества [Самедов, 2010, с. 171], часто используется в произведениях устного народного творчества).

Для части паремиологических единиц характерен телесный код культуры. Названия частей тела человека и животных в таких паремиологических образах символизируют разные негативные качества человека: *чехъ* «живот» (символ жадности, ненасытности), *бер* «глаз(а)» (символ ненасытности), *бетлер* «голова» (символ интеллектуальных свойств человека), *рачл* «хвост» (символ хитрости, лицемерия, изменчивости, коварства), *зар* «кулак» (в разных дискурсах компаративно символизирует малое количества ума; стойкость), *мацл* «язык» (символ болтливости, склонности к сплетням), *кверал* «руки» (символ отношения к труду) и т.д.:

Бикъун бер глорцличлев, кванан чехъ глорцличлев «От краденного глаза не насытились, от съеденного живот не насытился». *Цлар клудияв ретлегъечл, бетлер клудияв глакълугъечл* «Имя достойное [но] одевать нечего (букв. «одежды не имеющий»), голова большая [но] ума нет». *Чехъ бакъарав, рукъ мискинав* «Живот [у которого] голодает, дом [у которого] бедный» *Глакълу заргланав, гламал зобгланав* «Ум величиной с кулак (=мало), самомнение величиной с небо» (=большое). *Чехъ глорцланиги, бер глорцлударев* «Хотя живот сытый, глаза голодные». *Чехъалье ияхл гъечлев, ракъуе сабру гъечлев* «Живот без чести [ненасыт-

ный], от голода нет терпения» *МацIхалат, гIакьлугьечI* «Язык длинный, ума мало». *Меседил ца бугев, царал рачI бугев* «Зубы золотые, хвост лисий» *Гьорол кьояль хIелкирчачI гIадав* «В ветренный день хвосту петуха подобный». *Бер бакъарав, чехь бакъарав, чияр хIарчча сахаватав* «Глаза голодные, живот голодный, у чужого стола хорошо себя чувствует». *Хьабиниб рахь букIаго, гьуд кодоса биччачIев* «Пока в крынке есть молоко, из рук ложку не выпустит». *Кверал кьокь, мацI халат* «Руки короткие [=работать не любит], язык длинный [болтать любит]. *Гьерсил гор горбода барав, мацIил хьаба хьатикь ккурав* «Вранья круг на шею надел, лжи кувшин в руках держит». *ГьаракIуниб кIал льурай, КIикIунир гIундул льурай* «В Аракуни [назв. нас. пункта] рот положившая [=много сплетничает, болтает], в Кикунни [назв. нас. пункта] уши приложившая [=слушает сплетни]. *Бихьинчи вокьулев кьурун михь ккурав* «Мужчину любят со скрученными усами».

В приведенных паремиологических образах символические функции выполняют не только названия частей тела, но и другие определенные или определяемые компоненты: ср. *гьерсил гор* «вранья круг» (отражена количественная символика), *зобгIанаб гIамал* «о высокомерном человеке» (букв. «самоуверенность величиной с небо»), *мацIил хьаба* «горшок [глиняный] лжи» (символ количества), *ретIел* «одежда» (символ достатка, благополучия: ср. ФЕ *ретIине ретIел гьечIев* «нищий») букв. «одевать одежды не имеющий»), *гIор* «река» (отражает количественную семантику), *кIал* «рот», *гIундул* «уши» (символизируют сплетни, пустую болтовню), *михьал* «усы» (символ мужского достоинства) и т.д. Национально-культурный характер паремиологических образов создается как указанной символикой, так и употреблением национально-культурных реалий: названий населенных пунктов, а также слов типа *хьаба* «глиняный горшок местного производства», *хIарччи* «деревянный поднос для еды» и др.

Отличаются национально-культурной значимостью паремиологические образы, соотносимые с предметно-вещным кодом культуры, где объекты, получившие символическую интерпретацию, отличаются теми или иными типичными свойствами, качествами, переносно характеризующими человека.

В таких паремиологических образах сопоставительно используются названия объектов, символизирующих противоречивые или просто плохие качества, которые проявляет человек в разных обстоятельствах: *зав* «колючка» (символ жестокости) – *нах* «масло» (символ мягкости), *хьуру* «кремень» (символ жесткости, стойкости) – *квасквас* «хлопок» (символ мягкости, податливости), *квасквас* «хлопок» (символ слабости, мягкости) – *гьалбацI* «лев» (символ силы, превосходства), *цIам* «соль»

(символ зла, злословия), *Клевкьмахх* «ножницы» – *рукIклен* «иголка» (символы женского трудолюбия, хозяйственности), *чухъа* «черкеска» (символ благополучия, достатка) – *нацIцI* «вошь» (символ нищенства).

Мискинасе азз Iладав, залимасе нах Iладав «Для бедных (=слабых) как колючка [злой, жестокий], для сильных как масло] [=мягкий]. *XIалимасе – хъиру, хъачIасе – квасквас* «Для мягкого [по отношению к мягкому человеку] – камень, для жестокого – хлопок». *XIалтIуе квасквас, кваназе – гъалбацI* «В работе – хлопок] [=слаб], в еде – лев [силен]. *МацIалда цIам бугев, цIанда борохъ барав* «На языке соль имеющий, на пупке [у которого] черви завелись». *КIевкьмаххгун барщарай, рукIкленгун кьалъарай* «С ножницами не дружит, с иголкой во вражде» (о женщинах). *Бечельидал чухъа ретIарав, ресукъльидал нацIцIал кварав* «Разбогатевши черкеску надел, обнищавши вшей съел».

Ряд гендерных паремиологических образов соотносится с природным кодом культуры. В таких паремиях используются лексические компоненты, символизирующие те или иные качества человека (положительные и отрицательные): *цIад* «дождь» (символ обилия, благодати), *гIор* «река» (символ напористости), *ралъад* «море» (символ широты, щедрости) и т.д.:

Чвахун балеб цIад Iладав, шун бачIунеб гIор Iладав «Подобный ливневному дождю, похожий на наводнившуюся реку». *Лъарал лъылиназда гьоркъов хъахIилаб ралъад Iладав* «Среди вод речушек голубому морю подобный». *МацIил цIад барав, цIогьол гIор цварав* «Сплетни [у которого] как дождь [=много], воровство как наводнившаяся река] [=много]

Имеет место употребление антропных метафор-символов, собственных имен, создающих национально-культурные коннотации: «*Бишун лъикIав багъадур*» – *кьалде ккечIев Майиндур* «Самый лучший герой» – не воевавший *Маиндур*. *Гьоболлгун индал – хан, гьобол вачIиндал – лагъ* «В гостях [как] хан [=вольготно чувствует], когда гость приходит [как] раб] [беспомощным рабом чувствует]. *Iладамазда гьоркъой ханасул бика*. «Среди людей подобна ханше». *KIкIараялдеги хвалчен бахъарав «бихъинчи*» «На комара кинжал вытащивший «герой».

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд обобщений относительно языковой символики в аварских гендерных паремиологических единицах.

Рассматриваемые паремиологические образы в основном соотносятся с зооморфным, телесным, предметно-вещным, природным и антропным кодами культуры. Национально-культурная специфика образов создается использованием языковой символики, а также названий национально-культурных реалий, получивших символическую интерпрета-

цию, обусловленных социально-культурными факторами и особенностями образно-ассоциативного осмысления носителями языка окружающего мира и места человека в этом мире.

Национально-культурная символика гендерных паремиологических образов часто определяется внутренней формой ставших символами, культурно значимыми эталонами и стереотипами языковых единиц. Называемые такими языковыми единицами объекты имеют национально-культурную окраску, связанную с их интерпретацией в сознании и восприятии носителей языка.

Многие аварские гендерные паремиологические единицы, в составе которых используется языковая символика, строятся на компаративной основе. Такой компаративный характер рассматриваемых паремий связан с особенностями эмоционально-интеллектуальной и образно-ассоциативной интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности. Формируемые при этом паремиологические образы служат фрагментами национальной языковой картины мира.

Литература

Абдуразакова З.Г. Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и английском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: автореф. дис. ... к. филол. н. Махачкала, 2014.

Алиханов З.А. Аварские пословицы и поговорки. М., 1972.

Алиханов З.А., Алиханов С.З. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 2012.

Ворокова Н.У. Этнокультурная специфика идиоматики (на материале русского и кабардиночеркесского языков): автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2003.

Гасанова М.А. Волк и собака в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2012. Вып. 3.

Гасанова М.А. Концепт «труд» в табасаранской языковой картине мира // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2013. Вып. 3.

Магомедова А.Н. Некоторые особенности лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2013. Вып. 3.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2004.

Самедов Д.С., Алиханова Л.Г. Наименования времен года в аварских паремиологических единицах, выражающих концепт «время» // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2012. Вып. 3.

Самедов Д.С. К вопросу о сравнениях с зооморфным кодом культуры в лакском языке // Русский язык и литература в школе и в вузе. Махачкала, 2010. Вып. III.

Самедов Д.С. *Арц* «серебро» как символ женско красоты во фразеологических единицах даргинского языка // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Махачкала, 2010. Вып. IV.

ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Е.Н. Гуренчик

Ключевые слова: антитеррористический дискурс, президентский дискурс; дискурс-категории «время», «пространство», «тема», «роль» «коммуникативный кортеж»; маркеры содержания дискурса, реконструкция, речевое воздействие.

Keywords: antiterrorist discourse, presidential discourse, discourse categories of «time», «space», «theme», «role», «communicative cortege»; markers of discourse content, reconstruction, persuasion.

1. Ключевые позиции исследования

Поле нашего исследования – лингвистика дискурса в ее фокусировке на практический дискурс-анализ как реконструкцию содержания с целью решения исследовательской проблемы. В нашем случае эта проблема – выявление специфики способов организации антитеррористического дискурса с позиции его интегративных тенденций (интегрирования всех сил сообщества для реализации общей цели). Наш фокус внимания (материал и предмет исследования) базируется на таких структурных элементах речи как Вступление и Заключение выступления, репрезентированных в макро-структуре дискурса пятью категориями («время», «пространство», «тема», «роль», «коммуникативный кортеж»), которые вербально маркируются. Целевая установка – реконструкция и описание содержания в контексте проверки гипотезы об актуализации событийной и интерактивной информации в структурном фрейме дискурсии, который должен репрезентировать те качества ритора, которые объединяют страну, реализуя, по сути, дискурс мобилизации всех сил страны для победы над врагом.

Процедура исследования традиционна для дискурс-исследования: после установления исследовательской проблемы, постановки цели, построения гипотезы и выбора метода (1) отобрать материал, представив его в определенной системе (классификации) в форме таблиц, рисунков, схем, (2) описать собранный и первично обработанный материал, верифицируя в процессе описания собранную базу данных и предложив ее первичный комментарий, (3) провести анализ базы данных с учетом цели и задач исследования, (4) сделать выводы исследования в формате описания или моделирования, согласно возможностям выбранного исследовательского метода.

В контексте нашего исследования, согласно нашей *гипотезе*, мы ожидаем увидеть пересечение дискурс-категорий в процессе их актуализации, а также пересечение информационного и интерактивного потоков коммуникации в структурном фрейме дискурсии, что должно способствовать актуализации дискурсов мобилизации и интеграции в антитеррористическом президентском дискурсе и, значит, актуализации дискурсии с большей воздействующей силой согласно контексту функционирования (социальному контексту). Именно поэтому и выбраны категории «время» и «пространство» в сочетании с категориями «тема», «роль» и «коммуникативный кортеж», ибо структурный фрейм подобной дискурсии не может не содержать такие характеристики как актуальность (соотнесение времени и пространства), кортежность (единение субъектов коммуникации в событийном контексте), результативность (интердискурсивность, то есть единение целой группы типов дискурса, от выбора которых зависит сила и направленность речи), ее запоминаемость, и, значит, естественность трансформации в линии преобразования дискурса «феномен-идея-деятельность» (о семиозисе дискурса в треугольнике *феномен-идея-деятельность* см. в: [Oukhvanova, Gurenchik, 2013, p. 34-55]).

Наше исследование является экспериментальным. Оно призвано верифицировать методику анализа, проверить гипотезу и увидеть тенденции репрезентации антитеррористической дискурсии.

Исследуемый нами материал – Введение и Заключение – мы принимаем как интерактивно актуальное единство и, значит, как целостную дискурсную практику (дискурсию), объединяющую тематическое и интерактивное пространство макроструктуры. Предлагаем вначале описание ее линейной структуры. Здесь важно проследить не только то, как представлены в дискурсии соответствующие категории, но и как меняется их вербальное наполнение в процессе ее порождения в речи.

Начало дискурсии (Вступление) включает обращение адресанта (интерактивная составляющая) к:

- 1) Парламенту, гражданам и всему миру (*с целью означить ситуацию и позицию Франции в ней*),
- 2) пострадавшим семьям (приносит соболезнования от имени всей страны),
- 3) службе медицинской помощи и правоохранительным органам (благодарит за оперативность (своевременное прибытие на места, где были совершены теракты);

и, далее (в Заключении), адресант обращается к:

- 1) органам политической власти (напоминает, что Франция является правовым государством и должна таковым оставаться),

2) государствам всего мира (*с целью мобилизовать мировой потенциал для борьбы с общим врагом*).

Целевая установка статьи показать на примере двух исследовательских случаев (обращений к адресату, целевая установка которых дана выше жирным курсивом) специфику анализируемой дискурсии, а значит и антитеррористического дискурса, а также специфику аналитико-синтезированной методики каузально-генетического подхода к анализу дискурса.

2. Социальный контекст и исследовательские ориентиры

Вечером 13 ноября 2015 года в Париже и его пригороде с небольшой разницей по времени тремя группами террористов было совершено несколько нападений. Почти одновременно имели место несколько атак: взрывы возле стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей в нескольких ресторанах и концертном зале «Батаклан». Для нападений выбраны места отдыха людей; жертвами стали, главным образом, молодые люди 20-30 лет. Теракты стали крупнейшими по числу жертв за всю историю Франции и наиболее масштабным событием по числу жертв в Париже со времен Второй мировой войны. В стране в четвертый раз за всю историю ее существования, было введено чрезвычайное положение.

20 ноября 2015 года Совет Безопасности ООН осудил террористические акты, совершаемые ИГИЛ (Даиш), указав среди них и теракты в Париже [Теракт в Париже, URL]. Лидеры и представители многих стран выступили по своим национальным каналам, предложив свое понимание того, что произошло, и выразив соболезнование французскому народу. Среди них: премьер-министр Австралии (Малкольм Тернбулл), президент Азербайджана (Ильхам Алиев), президент Армении (Серж Саргсян), президент Республики Беларусь (Александр Лукашенко), премьер-министр Великобритании (Дэвид Кэмерон), федеральный канцлер Германии (Ангела Меркель), президент Республики Казахстан (Нурсултан Назарбаев), председатель КНР (Си Цзиньпин), президент Российской Федерации (Владимир Путин), президент США (Барак Обама), президент Украины (Петр Порошенко), а также генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун [«Черный день для Франции и всего мира»..., URL].

Президент Франции – Франсуа Олланд – в понедельник, 16 ноября, выступил на чрезвычайном заседании Конгресса парламента Франции. Обе палаты – Национальное собрание и Сенат – собрались в Версале, чтобы выслушать речь главы государства о новой стратегии внутренней и внешней политики Франции после терактов 13 ноября. Выступление президента транслировалось на канале France 2, оно длилось 37 минут. Исследование данного устного дискурса мы анализируем по скрипту, взятому на сайте www.elysee.fr, где выступление представлено полностью на

оригинальном (французском) языке и в сокращенном варианте в переводе на другие европейские языки [Discours du président de la République devant le Parlement réuni en Congrès, URL].

Обращение Олланда к своему народу происходило в тот момент, когда французам особенно требовались поддержка со стороны государственных структур и заверения президента в том, что он может обеспечить безопасность в стране в такой ситуации. Антитеррористический президентский дискурс, согласно ожиданиям, предполагает наличие в нем помимо прочих интегративной составляющей, которая формирует солидаризацию «своих».

3. Организация базы данных, анализ и комментарий

Анализ выбранной нами дискурсии как репрезентанта антитеррористического дискурса опирается на собранную нами базу данных дискурс-категориального и вербально-категориального планов, где значимым элементом является ее организация (систематизация и структуризация). Ниже представленные две таблицы помогают понять то, как именно проводится нами систематизация и структуризация собранного материала.

Таблица 1. Репрезентация силы президента, страны и ее граждан перед лицом мерзостного факта на примере 3-х объединенных двусоставной установкой Адресанта высказываний из Вступительной части дискурсии, а именно:

1. *«В этот исключительно значимый момент, я обращаюсь к Парламенту для того, чтобы отметить единство нации перед лицом такой мерзости, и ответить с той холодной решимостью, которую бы заслуживала эта гнусная атака, целью которой была **наша страна**».*

2. *В такое сложное и такое тяжелое время, несмотря на охвативший нас ужас, мы должны сохранять **хладнокровие**.*

3. *Я вновь призываю всех наших граждан проявить те качества, которые составляют **честь нашей страны**: упорство, сплоченность, ясность сознания, **достоинство**.*

	Дискурс-категории, роль Адресанта (в развитии)	Темы дискурсии (в их развитии)	Вербальные маркеры тематического развития
1	Время, Место (Персонификация, Кортёж), Цель/установка адресанта (двойная), Две темы как реализация Двойной целевой уста-	<u>Момент</u> (исключительно значимый); Действие (Я обращаюсь к Парламенту с целью); <u>Цели (в дихотомии)</u> : Цель 1: отметить единство нации перед	<u>Лексика</u> , разделенная на Мы и Они, напряжено спокойная против максимально негативной и крайне эмоциональной <u>Синтаксис</u> : четкий ритм, отмечаемый запятыми; <u>Грамматика</u> :

	новки адресанта; Роль Адресанта: означить ситуацию, то есть назвать своими именами и расставить акценты	лицом мерзости; Цель 2: ответить как надо на то, что покусились на страну (с той холодной решимостью, которую бы заслужила эта гнусная атака, целью которой была наша страна) <u>Темы в дихотомии:</u> Тема 1: Мы в этот момент (едины, холодны, решительны, отвечаем им); Тема 2: Их действия (в прошлом времени, атака как мерзость и гнусность)	Они (в прошлом, <u>неодушевленное</u> , одноразовое – атака) Я, Парламент, Нация, Наша страна (в настоящем, единственное число); <u>Акцент ремы:</u> наша страна
2	Время, Кorteж (Мы), состояние (в дихотомии), Модальность долженствования	<u>Время</u> (сложное, тягелое), <u>Дихотомия факта:</u> ужас-хладнокровие Единое проявление себя: должны быть такими, а не иными (конструирование состояния)	Синтаксис: Ритм за счет повторов (<i>такое</i>), противопоставления (фактов), акцента на единственно возможное проявление себя, пунктуации; Акцент ремы: хладнокровие
3	Кorteж, Время, Обращение как Действие	Я – Граждане, Я в действии (призываю), Время коммуникативного действия (повторяющееся) Тема: часть нашей страны. Рема: упорство, сплоченность, ясность сознания, достоинство.	Акцент ремы: достоинство
	Вывод: Категории работают в сцепке	Вывод: Наша страна сохраняет хладнокровие и достоинство (перед мерзостью врага)	

Комментарий к таблице 1. Во вступительной части своей дискурсии адресант обращается к своему народу с целью (как видно из таблицы 1) сохранить хладнокровие и достоинство перед мерзостью врага. Пересечение таких дискурс-категорий, как corteж, время, цель, тема, роль, состояние, модальность долженствования, обращение как

действие способствуют реализации дискурса интеграции в антитеррористическом президентском дискурсе. Использование таких маркеров тематического развития, как разделение на *Мы* и *Они*, обращение к народу от первого лица множественного числа, лексические повторы, четкий ритм, отмеченный длинными паузами, модальность долженствования, элементы публицистического стиля придают контексту воздействующую силу. Категории работают в сцепке, создавая дискурсию, которая объединяет страну в сложное для нее время и призывает граждан сохранять хладнокровие, честь и достоинство перед лицом общего врага.

Таблица 2. Репрезентация силы президента, страны и ее граждан перед лицом мерзостного факта на примере 3-х объединенных двусоставной установкой Адресанта высказываний из Заключительной части дискурсии:

1. **Ни в коем случае** у них не должно быть возможности разрушить французскую душу. **Никогда** они не помешают нам жить так, как **мы решили**, жить свободно; и **мы** должны отреагировать на это хладнокровно.

2. Я хочу, чтобы Франция смогла **остаться самой собой**.

3. **Мы уничтожим терроризм**, потому что французы хотят продолжать жить вместе, не испытывая страх за своих близких. **Мы уничтожим терроризм**, потому что **мы** связаны со свободой и со статусом Франции в мире. **Мы уничтожим терроризм**, для того, чтобы люди могли свободно передвигаться и обеспечивать интеграцию культур. **Мы уничтожим терроризм** для того, чтобы Франция была примером. **Терроризм не уничтожит Республику, так как Республика уничтожит терроризм.**

	Дискурс-категории, Роль Адресанта (в развитии)	Темы дискурсии (в их развитии)	Вербальные маркеры тематического развития
1	Время, Кorteж (Мы), состояние (в дихотомии), Миссия (вербализация целей), Тема как реализация целевой установки Роль Адресанта: означать ситуацию, то есть назвать своими именами и расставить акценты Модальность долженствования	Время (Никогда, Ни в коем случае); Кorteж (Мы решили, нам жить Дихотомия : в прошлом (мы решили); в будущем (не должно быть, не помешают Цель : (1) отметить единство нации перед лицом врага; (2) отреагировать (хладно-	Лексика , разделенная на Мы и Они, Синтаксис : четкий ритм, отмечаемый запятыми; Грамматика : использование прошедшего и будущего времен Акцент ремы : сохранение нации, французской души.

		<p>кровно) <u>Тема</u> : Мы в будущем (не помешают нам жить свободно); <u>Роль</u>: сплотить нацию (не должно быть возможности разрушить французскую душу) <u>Модальность должноствования</u> (<u>мы</u> должны)</p>	
2	<p>Время, Миссия (вербализация целей) Роль Адресанта Желательная модальность</p>	<p><u>Время</u>: Настоящее (Я хочу) <u>Миссия</u> (вербализация целей): сохранить Францию такой, какая она есть <u>Роль Адресанта</u>: сплотить нацию Желательная модальность: я хочу</p>	<p><u>Лексика</u>: Я как лидер государства, <u>Грамматика</u>: использование настоящего времени, сослагательное наклонение (я хочу) <u>Акцент ремы</u>: сплочение нации</p>
3	<p>Время Кортеж Состояние Цель Роль Адресанта Тема как реализация целевой установки</p>	<p><u>Дихотомия</u>: в будущем (мы уничтожим); в настоящем (потому что мы хотим жить...) <u>Кортеж</u>: Мы как единая нация <u>Цель</u>: уничтожить терроризм <u>Роль Адресанта</u>: призвать нацию объединить силы для уничтожения терроризма <u>Тема</u>: продолжать жить, не испытывая страх</p>	<p><u>Лексика</u>, разделенная на Мы и Они, напряжено спокойная против максимально негативной и крайне эмоциональной <u>Синтаксис</u>: четкий ритм за счет повторов (мы уничтожим), отмечаемый запятыми; <u>Акцент ремы</u>: жить в безопасной стране</p>
	<p>Вывод: Категории работают в сцепке</p>	<p>Вывод: Наша страна должна объединить силы, чтобы обеспечить себе будущее</p>	

Комментарий к таблице 2. Главная цель заключительной части дискурсии – объединение сил французского народа для обеспечения своего будущего и уничтожения терроризма. Так же, как и во вступительной части, в сцепке работают дискурс-категории «время», «про-странство», «роль», «(коммуникативный) кортеж», и «тема», но также

актуализируются категории «состояние», «миссия» и «цель». Все они обеспечивают актуализацию событийности и интерактивности информации в структурном фрейме дискурсии. Использование вербальных маркеров тематического развития помогает реализовать дискурсию, которая призывает к сплочению нации, объединению сил для уничтожения терроризма, сохранению Франции такой, какая она есть: использование адресантом местоимения *Я* (как лидером государства), разделение на *Мы* и *Они*, лексические повторы, четкий ритм, частые паузы, элементы публицистического стиля.

Выводы

Наше исследование показало, что:

1. Макроструктура дискурсии усилена синтезом дискурс-категорий в их социально-функциональном проявлении, актуализирующем структуру в ее иерархическом, системном и линейном проявлениях.

2. Дискурс-категории актуализированы в дискурсии, способствуя ее порождению, синтезом всех аспектов (а) языкового (системного) строительства (фактология маркеров лексического, грамматического, синтаксического порядков); (б) речевого или текст-порождающего строительства (фактология маркеров тематической композиции и стиля / речевого поведения адресанта); и (в) дискурсного (синтез когнитивного, прагматического, текстологического и языкового порядков).

3. В дискурсии (поданной в единстве Введения и Заключения) выступления президента Франции перед парламентом и всем миром (в процессе трансляции выступления по всем каналам и фиксации этого выступления в интернете и других средствах информации) мы обнаружили такую ролевую сетку коммуниканта, которая представила короткую реальность как единство перед лицом объектной (предметной) реальности. Это обеспечивает объединительный потенциал дискурсии – объединение сил перед лицом общего врага не только французского народа, но и всех стран, которые столкнулись в свое время с проблемами терроризма.

4. Ролевая и тематическая матрицы дискурсии актуализированы в синтезе маркеров вербального ряда лексического, грамматического, синтаксического и стилистического порядков.

Литература

«Черный день для Франции и всего мира»: международная реакция на теракты. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2435052>

Dictionnaire d'analyse du discours. Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. Edition du Seuil, février, 2002.

Oukhvanova I., Gurenchik E. «Dictionnaire d'analyse du discours» as an intra-linguistic dictionary and its influence on discourse studies development (translated from Russian by Tatjana Alexandrova) // Discourse Linguistics and beyond. Discourse in academic settings. D-ART peer reviewed scientific series. Regensburg, 2016. Vol. 1.

Теракт в Париже. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24967#.VrsqqsZWWwM>.

Ухванова-Шмыгова И.Ф. Дискурсные методики в социологическом исследовании. Мн., 2003.

Ухванова-Шмыгова И.Ф., Маркович А.А., Ухванов В.Н. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Мн., 2002. Вып. 3.

Источники

Discours du président de la République devant le Parlement réuni en Congrès. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-devant-le-parlement-reuni-en-congres-3/>

ВЛАСТЬ И СВОБОДА В МИРОВОЗЗРЕНИИ А.С. ПУШКИНА

М.А. Широкова

Ключевые слова: русская культура, русская литература, национальная идентичность, власть, свобода.

Keywords: Russian culture, Russian literature, national identity, power, freedom.

Начиная говорить о Пушкине, неизбежно рискуешь сказать что-нибудь банальное и общеизвестное. Тем не менее, любая культура, как и личность, нуждается в постоянном проговаривании своих основ, это необходимый момент самоидентификации, – национальной, государственной, исторической и так далее.

Практически каждое поколение литераторов переживает период бунта против Пушкина, который сродни бунту детей против родителей. К бунту примешивается момент зависти и ревности, что само по себе знаменательно, так как завидуют только живым. Один из персонажей романа Булгакова «Мастер и Маргарита», поэт Рюхин, глядя на памятник Пушкину, размышлял: *«Вот пример настоящей удачливости... какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в*

этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло!.. стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро, и обеспечил бессмертие...» [Булгаков, 1978, с. 489].

Представляется справедливой мысль, высказанная И.А. Ильиным в статье «Пророческое призвание Пушкина» (статья была написана к 100-летию поэта). Ильин утверждал, что Пушкин «дан был нам для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории» [Ильин, 1990, с. 353]. Примечательно, что это было сказано не о государственном или, например, о религиозном деятеле, а о литераторе. В.С. Непомнящий в этой связи пишет: «Такое суждение возможно только в России и применительно только к ней, это русское суждение; у желающего понять Россию уже одно это должно вызвать пристальное внимание – даже если бы Ильин в данном случае преувеличил. Но он не преувеличил. Он сформулировал как раз безотчетное общенародное отношение к Пушкину» [Непомнящий, 2001, с. 407]. Формула Ильина ставит вопрос в контекст, помогающий прояснить характер связей между феноменом Пушкина и феноменом русской духовной культуры как таковой.

Помимо всего прочего, суждение Ильина отражает такую особенность русской картины мира, как «литературоцентризм» – первенство слова, доверие к слову. Слово во всех областях нашей культуры и цивилизации значит, пожалуй, больше, чем дело. «Слова поэта уже суть его дела», – говорил Пушкин. Наша литература во многом создает, конструирует реальность, в том числе и реальность политическую. Большинство политических течений в России, если не все, имеют литературные истоки и даже основоположников – литературных героев, как, например, тургеневский Базаров.

На этот счет, правда, существует мнение, высказываемое многими авторами, и, в первую очередь, Н.А. Бердяевым в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», что «Русская мысль... была в XIX веке внутренне свободной и дерзновенной... внешне же стесненной и часто гонимой. Невозможность по политическим условиям непосредственного социального дела привела к тому, что вся активность перешла в литературу..., где все вопросы ставились и решались очень радикально. Выработалась безграничная социальная мечтательность, не связанная с реальной действительностью» [Бердяев, 1990].

С другой стороны, в отличие от материалистов В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, народников 70-х годов, антиматериалистов Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других, как раз у Пушкина «социальной меч-

тательности» практически не было. Бердяев, как многие другие, пишет, что Пушкина нельзя отнести к интеллигентам, а вот после него русская литература «становится учительной, она ищет правды и учит осуществлению правды». «Русские мыслители... всегда искали не столько совершенной культуры, совершенных продуктов творчества, сколько совершенной жизни, совершенной правды жизни» [Бердяев, 1990]. Пушкина же Бердяев относит именно к творцам совершенной культуры и называет его единственным представителем русского Ренессанса. Данный вывод был сделан философом на том основании, что Пушкин в нескольких дошедших до нас письменных источниках повторяет: «Цель художества есть идеал, а не нравоучение» [Пушкин, 1958, т. 10, с. 141]. Нередко считают (так считал и Бердяев), что имеется в виду эстетизм, эстетический идеал, противопоставляемый идеалу моральному («нравоучению»). Но все же более обоснованной выглядит другая точка зрения – что поэт противопоставляет идеал и реальность, должное и сущее. И в этом отношении Пушкин не отличается от остальных русских писателей. У него есть нравственный идеал, но он не пытается чему-то научить, не конструирует идеальную модель – он просто показывает этот идеал в единстве формы и содержания так, как никому другому никогда не удавалось. Только в творчестве Пушкина присутствие идеала так привычно, что мы перестаем его замечать. Как отмечал Г.П. Федотов, «в этом омертвлении привычного совершенства главная причина нередкой у нас холодности к Пушкину» [Федотов, 1990, с. 365].

По словам В.С. Непомнящего, своеобразие гения Пушкина и его места в отечественной культуре такое же из ряда вон выходящее, как своеобразие русской духовности среди иных типов духовности. «Вспомним, далее, ту универсальность, открытость, всечеловечность, которую Достоевский считал неповторимым, неподражаемым собственным свойством Пушкина — но одновременно и русского духовного склада вообще. Или общепризнанная неопределимость “специфики”, “своеобразия” пушкинского гения – не “дублирует” ли она подобную же черту русской духовности? Известно, что русский склад часто воспринимается как расплывчатый и аморфный – и столь же известны мнения об отсутствии у Пушкина как писателя “индивидуальности”» [Непомнящий, 2001, с. 406].

Русскую культуру часто обвиняют в том, что она содержит в себе чрезвычайно много заимствований, и что если выделить из нее все виды, все жанры искусства, которые были в свое время заимствованы из Франции, Италии, Германии, а также у народов Восто-

ка – то практически ничего собственно русского и не останется. И если изъять из числа русских писателей, художников, композиторов и так далее всех лиц с иноэтническими корнями – татар, поляков, немцев, голландцев и прочих по происхождению – окажется, что истинно русских в нашей культуре и нет! Да и у Пушкина, как известно, черный дед его, «Ганнибал, был куплен за бутылку рома и в руки шкиперу попал». Но очевидно, что указанная особенность и формирует русскую культуру как всемирную и, в то же время, как уникальную. Все заимствования из других культур, и все выходы из других народов именно как русские оставили свой след в истории. И именно русская культура XIX века приобрела мировое значение, в отличие, скажем, от американской, которая также вбирала в себя элементы самых разных культур со всего мира.

В русской культуре много заимствований – и их также много в творчестве Пушкина. Для него характерна привычка абсолютно беззастенчиво использовать «чужой» материал, в чем никто, включая Шекспира, с нашим поэтом в сравнение не идет. Например, источниками для его «Повестей Белкина» стали и русские повести других авторов, и французские комедии, и немецкий «анекдот» и многое другое. При этом сам Пушкин сказал о работе вымышленного им автора, а фактически – о своей: «Писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно!» [«Русский архив», 1902, с. 234]. В размышлениях о «Борисе Годунове» он отмечает, что мог бы составить предисловие, где объяснил бы всем, «как надобно писать» трагедии – но просто не хочет «скандала». Или другой случай: о романе своего современника Загоскина Пушкин говорит, что автор неверно все написал, что «на самом деле» все было не так!

Иными словами, все другие сочиняют, а он пишет то, что «на самом деле». Они что-то путают, а он расставляет все по своим местам. Он использует чужие тексты, сюжеты, образы так же, как композитор использует те же семь нот, что и другие, но у него получается создать гармонию, а у других – нет.

Вернемся к мысли о том, что Пушкин создал духовный центр нашей истории. Действительно, ему удалось в своем творчестве соединить историю допетровской и послепетровской России (Герцен сказал, что на реформу Петра Россия ответила явлением Пушкина), соединить славянофильство и западничество, о чем упоминал Достоевский в своей знаменитой речи на открытии памятника поэту. Кроме того, Пушкин совершенно органично соединил русскую народную культуру с культурой классической, элитарной.

В отношении же его политических взглядов стоит заметить, что Пушкину удалось, хотя бы «на мгновение», пользуясь словами Бердяева, показать в единстве идеи власти и свободы. Это два феномена, две диалектических противоположности, соотношение которых составляло одну из основных проблем в истории русской политической мысли, начиная со «Слова о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. Бердяев, собственно, говорил, что «В Пушкине как будто на одно мгновение соединилось то, что было у нас всегда разъединено – идеология империи и идеология интеллигенции». «Он писал революционные стихи и он же был поэтом русской великодержавности» [Бердяев, 1990]. Г.П. Федотов назвал Пушкина «певцом империи и свободы».

Обе составляющие – власть и свобода – всегда привлекали внимание Пушкина. При том, что он за свою короткую жизнь проделал заметную идейно-политическую эволюцию и, выражаясь, конечно, грубо и схематично, из либерала (и даже либерального революционера) он становится консерватором, а от европеизма все больше обращается к национальному началу, к тому, что называли тогда «народностью».

В ранний, лицейско-петербургский период жизни, до 1820 года, до южной ссылки, первое политическое умонастроение Пушкина, как у всего тогдашнего поколения молодежи, было основано на сочетании патриотического подъема, связанного с победой над Наполеоном, с так называемыми «вольнoлюбивыми мечтами». Последние сводились к освобождению крестьян, к идее конституционной монархии, к господству над царями «вечного закона» («Вольность», 1819). Хотя понятие «вечный закон» уже тогда гораздо более емко по смыслу, чем простой конституционализм. Ведь никакой позитивный закон, никакой кодекс законов не может быть вечным.

В первой ссылке, в Кишиневе и в Одессе, Пушкин знакомится с членами «Южного общества» декабристов, и его политические взгляды кратковременно радикализируются. Сыграло свою роль и моральное негодование против власти. Но уже в этот период наметились признаки будущего консервативного мировоззрения, в частности, разочарование в возможности успешной пропаганды свободы, как оно выразилось в известном стихотворении "Свободы сеятель пустынный" (1823), переложении евангельской притчи. В письме к А.И. Тургеневу, посылая ему оду на смерть Наполеона, Пушкин пишет: «Впрочем, это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басни умеренного демократа И.Х.» [Пушкин, 1958, т. 10, с. 75].

Во время второй ссылки, в Михайловском, с 1824 по 1826 год, несмотря на усиливающееся раздражение против надзора полиции и планы побега за границу, Пушкин продолжает двигаться в сторону консерватизма. Написание трагедии «Борис Годунов» и изучение истории Смуты приводят его к убеждению, что монархия есть фундамент политической жизни России. Итог его развития сказывается в суждениях Пушкина о декабрьском восстании и его подавлении, и в связи с этим – о революции вообще: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков» [Пушкин, 1958, т. 10, с. 211].

Наконец, последнее десятилетие жизни поэта – период духовной и политической зрелости. «С воцарением Николая I меняется... общественное положение Пушкина; и его отношение к личности нового царя было с самого начала и до конца жизни поэта, несмотря на множество разочарований, обид и раздражений, совершенно иным, чем к личности Александра. Царь... сначала... даровал ему свободу, обещал избавить от мелочных придирок цензуры, взяв на себя самого роль его «единственного цензора»; фактически он его отдал под... опеку Бенкендорфа, в силу которой не только литературная деятельность, но и личная жизнь поэта оставалась до самой его смерти под полицейским надзором» [Франк, 1990, с. 407].

Тем не менее, с 1826 года можно говорить об уже сформировавшемся, как писал С.Л. Франк, глубоко государственном, мудром и трезвом сознании, сочетающем принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию. «Этим был обусловлен, прежде всего, его постоянный интерес к внешней политике России. В этом отношении Пушкин представляет в истории русской политической мысли абсолютный уникум среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века. Пушкин был одним из немногих людей, который остался в этом смысле верен идеалам своей первой юности – идеалам поколения, в начале жизни пережившего патриотическое возбуждение 1812–1815 годов. Большинство сверстников Пушкина к концу 20-х и в 30-х годах утратило это государственно-патриотическое сознание – отчасти в силу властвовавшего над русскими умами в течение всего XIX века инстинктивного ощущения непоколебимой государственной прочности России, отчасти по свойственному уже тогда русской интеллигенции сентиментальному космополитизму и государственному безмыслию» [Франк, 1990, с. 409]. Уже в 1832 году Пушкин выразился в отношении своего

отнодь не радикального друга Вяземского, что он принадлежит к «озлобленным людям, не любящим России», и отметил болезное место русского либерализма, упомянув о людях, «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России».

Политическими убеждениями Пушкина объясняется его известное отношение к польскому восстанию 1831 года и к попытке европейского вмешательства в русско-польские дела. Кстати, это отношение, вызвало критику таких друзей Пушкина, как Вяземский и А. Тургенев, считавших, что по-настоящему свободолюбивый художник должен был бы встать на сторону поляков – народа, борющегося за независимость. Пушкин же написал знаменитую оду «Клеветникам России», в которой воспел силу империи.

Для поэта русская государственность есть непрерывное преодоление начала хаоса началом разума и воли. В этом и заключается для Пушкина смысл империи. Тем самым он предвосхитил идею русских консерваторов XIX века о том, что империя – это мир для своих граждан.

Точно так же в более ранней своей поэме «Кавказский пленник» Пушкин не становится на сторону свободолюбивых горцев, как это сделал бы Байрон или Вальтер Скотт. Наоборот, он делает русского пленником, и когда тот бежит из плена – для него сверкающие в тумане русские штыки становятся символом свободы.

Еще один мотив пушкинского консерватизма – это уважение к историческому прошлому, к традиции. И этот мотив также тесно связан со свободой, поскольку на любви «к родному пепелищу» и «к отеческим гробам» «основано от века самостоянье человека, залог величия его». «Из этого сознания вытекает известное требование уважения к старинному родовому дворянству, как носителю культурно-исторического преемства страны» [Франк, 1990, с. 413].

Вообще, Пушкин, конечно, никогда не был демократом, он был абсолютным сторонником аристократии. Он хотел свободы для народа, но не власти народа. В этой связи он резко высказывается о послереволюционной Франции, о Соединенных Штатах, ознакомившись с книгой Токвиля «О демократии в Америке». Традиционализм и аристократизм поэта укрепляют его в мысли об отрицании революции: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» («Капитанская дочка», 1836). Ту же идею он выражает и в положительной форме: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» [Пушкин, 1958, т. 7, с. 291-292].

И тем не менее, слова «свобода, вольность, воля», а также прилагательные «свободный», «вольный» – чаще других встречаются в поэзии Пушкина. Поэт находит бесконечно многообразные воплощения свободы. По мнению Б.П. Вышеславцева, автора книги «Вечное в русской философии», Пушкин выразил « всю многозначительность свободы, все ее ступени»: от стихийной, природной – к гражданской и политической и далее – к высшей, духовной свободе, «свободе пророческого слова, не боящегося ни царства, ни священства» [Вышеславцев, 1955] . «Я не знаю более свободного ума в России, нежели Пушкин», – утверждал философ.

При этом разные проявления свободы поэт ценил в разной степени. В наиболее яркой форме эта позиция выражена в известном стихотворении 1836 «Не дорого ценю я громкие права...». Пушкин не требует права на активное участие в политической жизни и на гражданские свободы, такие, как свобода печати (даже наоборот – он всю жизнь был убежден в необходимости цензуры для сохранения общественной нравственности, и у него есть развернутая аргументация на этот счет в заметке «Мысли на дороге»). Он требует духовной независимости личности, простора духовной жизни и творчества. Не случайно поэт назвал свой роман в стихах «Евгений Онегин» «свободный роман». Таким образом, представляется, что прав был П.А. Вяземский, определивший политическое направление зрелого Пушкина как «свободный консерватизм».

Литература

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л., 1978.
Вышеславцев Б.П. Вольность Пушкина. // Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955. [Электронный ресурс]. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_60.htm
Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х гг.: в 2-х тт. М., 2001. Т. 2.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти т. М., 1958.
Русский архив. 1902. Кн. 3.
Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

ПОЭТИКА ДЕМОНИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»

М.П. Гребнева

Ключевые слова: демоническая тема, поэтика, инвариантный комплекс приемов.

Keywords: demonic theme, poetics, the invariant set of techniques.

Поэтика демонической темы в русской литературе 10-30-х годов XIX века является универсальной для В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова¹. Однако демоническая тема не стала доминирующей в творчестве В.А. Жуковского или А.С. Пушкина². Другое дело – наследие М.Ю. Лермонтова³. Подтверждением тому могут служить две редакции стихотворения «Мой демон», восемь редакций поэмы «Демон», демонические образы и приемы в драматургии («Испанцы», «Люди и страсти», «Маскарад») и, конечно, проза – «Вадим» и «Герой нашего времени».

В незавершенном романе «Вадим» демонами предстают, в частности, священники. Их набожность разоблачалась не только Лермонтовым в драме «Испанцы», но и, например, Жуковским в стихотворной повести «Суд в подземелье» (1831–1832) и Пушкиным в поэме «Монах» (1813).

Преобладающий цвет характеристики духовных лиц – черный («длинные, черные мантши» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 7]), время их деяний – вечер («день угасал» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 7]), «звонили к вечерни» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 7]), атрибутивный ряд представлен огненным началом («трепещущий огонь свечей» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 7]). Заметим также, что монахи ходят взад и

¹ См. об этом: Гребнева М.П. Поэтика демонической темы в русской литературе 10-30-х гг. XIX века (Жуковский – Пушкин – Лермонтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.

² По словам В.Н. Касаткиной, «пушкинская лирика 1823 года оказалась ступенью, предшествующей поэзии Лермонтова и скептическим тенденциям в романтизме 1830-х гг.» (Касаткина В.Н. Романтическая муза Пушкина. М., 2001).

³ Манн Ю.В. Об одной особенности романа Лермонтова «Вадим» // Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. Или: Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М., 2001; Глухов А.И. Становление концепции демонизма. Юношеская драматургия // Глухов А.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. Уфа, 2000. Ч. 1; Гребнева М.П. Рефлексы демонической темы в драматургии М.Ю. Лермонтова. Проблемы межтекстовых связей. Барнаул, 1997.

вперед по каменным плитам, а процесс окаменения был описан до Лермонтова Жуковским («Суд в подземелье») и Пушкиным («Каменный гость», 1830).

Картина жизни внутри храма дополняется эпизодами вне его: «У ворот монастырских была другая картина» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 7]. Это сознательное противопоставление только усиливает сходство, а монастырские ворота, как бы отделяющие одну стихию от другой, на наш взгляд, в пародийном варианте отождествляются с воротами (вратами) в рай. Нищие, находящиеся по ту сторону двери, так же темны, как и священники: «Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 8]. Нищие уподобляются священникам в черноте, а священники нищим – в духовной несостоятельности и изломанности.

Важно, что главный герой, Вадим, побывал и в том и в другом состоянии, так как пожил в монастыре и понищенствовал. Появившись на первых страницах романа, он смотрит на святые врата, видит на них изображение дьявола и сожалеет о нем: «...если б я был черт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник бога!.. другое дело человек» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 9]. Уподобление Сатаны изгнаннику рая для Лермонтова – закономерность, так как Демон и Ангел произошли от одного начала [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 27], так как Добро и Зло – «два конца незримой цепи» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 37].

Однако в этом произведении определяющим началом в характеристике героя является все-таки злое, темное, демоническое. Вадим хотел бы стать духом, если так можно выразиться: его товарищи уважали в нем «демона – но не человека» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 9], «его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 9], «в его глазах было столько огня и ума, столько неземного» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 9].

Обращают на себя внимание вечерние размышления героя на темном чердаке, уносящие его во сне наяву за земные пределы: «он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не жалеющий, ни сожалеющий ни об чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пестрой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 36–37]. Перед нами возникает полная характеристика образа Де-

мона, включающая в себя, в том числе, особенности его хронотопа с ведущей ролью временного начала.

Раздвоение образа Вадима на мрачного духа и обыкновенного человека отразилось, в частности, в его мыслях по поводу удаляющегося из глаз монастыря. В храме герой видит не только символ могущества человеческой воли, но и ее ограниченности, дополняемой возможностями демона: *«...и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 12]. Отсутствие поступательного движения и окаменение, а обе эти идеи воплощаются в образе храма, свидетельствуют, как ни парадоксально это звучит, о том, что сакральное строение притягивает к себе не только ангелов, но и таких демонов, как Вадим.

Лермонтовский злой дух способен отделиться от человека и сосуществовать рядом с ним. Именно это происходит с «демоном» Вадима после ухода его «хозяина» из монастыря: *«...он странствовал со мною рядом по берегу мрачной пропасти, показывая мне целый рай в отдалении; но чтоб достигнуть рая, надобно было перешагнуть через бездну»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43]. Сопровождаемый своим мрачным духом Вадим бродит *«без крова и пристанища, преданный зимним метелям»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43]. Демон приводит брата Ольги в дом Палицына, чтобы поработить ее душу. Вадим говорит, обращаясь к сестре: *«вижу, и тобой завладел этот злой дух, и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43].

Черты образа демона естественно переносятся Лермонтовым на его героя. Это подтверждают, в частности, особенности цветовой характеристики Вадима: его лоб *«мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 8], он устремляет *«яркие черные глаза на великодушного господина»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 10].

Характер Вадима обусловлен уничтожающей, испепеляющей стихией пламени и связанным с нею мотивом радости или смеха: *«в его глазах было столько огня и ума»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 9], *«взор был остановившаяся молния»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 10], *«и адская радость вспыхнула на бледном лице»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 11] героя, *«Ольга обернулась, чтоб удалиться... и перед ней стоял Вадим; его огненный взгляд в одну минуту высушил слезы»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 77].

Одним из поджигателей народного бунта, который ассоциируется у Лермонтова с проявлением неуправляемой, дьявольской силы, в романе оказывается Вадим. Ее уничтожающий характер напоминает огненную стихию: *«Вокруг яркого огня, разведенного прямо против ворот монастырских, больше всех кричали и коверкались нищие»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 80], *«озаренные трепетным, багровым отблеском огня, они составляли первый план картины; за ними все было мрачнее и неопределительнее»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 80]. Нищие радовались и веселились, но, по словам Лермонтова, это дурной знак, так как *«святые плачут, когда демоны смеются»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 82]. Выступления бунтовщиков ознаменовались ночными погромами: *«толпа шумела почти до рассвета», «кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 84]. Борьба темных и светлых сил, условно говоря, подчеркивается или поддерживается явлениями природы: переходом ночи в утро, восходом солнца.

Особенности цветописи также свидетельствуют о разрушительных последствиях народного выступления: *«... во многих местах опаленная трава и черный пепел показывали место угасшего костра»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 84].

Лермонтов обращается также к традиции кругообразного движения чертей, демонов. В частности, казаки-бунтовщики раскладывают *«несколько ярких огней»* и рассаживаются вокруг них [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 150], емкость с вином в их руках совершает движение по кругу: *«Тут ковш еще раз пропутешествовал по рукам, и сухой вернулся к своему источнику!..»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 151].

Вадиму и в целом сонму дьявольской силы (священников, нищих, бунтовщиков) противопоставлена Ольга. Ее описание отчасти может быть соотнесено с характеристикой монахинь в различных редакциях «Демона». Это обстоятельство, вероятно, повлияло на процесс формирования самостоятельного образа героини в V, VI и VII редакциях поэмы. В «Вадиме» Ольга представлена следующим образом: *«остальная часть лица ее была покрыта густой тенью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 13], *«Ее грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет белая рука с продолговатыми пальцами»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 13].

В I редакции ничего похожего на этот портрет не было, во II редакции описание, сходное с этим, присутствует, сравним:

*И кудри черные, скатившись
На веки нежные очей,
Служили покрывалом ей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь.
Вот поднялась. На свод угрюмый
Она задумала взглянуть.
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли,
Как неба утра облака,
Ее лилейная рука
Была пленительна...*
[Лермонтов, 1962, т. II, с. 552–553].

В III редакции характеристика оказывается без изменений за исключением цвета волос, который стал не черным, как во II редакции, а русым. В IV редакции приведенное описание полностью отсутствует, в V-ой появляется вновь с заметными изменениями, связанными, возможно, с повествовательным характером этого варианта и влиянием романа «Вадим», сравним:

*В больших глазах ее порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,
Неизъяснимую заботой.*
[Лермонтов, 1962, т. II, с. 593].
*И грудь высоко воздымалась.
И обнаженная рука,
Белей, чем утром облака,
К струнам, как ветер, прикасалась.*
[Лермонтов, 1962, т. II, с. 593–594].

В VI редакции процитированные строки автором исключены. Не только изменениями в характеристике героини «Демон» обязан «Вадиму», но, вероятно, и мотивом отравленного поцелуя, который впервые появляется в V редакции поэмы. Вадим говорит Ольге: «*Подумай, – я для тебя человек чужой – может быть, я шучу, насмехаюсь!.. подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; все, что их любит и ненавидит, обречено погибели...*» [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 16].

Особо следует подчеркнуть, что влияние романа «Вадим» на «Демона» не было односторонним, потому что в равной степени мы можем указать на обратное воздействие. И в редакциях поэмы, и в романе Лермонтов обращает внимание читателей на белизну рук героини: цвет ангелов противопоставляется цвету демонов. На принадлежность Ольги к миру ангелов указывает также ее пространственно-временная характеристика. Ей всего 17 лет, а представители светлых сил всегда молоды. Юрий вступает в ее *«небольшую комнату, освещенную полуденным солнцем»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 54], следовательно, пространство героини ограничено, а действие происходит в полдень, когда светит солнце. Добавим к этому то, что, по всей видимости, временами года Вадима являются зима и осень, а Ольги – весна и лето (*«долго я бродил без крова и пристанища, преданный зимним метелям»*) [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43], *«теперь все кончено...»* – говорит Вадим, – *от моего прикосновения увяли твои надежды»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43]). Заметим также, что от Вадима *«вело холодом»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 51], *«один взор этого непонятого, грозного существа оледенил бы все ее (Ольги. – М.Г.) блаженство»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 62].

Пространство героев романа определяется с помощью мотивов дороги – привилегии ангелов и бездорожья – данностью демонов. Так, Ольга и Юрий, выйдя из монастыря, передвигаются *«по пыльной дороге»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 82] и останавливаются *«на перекрестке двух дорог»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 82]. Два пути возникают в непростой, «пыльной» ситуации, они могут либо сблизить героев, либо развести их по сторонам. В отличие от Ольги и Юрия Вадим оказывается на перепутье не только в прямом смысле, но и в переносном, то есть становится преступником. Заплутавший герой оказывается перед монастырем, но и это обстоятельство не спасает его: *«Теряясь в таких мыслях, он сбился с дороги и (был ли то случай) неприметно подъехал к тому самому монастырю, где в первый раз, прикрытый нищенским рубищем, пламенный обожатель собственной страсти, он предложил свои услуги Борису Петровичу...»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 70].

Необходимым условием, свидетельствующим о принадлежности Ольги к сонму земных ангелов, как ее называет Вадим [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 43], является мотив слез: *«это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, блеснула, как алмаз, и упала»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 77], *«конечно, новая надежда вытеснила из ее сердца эти слезы...»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 77], *«она также плакала, – но одна, – одна – как плачет изгнанный херувим, взирая на блаженство своих братьев сквозь решетку райской двери»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 135].

Слезы – маркеры не только положительного, ангельского, но и отрицательного, демонического начала в человеке. В момент страшной опасности изверг и насильник Борис Петрович Палицын начинает проливать слезы, ожидая, что *«целый хор ангелов спустится к нему на луче месяца и унесет его на серебряных крыльях за тридевять земель»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 88].

Слезы – показатели авторского отношения к героям. Явно сочувствуя пленнице, находящейся в руках бунтовщиков, Лермонтов пишет: *«Она отрывисто качнула головой – и заплакала... Боже! Какие слезы!..»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 152].

Попытка превращения Палицына-демона в ангела сменяется трансформацией условного ангела, любящего отца пленницы, в демона: *«Теперь пойдёмте, – сказал старик; его глаза заблестали мрачным пламенем... он махнул рукою... ему надели на шею петлю, перекинули конец веревки через толстый сук и... раздался громкий хохот...»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 153].

С помощью мотива слез Лермонтов демонстрирует также противоречивую сущность внутреннего мира Вадима. Этот демонический герой способен плакать: *«на его ресницах блеснула слеза: может быть, первая слеза – и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд!»* [Лермонтов, 1962, т. IV, с. 15].

Таким образом, к инвариантному комплексу ангело-демонических приемов относятся мотивы света и тьмы, вечера – ночи и утра – дня, воды и слезы – огня и смеха, дороги и бездорожья, кругообразного и линейного движения, молодости и старости. Именно они позволяют объективно охарактеризовать образы главного героя, его сестры Ольги, священников, нищих людей и бунтовщиков в незавершенном романе «Вадим», указать на литературные связи, которые существуют между ним и поэмой «Демон», на то, какое влияние оказали эти произведения друг на друга.

Литература

- Глухов А.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. Уфа, 2000. Ч. 1.
 Гребнева М.П. Поэтика демонической темы в русской литературе 10-30-х гг. XIX века (Жуковский – Пушкин – Лермонтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
 Гребнева М.П. Рефлексы демонической темы в драматургии М.Ю. Лермонтова. Проблемы межтекстовых связей. Барнаул, 1997.
 Касаткина В.Н. Романтическая муза Пушкина. М., 2001.
 Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. М.-Л., 1962.
 Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
 Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М., 2001.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «РЫЦАРЬ» В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ Л.Ф. БАУМА «THE WONDERFUL WIZARD OF OZ» И ЕЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АНАЛОГАХ

Ю.В. Кузина

Ключевые слова: лингвокультурный типаж «рыцарь», персонаж художественного произведения, репрезентация, дефиниционный анализ.

Keywords: linguocultural type, the Knight, literary character, representation, definitional analysis.

Наше исследование, результаты которого представлены в данной статье, тесно связано с теорией лингвокультурных типажей, разработанной В.И. Карасиком. Центральным понятием данной теории является лингвокультурный типаж – узнаваемый представитель социума, поведение которого является диагностирующим для общества [Карасик, 2007, с. 328]. В исследовательском плане лингвокультурный типаж представляет собой разновидность концепта и включает понятийные, образные и ценностные характеристики.

Согласно О.А. Дмитриевой, лингвокультурный типаж имеет следующую структуру:

- 1) характеристика социально-исторических условий, в рамках которых выделяется определенный типаж;
- 2) перцептивно-образное представление о типаже, включающее его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, среду обитания, речевые особенности, манеры поведения, виды деятельности и досуга;
- 3) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях, толкованиях;
- 4) ценностные признаки – оценочные высказывания, характеризующие как приоритеты данного типажя, так и его оценку со стороны его современников и носителей сегодняшней лингвокультуры.

Основными критериями для выделения лингвокультурных типажей являются следующие признаки: социальный класс, территориальный признак, событийный признак, этнокультурная уникальность и трансформируемость [Дмитриева, 2007, с. 14].

Являясь одним из способов моделирования лингвокультуры, данная методика находит широкое применение в современной лингвистике. Так, в последнее время был описан целый ряд лингвокультурных

типажей, например, «звезда Голливуда» (Селиверстова, 2007), «американский адвокат» (Гуляева, 2009), «британский премьер-министр» (Васильева, 2010), «английский пират» (Асадуллаева, 2011), «американский первопроходец» (Валяйбоб, 2012), «английский викарий» (Бровикова, 2013).

Необходимо отметить, лингвокультурный типаж может иметь как фактическую, так и фикциональную основу. В первом случае обобщаются характеристики реальных индивидуумов, поведение которых концентрированно выражает предпочтения всего социума либо его значимой части, во втором случае в качестве типажа выбирается известный персонаж художественного произведения. И наоборот – в персонаже художественного произведения может быть заключен тот или иной лингвокультурный типаж [Карасик, 2007, с. 329]. Наше исследование посвящено выявлению лингвокультурных типажей, заключенных в сказочной повести «The Wonderful Wizard of Oz» Л.Ф. Баума и описанию их трансформаций в русскоязычных аналогах данного произведения, для чего нами, с опорой на методику В.И. Карасика, была разработана собственная методика.

Данная статья посвящена одному из персонажей сказочной повести Л.Ф. Баума – Трусливому Льву, выступающему воплощением лингвокультурного типажа «рыцарь».

Рыцарству как военно-аристократическому сословию были свойственны особый стиль жизни и сложная система ценностей, которые в дальнейшем послужили основанием для выделения и описания лингвокультурного типажа «рыцарь». Так, Е.Ю. Скачко были предложены следующие параметры описания поведенческих и образных характеристик рыцаря: происхождение рыцаря, внешний вид рыцаря, воспитание рыцарей, посвящение в рыцари, рыцарские идеалы и ценности [Скачко, 2005, с. 93].

На структурно-семантическом уровне характеристиками данного лингвокультурного типажа выступают необычайная физическая сила, храбрость, стремление к воинской славе, благородное происхождение и доминантный тип поведения.

Персонажем сказочной повести Л.Ф. Баума, воплощающим в себе лингвокультурный типаж «рыцарь», с нашей точки зрения, можно считать Трусливого Льва (The Cowardly Lion).

Следуя методике, примененной в ходе нашего исследования, мы обратились к толковым и этимологическим англоязычным и русскоязычным словарям, чтобы проанализировать лексемы, оформляющие образ данного персонажа в оригинале произведения и его русскоязычных аналогах, а затем сопоставили полученные результаты.

Так, рассмотрев лексему *lion*, мы обнаружили две группы ее определений. Первая из них обозначает человека, напоминающего льва незаурядной силой и храбростью:

- a person of great courage or strength [CAED, URL];
- a person felt to resemble a lion (as in courage or ferocity) [MWD, URL];
- a man of great strength, courage, etc. [RHD, URL].

Вторая группа определений обозначает человека могущественного и влиятельного, знаменитого:

- a prominent person who is in demand socially; celebrity [CAED, URL];
- someone who is very important, powerful, or famous [LDAE, URL];
- a person of outstanding interest or importance [MWD, URL];
- a person of great importance, influence, charm, etc., who is much admired as a celebrity [RHD, URL].

Исходя из приведенных дефиниций, мы можем утверждать, что Трусливый Лев обладает такими ключевыми характеристиками лингвокультурного типажа «рыцарь», как сила, храбрость, известность (или рыцарская слава) и принадлежность к благородному правящему сословию.

Обратившись к русскоязычным аналогам сказочной повести, мы рассмотрели лексему *лев*, которая так же, как и соответствующая англоязычная, обозначает человека, обладающего физической мощью и смелостью:

- (перен.) о ком-либо отличающемся, поражающем силой, храбростью [БАС, URL];
- о ком-л., отличающемся большой силой, храбростью, смелостью [БТСРЯК, URL].

Рассмотрим вторую группу дефиниций данной лексики:

- (перен., устар.) о человеке, пользующемся особым успехом в светском обществе, законодателе мод и правил светского поведения; о модном щеголе [БАС, URL];
- (устар. и ирон.) о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин [МАС, URL];
- о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин [БТСРЯК, URL].

С нашей точки зрения, приведенная выше группа дефиниций лексемы *lev* пересекается с соответствующей группой дефиниций лексемы *lion*, обозначающих человека влиятельного, популярного в обществе, знаменитого, то есть в русскоязычных вариантах повести персонажу тоже свойственно стремление к славе – одной из рыцарских ценностей.

Подобным образом совпадают значения таких ключевых для описания персонажа лексем, как, например, *courage / храбрость, смелость, shame / стыд, позор, enemy / враг, противник*.

Теперь обратимся к англоязычной лексеме *great*, фигурирующей в оригинале произведения:

<...> *the next moment a great Lion bounded into the road...* [Baum, URL].

Первая группа дефиниций этой лексемы связана с большими размерами, и, следовательно, большой физической силой:

great

- relatively large in size or extent; big [CAED, URL];
- very large in size [LDAE, URL];
- notably large in size [MWD, URL];
- unusually or comparatively large in size or dimensions [RHD, URL].

Вторая группа дефиниций лексемы *great* несет в себе значение известности, популярности:

- eminent; distinguished; illustrious; superior [CAED, URL];
- famous and admired by a lot of people [LDAE, URL];
- eminent, distinguished [MWD, URL];
- distinguished; famous [RHD, URL].

Данная лексема также имеет значение могущества и превосходства, о чем свидетельствует вторая группа ее толкований:

- of most importance; main; chief [CAED, URL];
- very important, successful, or famous [LDAE, URL];
- aristocratic, grand [MWD, URL];
- of high rank, official position, or social standing [RHD, URL].

Кроме того, лексема *great*, как отмечено в толковых словарях американского английского языка, часто становится частью титула, указывая на благородное происхождение или могущество его обладателя:

- the Great used in the name or title of someone or something to show their importance (Alexander the Great) [LDAE, URL].

Так, Л.Ф. Баум титулет Трусливого Льва «великим Львом»:

<...> *but no one came near them nor spoke to them because of the great Lion, of which they were very much afraid...* [Baum, URL].

Таким образом, лексема *great* тоже свидетельствует о наличии у Трусливого Льва таких характеристик, присущих рыцарю, как физическая сила, известность и благородное происхождение.

В русскоязычных аналогах повести в соответствующем контексте выступает лексема *огромный*:

<...> *He успел он договорить, как из лесу раздался страшный рев и на дорогу выскочил огромный лев...* [Баум, URL].

<...> *Эта мирная беседа была прервана громовым рычанием. На дорогу выскочил огромный лев...* [Волков, URL].

огромный

- очень большой по величине, размеру, объему [БАС, URL];
- очень большой по своим размерам, величине; громадный [МАС, URL];
- очень большой по своим размерам, величине, объему [БТСРЯК, URL].

Как видно из приведенных дефиниций, англоязычная лексема *great* имеет три лексико-семантических варианта: характеристики большого размера (*large size*), известности знаменитости (*famous, admired*), и знатного происхождения, высокого положения в обществе (*aristocratic, of high social standing*). В то же время соответствующая русская лексема *огромный* представлена только лексико-семантическим вариантом, несущим значение величины, большого размера, а также данная лексема не может выступать составляющей титула.

Одной из центральных характеристик лингвокультурного типажа «рыцарь» является мотив граальности – поисков Святого Грааля, входящий к западно-германскому эпосу. В связи с этим необходимо рассмотреть такие описывающие Трусливого Льва лексемы, как *journey, travel* и *dish*.

Персонаж отправляется в Изумрудный город, чтобы обрести желанную храбрость, словно странствующий рыцарь, центральная фигура многих легендарных сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

«*The trees seem to have made up their minds to fight us, and stop our journey*», remarked the Lion [Baum, URL].

journey

- a trip from one place to another, especially over a long distance [LDAE, URL];

- an act or instance of traveling from one place to another [MWD, URL];
- a traveling from one place to another, usually taking a rather long time [RHD, URL].

В качестве одного из синонимов лексемы *journey* в словарях американского приведена лексема *pilgrimage*, которая несет в себе ярко выраженное значение паломничества.

pilgrimage

- a trip to a holy place for a religious reason [LDAE, URL];
- a journey of a pilgrim; *esp.* one to a shrine or a sacred place [MWD, URL]
- a journey, especially a long one, made to some sacred place as an act of religious devotion [RHD, URL].

Обе указанные лексемы тесно перекликаются с лексемой *travel*, которая встречается в тексте повести столь же часто, как и лексема *journey*.

Автор использует данную лексему, описывая путь персонажей в Изумрудный город, и называет их путешественниками – *travelers*:

*In the morning they **traveled** on until they came to a thick wood*

*The four **travelers** passed a sleepless night, each thinking of the gift Oz had promised to bestow on him* [Baum, URL].

travel

- to go, move, or journey from one place to another [CAED, URL];
- to make a trip from one place to another, especially to distant places [LDAE, URL];
- 1) to go on or as if on a trip or tour; 2) to journey through or over [MWD, URL];
- 1) to travel, journey, or pass through or over, as a country or road [RHD, URL].

traveler

- someone who is on a trip or who travels often [LDAE, URL];
- one that goes on a trip or journey [MWD, URL];
- a person who travels or has traveled in distant places or foreign lands [RHD, URL].

Согласно этимологическим данным, лексема *travel* изначально несла в себе значение тяжелого труда и страданий, которое затем трансформировалось в значение «трудного, тяжелого пути»:

- ME (north and Scots), orig. the same word as *travail* (by shift «to toil, labor» > «to make a laborious journey») [RHD, URL].

Таким трудным путем становилось и религиозное паломничество. Поскольку изначально святой Грааль выступал символом религиозного спасения, странствия рыцаря в поисках него тоже являются паломничеством.

Пройдя все испытания, Трусливый Лев получает желаемое – Волшебник предлагает персонажу блюдо с некой жидкостью, выпив которую, он обретет храбрость:

He (the Wizard) went to a cupboard and reaching up to a high shelf took down a square green bottle, the contents of which he poured into a green-gold dish, beautifully carved [Baum, URL].

Храбрость является для Трусливого Льва своеобразным Граалем, высшей целью рыцарских исканий.

Основным значением лексемы *dish* является «тарелка, блюдо»:

- any container, generally shallow and concave and of porcelain, earthenware, glass, plastic, etc. for serving or holding food [CAED, URL];
- around container with low sides, used for holding food [LDAE, URL];
- a shallow container that you cook or serve food in; *specifically* : a shallow bowl [MWD, URL];
- an open, relatively shallow container of pottery, glass, metal, wood, etc., used for various purposes, especially for holding or serving food [RHD, URL].

Существует четкая связь между лексемами *dish* и *bowl*: данные лексемы синонимичны, а также этимологически связаны:

dish

- *Origin*: before 900; Middle English; Old English disc dish, plate, **bowl** (akin to German Tisch table) < Latin discus dish, discus [RHD, URL].

bowl

- (archaic) a large drinking vessel [CAED, URL];
- a drinking vessel (as for wine) [MWD, URL];
- a large **drinking cup** [RHD, URL].

Как видно из приведенных дефиниций, одно из значений лексемы *bowl* – «большой сосуд для питья или кубок, чем, по сути, и являлся священный Грааль»:

Holy Grail

- a **cup** or chalice that in medieval legend was associated with unusual powers, especially the regeneration of life and, later, Christian purity, and was much sought after by medieval knights [RHD, URL].

Данная деталь, с нашей точки зрения, несет символическую нагрузку: Трусливый Лев, будучи настоящим Рыцарем, находит свой Грааль и выпивает чашу храбрости.

Теперь необходимо вновь обратиться к русскоязычным аналогам сказочной повести Л.Ф. Баума и рассмотреть соответствующие русскоязычные лексемы.

У С. Белова и А.М. Волкова в соответствующих контекстах встречаются лексемы *путешествие* и *путешественник* или *путник*:

Судя по всему, их путешествие близилось к концу.

Примерно через час и вовсе стемнело, но путешественники по-прежнему ковыляли по дороге [Баум, URL].

Путешественники двинулись дальше по дороге, и Лев пошел величавым шагом рядом с Элли.

Путники стояли печальные: им казалось, что путешествие к Гудвину окончилось и придется идти назад [Волков, URL].

путешествие

- поездка или передвижение пешком, обычно далеко от своего постоянного местопребывания [БАС, URL];
- поездка или передвижение пешком куда-л. далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями [МАС, URL].

путешественник

- человек, совершающий путешествие, едущий куда-либо [БАС, URL];
- тот, кто путешествует [МАС, URL].

путник

- человек, находящийся в пути, путешественник [БАС, URL];
- путешественник, странник, идущий или едущий куда-л.; прохожий, проезжий [МАС, URL].

Приведенные дефиниции указывают, что соответствующие русскоязычные лексемы не имеют оттенка значения паломничества, путешествия как религиозного служения или поиска. То же самое можно сказать и о лексеме *путешествовать*, соответствующей англоязычной лексеме *travel*:

путешествовать

- совершать путешествие [БАС, URL].

Англоязычной лексеме *dish* соответствует русскоязычная лексема *блюдо*:

Оз <...> достал с верхней полки зеленую квадратную бутылку, содержимое которой вылил в красивое резное золотисто-зеленое блюдо [Баум, URL].

Он достал из шкафа бутылку и вылил содержимое в золотое блюдо [Волков, URL].

блюдо

- неглубокий круглый или продолговатый сосуд для подаваемого к столу кушанья (жареного, печеного, плодов и т.п.) [БАС, URL];
- столовая посуда в виде большой тарелки, круглой или овальной формы, для подачи к столу кушанья [МАС, URL];
- большая плоская тарелка (круглая или продолговатая) для подачи кушанья к столу [БТСРЯК, URL];

Согласно этимологическим данным, данная лексема пришла в современный русский язык из древнерусского, где была родственна слову «миса» – миска [Семенов, URL]. Таким образом, связи со Святым Граалем при анализе данной лексемы не прослеживается. В русскоязычных вариантах повести мотив граальности, свойственный англосаксонской культуре, утрачивается.

Таким образом, произведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: в оригинале сказочной повести Трусливый Лев репрезентует собой лингвокультурный типаж «рыцарь», который в русскоязычных аналогах сказочной повести размывается, не получает целостного оформления в силу утраты ряда изначальных характеристик, вызванной несопадением объема лексического значения ключевых лексем.

Литература

Баум Л.Ф. Удивительный Волшебник страны Оз. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BAUM/oz.txt>

Большой академический словарь современного русского литературного языка 1950–1957. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/files/languages/rus/dictionaries/explanatory/bas>
Волков А.М. Волшебник Изумрудного города. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/baum-lf/oz/1-oz.html>

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.

Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/>

МАС – Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/academic/>

Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/semenov>

Скачко Е.Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005.

Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz/

CAED – Collins American English Dictionary online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american>

LDAE – Longman Dictionary of American English online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesusa.com>

MWD – Merriam Webster's Dictionary online. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>

RHD – Random House Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com>

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЭКРАННОГО ТЕКСТА В ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «ШЕРЛОК»

С.С. Корчагин

Ключевые слова: поликодовый текст, перевод, локализация, экранный текст.

Keywords: multimode text, translation, localization, on-screen text.

Современные англоязычные телевизионные сериалы представляют собой новый социокультурный феномен, не поддающийся описанию в рамках одной дисциплины. Исследование их специфики открывает недостаточно разработанную область прикладных исследований как для специалистов по переводу, так и для исследователей самых разных областей знания – психологов, лингвистов, культурологов. С лингвистической точки зрения, анализ иконических конструкций телесериалов (к их числу относятся экранный текст, фотографии, схемы, диаграммы) может выявить специфические черты универсальных текстовых категорий. В числе последних И.Р. Гальперин выделяет: 1) информативность; 2) членимость; 3) когезию (категория элементов текста, характеризующая их связь с другими элементами текста); 4) континуум (категория, связанная с понятиями времени и пространства, определенная последовательность фактов, событий); 5) ретроспекцию; 6) проспекцию; 7) модальность [Гальперин, 1981, с. 10]. Однако перечисленные выше текстовые категории можно справедливо отнести к традиционным текстам. С точки зрения современного состояния гуманитарного знания, телесериалы отличаются от традиционных текстов своей полисемиотической сущностью. Именно

специфическая сложность резонирующих смысловых связей различных семиотических систем позволяет отнести телесериалы к категории поликодовых текстов.

Ряд ученых выдвигают следующие определения поликодового текста. Г.В. Ейгер и Л. Юхт считают, что к поликодовым текстам в семиотическом смысле относятся случаи совокупности естественного языкового кода с кодом другой семиотической системы (изображение; музыка) [Ейгер, 1974, с. 80]. А.Г. Сонин называет поликодовыми тексты, которые основаны на соединении в целом графическом пространстве семиотически гетерогенных компонентов вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы [Сонин, 2005, с. 45].

Поликодовый текст не является итогом механистического соединения семиотических знаков. В результате взаимодействия вербального, иконического, аудиального и пр. компонентов образуется комплексная структура, обладающая более сложной семантикой. Ученые утверждают, что актуальное взаимопроникновение знаковых систем оптимизирует процесс восприятия глубинных смыслов [Сонин, 2005, с. 45]. На основе указанных заключений можно сделать вывод о том, что семиотически осложненный текст может справляться с коммуникативными задачами эффективнее, чем однородный текст, облегчая процесс понимания и усвоения информации реципиентом.

Далее рассмотрим специфические черты телесериала как поликодового текста. Это разновидность телевизионных передач, состоящая из отдельных, последовательных эпизодов. Наиболее известным форматом сериалов являются мыльные оперы, начавшие свое существование в 1930-х годах на американском радио [Михайлова, 1976, с. 386].

Прагматической целью любого телесериала является привлечение и удержание зрительского интереса в течение длительного периода. Во многих последовательных сериалах используется классический элемент мыльных опер – рекап (повтор уже показанного материала) в начале и клиффхэнгер (прием в создании сюжетной линии, в ходе которой герой сталкивается с дилеммой, но в этот момент повествование заканчивается, таким образом, оставляя развязку открытой до появления продолжения) в финале эпизода. Считается, что такая формула наиболее востребована зрителем и позволяет без каких-либо неудобств следить за сюжетом неделю за неделей [Михайлова, 1976, с. 386].

Телесериал значительно усложнен по отношению к традиционному тексту, который зафиксирован знаками только естественного языка, так как комбинирует в себе вербальную, иконическую и аудиальную составляющие, то есть компоненты разных знаковых си-

стем. Усложнение структуры текста и введение в него иконического и звукового ряда обосновывается усложнением характера информации, которую намерен передать режиссер телесериала. Отношения текст–изображение–аудио довольно информативны, они предоставляют возможность для анализа в двойном и даже тройном контексте. Переход от вербального кода к иконическому и аудиальному и назад выражают значимость различных составляющих ситуации коммуникации. Комбинация текста, видеоряда и аудио дает возможность оценить, насколько те или иные явления языка связаны с внеязыковыми.

В телевизионном сериале «Шерлок» графические изображения наряду с экранным текстом стали неотъемлемым атрибутом сценарного текста. В то же время, как показали результаты проведенной нами работы, графическое изображение не является вполне самостоятельным сообщением, так как оно тесно взаимосвязано с экранным текстом, дающим исчерпывающее представление о ней.

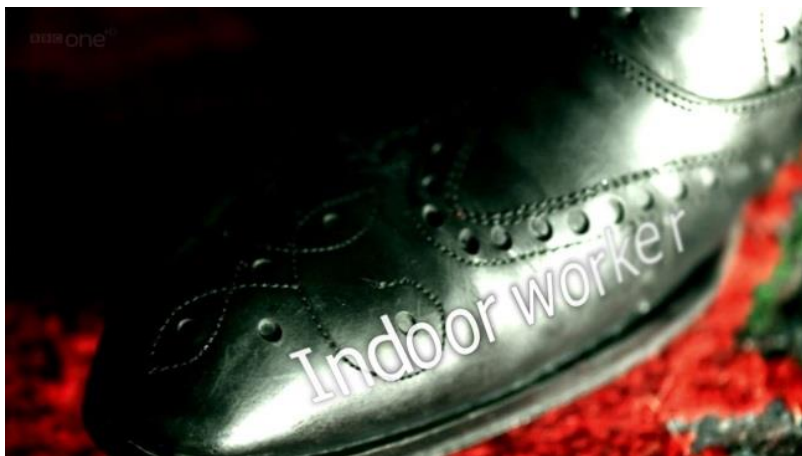
Вслед за Р. Бартом мы можем утверждать, что экранное изображение и экранный текст представляют собой сложное функциональное единство. Толкование денотативного изображения после того, как к нему добавлен текст, не может быть многозначным. Оно становится более ясным и четким. Таким образом, внедряя определенный денотативный смысл, экранный текст выполняет и функцию закрепления [Сабунин, 2009, с. 64].

Фотография несет в себе много информации, которая может быть воспринята и истолкована самыми разными способами. Она даже может выступать как вполне самостоятельный текст, но именно правильное сочетание вербального текста и изображения позволяет добиваться желаемого воздействия на реципиента путем создания определенных метафорических образов, тем самым самым сокращая количество возможных трактовок изображения, подводя реципиента (зрителя) к определенному, необходимому режиссеру восприятию поликодового текста. Локализация (процесс адаптации) и перевод экранного текста в той или иной мере может определить степень понимания развития сюжетной линии телесериала. Рассмотрим, каким образом данные трансформации могут оказать воздействие на реципиента [Сабунин, 2009, с. 64].

Проанализируем некоторые эпизоды телесериала «Шерлок». В одной из сцен Шерлок Холмс оказывается в Букингемском дворце. Главный герой сталкивается с одним из сотрудников министерства и ассистентом высокопоставленного лица. При встрече с ними Шерлок Холмс использует дедуктивный метод, на основании которого может построить полную картину о человеке (характер, образ жизни, привыч-

ки). Рассматривая обувь сотрудника министерства, Шерлок Холмс делает вывод, что этот человек большую часть времени проводит в помещении, о чем свидетельствуют характерные изгибы и изношенность обуви. Во время описываемого анализа реципиент наблюдает экранный текст (рис. 1). В оригинальной версии телесериала экранный текст плавно изгибается вдоль туфли работника из министерства. Шрифтовые гарнитуры и цвет экранного текста позволяют реципиенту отчетливо рассмотреть обувь. В экранизации русскоязычной версии (рис. 2) эффект облегания экранного текста был удален, шрифтовые гарнитуры и цвет экранного текста были трансформированы таким образом, что у реципиента могут возникнуть препятствия при рассмотрении обуви. В оригинале эффект облегания экранного текста подчеркивает целостность иконической структуры с обувью. Текст не расположен изолированно, он является частью обуви. Именно то место, на котором расположен экранный текст, характеризует владельца обуви. Под экранным текстом находятся изгибы и шероховатости, именно экранные надписи указывают реципиенту на эти черты.

Проанализируем качество перевода экранного текста в данном эпизоде. Мы предполагаем, что переводчики допустили ошибку, переведя «Indoor worker» как «Надомный работник». Зафиксированное значение в словаре «Abbyu lingvo» словосочетания «Indoor worker» дает нам основание считать, что данное сочетание слов может быть переведено как «Работает в помещении».

Рис. 1. Фрагмент эпизода оригинальной версии сериала.

Рис. 2. Фрагмент эпизода русскоязычной версии сериала.

Проанализируем сцену применения Шерлоком Холмсом метода дедукции на ассистенте высокопоставленного лица. В русскоязычной версии (рис. 3.) шрифтовые гарнитуры экранного текста, которые присутствуют в оригинале (рис. 4.) были трансформированы. Анимация и расположение экранного текста в отечественной версии не соответствует оригинальной. Локализаторы русскоязычной версии не учли латентность (в информатике – временная задержка) экранного текста в рассматриваемом эпизоде, поэтому экранные надписи расположены в абсолютно разных кадрах. При сравнении нескольких одинаковых кадров оригинальной версии и отечественной экранизации, можно сделать вывод, что в одном и том же кадре присутствует разный экранный текст. Стоит отметить важность расположения иконических структур в данном эпизоде. В оригинальной версии с помощью экранного текста реципиент может отслеживать ход мышления, выводы Шерлока Холмса и то, как он анализирует персонажа в рассматриваемой сцене. В русскоязычной версии у реципиента данная возможность отсутствует.

Рис. 3. Фрагмент эпизода русскоязычной версии сериала.

Рис. 4. Фрагмент эпизода оригинальной версии сериала.

Полученные результаты нашего исследования, дают нам основание сделать вывод, что в рассматриваемом телесериале присутствует некоторое количество несоответствий при локализации и переводе экранного текста в русскоязычной версии. Можно предположить, что ограниченный временной ресурс и определенные технические сложности в имитации графики экранных текстов не позволили воспроизвести в переводе всю совокупность оригинальных смыслов некоторых

экранных текстов. В значительном количестве случаев переводческие решения и трансформации оригинальной локализации экранного текста не являются оптимальными, что не способствует элиминированию культурологических лакун и неизбежно приводит к потере экспрессии, колорита сериала, искажению понимания хода сюжетной линии.

Литература

- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Ейгер Г.В. К построению типологии текстов. М., 1974.
Михайлова Г.В. Многосерийный телефильм: истоки, практика, перспективы. М., 1976.
Сабунин А.Е. Знаковый подход к изучению фотографии. М., 2009.
Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления. М., 2005.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА Н.С. ЛЕСКОВА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА»)

А.П. Кашкарева

Ключевые слова: Н.С. Лесков, русская проза, литература в школе.
Keywords: N.S. Leskov, Russian prose, literature in school.

Н.С. Лесков – прозаик и публицист второй половины XIX века. Среди его литературных заслуг традиционно выделяют создание галереи праведников, а также считают Лескова непревзойденным мастером сказа. Известно и то, что Лесков всегда занимал и продолжает занимать совершенно особое место в русской литературе. В некрологе, опубликованном 28 февраля 1895 года, русский философ, поэт и литературный критик Вл.С. Соловьев предсказал судьбу творческого наследия писателя: «Сочинения Лескова, вероятно, вызовут серьезную и обстоятельную критику, и, вопреки его завещанию, умершего писателя будут много порицать; но все сойдется, конечно, в признании за ним яркого и в высшей степени своеобразного таланта, которого он не зарывал в землю, а также – живого стремления к правде» [Соловьев, 1991, с. 606]. В самых первых попытках обращения исследователей к творчеству Н.С. Лескова обозначился тезис, что в обрисовке персонажей Лесков выбирает только ему свойственный путь. Так, А.И. Введенский важной заслугой Лескова считал силу «изображения душевных типов» и оригинальную обрисовку персонажей, которых «нигде больше не встретишь в таком своеобразном освещении» [Введенский, 1890, с. 393]. Похожие мысли находим у А. Измайлова («<...> искание положительного типа после Гоголя, может быть, всего ярче отличает Лескова» [Измайлов, 2011, с. 392]), у Г. Гунна («Персонажи эти (персонажи Лескова. – А.К.) сами по себе исключительны, единичны <...>» [Гунн, 1990, с. 16]) и др. Буквально лейтмотивом всех работ, посвященных выявлению черт героев Лескова, проходит идея, что образы, созданные автором, останутся «большой вехой на одном из главных путей художника: постичь и раскрыть национальные особенности характера русского народа» [Чуднова,

1975, с. 106] (М. Горький, Л.Г. Чуднова, А.А. Горелов, В.Ю. Троицкий и др.). Да и сам Н.С. Лесков, объясняя замысел своих произведений, признавался в желании погрузиться в глубины русского национального характера.

Знакомство с произведениями писателя дает широкие возможности для развития духовного потенциала подрастающего поколения, обогащает внутренний мир школьников и студентов, формирует самосознание личности, раскрывает особенности национального характера и национальной истории, а значит, вносит неоценимый вклад в подготовку подростков и юношества к самостоятельной взрослой жизни.

Сознавая это, сложно представить программу общего (полного) среднего образования по литературе без произведений Николая Лескова, Ивана Крылова, Василия Жуковского и проч. Но предполагается, что с 2020 года российские школьники не будут изучать многие произведения русских классиков, ставшие эталонными (например, «Медного всадника» А.С. Пушкина, «Даму с собачкой» А.П. Чехова). А это, вероятно, вновь может привести к тому, что системе гуманитарного образования уже пришлось пережить однажды – до 1960-х годов Лескова не изучали в школе, он не был включен в вузовские курсы истории литературы.

В год 185-летнего юбилея Н.С. Лескова задача современных исследователей, учителей-практиков состоит в том, чтобы не допустить подобного положения вещей и способствовать привлечению школьников и студентов к творчеству автора, пониманию лесковской картины мира.

Традиционным в школьной и вузовской программе по литературе является обращение к повести «Леди Макбет Мценского уезда» (1865). Очерк (жанровое определение Н.С. Лескова. – А.К.) «Леди Макбет...», как пишет Н. Лесков, «составляет 1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частью волжской) местности» [Лесков, 1956, с. 253]. Для того чтобы приблизиться к пониманию необходимости создания подобного образа в русской литературе Н. Лесковым, важно познакомиться со статьей автора «Русские женщины и эмансипация», которая предшествовала появлению очерка. Женские проблемы в XIX веке были неотъемлемой компонентой культурной панорамы общественной жизни России. «Женский вопрос» – явление, связанное с полемикой по вопросам места и роли женщин в обществе – стал одним из широко обсуждаемых вопросов XIX столетия. Н.С. Лесков откликнулся на события эпохи и вступил в полемику по «женскому вопросу».

Предполагается проведение двух занятий среди учащихся 10-х классов и со студентами, изучающими курс русской литературы XIX столетия. Система из двух занятий обусловлена тем, что многие вопросы при анализе художественного текста Лескова будут сняты с помощью рассмотрения указанной статьи автора.

Занятия по повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» разработаны на основе технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Задания, предлагаемые ученикам / студентам для выполнения, направлены на то, чтобы заинтересовать их, пробудить интерес к исследовательской, творческой деятельности. Преподавателю важно

предоставить возможность ученикам / студентам продемонстрировать уже имеющиеся знания, но и, кроме того, создать условия для изучения нового материала.

Данные занятия, согласно технологии РКЧМП, имеют следующую структуру: вызов – осмысление – рефлексия.

Первая стадия (вызов) позволяет вызвать интерес к теме, мотивировать учеников / студентов к учебной деятельности, а также актуализировать уже имеющиеся знания по данной проблеме. Вторая стадия (осмысление) позволяет ученику / студенту получить новые знания, осмыслить их и соотнести с уже имеющимися. На третьей стадии (рефлексия) все усилия преподавателя и учеников / студентов направлены на целостное осмысление рассматриваемой проблемы, на формирование у каждого из учащихся собственного отношения к изучаемому материалу.

На каждой из стадий учебного занятия используются свои методические приемы, но наиболее успешными являются следующие:

1) прием «Составление кластера». Уместно составить кластер на стадии осмысления материала. Этот прием позволит систематизировать сравнительно новую для учеников / студентов информацию (эмансипация как социокультурное явление) и представить собственную позицию в отношении обозначенной проблемы.

2) Прием «Денотатный граф». Один из приемов технологии критического мышления. Он является одним из способов вычленения из текста существенных признаков ключевого понятия.

3) Прием «Чтение с остановками» используется, чтобы привлечь внимание учеников/студентов к теме занятия, проблеме, побудить их к осмысленному чтению.

В качестве варианта для практической работы по творчеству Н.С. Лескова предлагаем оригинальную методическую разработку по указанной повести автора.

«...Стали звать ее леди Макбет Мценского уезда» (X класс)

Ход первого занятия:

Мотивационный блок подготовки учащихся/студентов к обучению

Работа с ключевыми словами (сочетаниями слов): русская женщина, эмансипация, 1860-е годы в истории России, Николай Семенович Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда».

Формулировка темы урока, цели и задач.

Стадия вызова

Обсуждение с аудиторией следующих проблем:

- эпоха XIX столетия: характерные черты и тенденции;
- смысловое поле понятия «русский национальный характер»: типичное и индивидуальное;
- специфика женских характеров (ключевые особенности понимания женской природы).

На данном этапе преподаватель, задавая вопросы, помогает ученикам / студентам актуализировать уже ранее пройденный материал (эпоха XIX столетия), кроме того, подготавливает аудиторию к осмысленной работе с текстом (необходимость обращения к культурным традициям).

Выявление первичного восприятия художественного текста

- О чем рассказывается в повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»?
- Какой предстает в повести главная героиня (портрет, особенности характера)?
- Где происходит действие?
- В какое время разворачиваются события повести?
- Какова проблематика художественного текста?

Ключевая идея диалога: Лесков подходит к изображению женского характера в очерке со стороны человека своего времени, создавая тем самым портрет женщины из купеческой среды XIX столетия.

Информационный блок

Слово учителя

Одним из самых читаемых, любимых произведений Лескова всегда было его раннее произведение «Леди Макбет Мценского уезда». Характер героини привлекал не одно поколение режиссеров и композиторов, вдохновляя собой, заставляя размышлять об особенностях устройства общества. Достаточно сложно назвать характер Катерины Измайловой типичным для того времени, но то, что он явился неожиданным для читателя и подчас непонятным – явление бесспорное.

Учащиеся работают с фрагментами статьи Н.С. Лескова «Русские женщины и эмансипация» (1861) в любом удобном для них формате (кластер, денотатный граф и проч.).

Технология составления кластера по обозначенной теме: ученики / студенты записывают в центре листа ключевое понятие (в нашем случае – Н.С. Лесков «Русские женщины и эмансипация», поскольку необходимо вывести ключевые идеи, содержащиеся именно в этой статье автора), а от него рисуют стрелки-лучи в разные стороны, которые соединяют это понятие с другими, от которых в свою очередь лучи расходятся далее и далее (см. приложение).

Технология работы с денотатным графом: ученик / студент выделяет ключевое понятие (существительное), а ниже он подбирает глаголы, описывающие наиболее важные процессы, происходящие с данным понятием (существительным). Поскольку на данном этапе важно осмысление ключевых идей статьи Н.С. Лескова «Русские женщины и эмансипация», то в качестве пояснений к глаголам вводятся цитаты из нее (см. приложение).

Аналитический блок

Групповое обсуждение. Обмен впечатлениями о статье Н.С. Лескова «Русские женщины и эмансипация».

Вопросы для группового обсуждения:

1. Как вы думаете, почему Н.С. Лесков откликнулся на проблему эмансипации своей статьей?
2. Обратили ли вы внимание на название статьи? В чем его особенность?
3. Вступает ли Н.С. Лесков с кем-либо в полемику по «женскому вопросу»?
4. Какой позиции придерживался Лесков в отношении эмансипации?
5. Какова ключевая идея статьи?

Презентация работ. Фиксация в рабочих тетрадях основных положений статьи Н.С. Лескова.

Эмансипация в России, как считает Н. Лесков, – это явление ложное и сводится исключительно к пренебрежению семейными правами и обязанностями женщин. Лесков не снимает ответственности и с самих женщин, говоря о том, что «одного протеста, самого красноречивого, еще слишком мало для того, чтобы достичь своей цели. <...> Женщины же наши, сетуя на свое зависимое положение, порываются к улучшению своего быта, к своей эмансипации под влиянием минутных впечатлений, без средств, без плана, без обдуманых приемов, да и то больше на словах, чем на деле. Они только все протестуют...» [Лесков, 1996, с. 340]. Лесков выступил сторонником «разумной эмансипации», говоря, что «<...> под словом эмансипация мы разумеем право и возможность учиться, право и возможность честно зарабатывать деньги и тем содержать семейство, если оно есть, или добыть собственно себе безбедную жизнь, обеспеченную от нужды старость без помощи других, право употреблять на пользу общую данные природой способности. Мы говорим не о забвении обязанностей, удалстве и возможности во имя принципа эмансипации бросать мужа и даже детей, а об эмансипации образования и труда на пользу семьи и общества» [Лесков, 1996, с. 331-332].

Подведение итогов.

Основная идея статьи Н.С. Лескова заключается в том, что он не отказывает женщине в труде, образовании, в собственном развитии («в просвещенной, трудящейся и мыслящей женщине легче любить и мать, и подругу. <...> Вне способности быть самостоятельной нет никакой эмансипации» [Лесков, 1996, с. 350]), но при этом подчеркивает, что главная ее роль – роль матери и супруги, которую нельзя предавать забвению.

Ход второго занятия:

Мотивационный блок подготовки учащихся к обучению

Просмотр трейлера фильма «Леди Макбет Мценского уезда» (1989, режиссер: Роман Балаян).

Филолого-педагогический учебный диалог:

1. В чем драматизм ситуации, лежащей в основе сюжета?
2. Каковы особенности образа Катерины Львовны (портрет, черты характера, особенности речи)?

3. Какие элементы текста позволяют судить о душевном состоянии героини (специфика хронотопа, система мотивов)?
4. Какую роль в его раскрытии играет пейзаж?
5. Какова роль композиционного решения очерка?
6. Каков центральный конфликт очерка «Леди Макбет...»?
7. Какова авторская позиция по отношению к образу главной героини?
8. Как выражена авторская позиция в тексте?
9. В чем смысл названия очерка?
10. Какие основные идеи, выраженные в статье «Русские женщины и эмансипация», находят отражение в тексте очерка «Леди Макбет...»?

Небольшой по объему художественный текст позволяет вести подробный учебный диалог. Основной прием – «медленное чтение» (в нашем случае – «перечитывание»).

Ключевые идеи учебного диалога:

- характеризую образ Катерины Измайловой, необходимо обращаться к тексту, комментируя фрагменты, способствующие раскрытию образа героини (1-2, 4, 6, 12-13, 15 главы). Работа с системой мотивов (мотив лени, скуки, злобы) – отношение героини к собственной свободе, особое толкование Катериной личной свободы, «падение женщины» из-за любви.

- Наиболее важным видится обращение к эпизоду убийства Катериной племянника Феди (глава 10) и эпизоду отречения героини от собственного ребенка (глава 12), поскольку женщина, подобно Богине-матери, фактически выступает как начало, участвующее в творении человека и мира. Главная задача женщины – созидание жизни, а Катерина несет разрушение. Материнское начало представлено в очерке как важнейший фактор, обеспечивающий целостность героини.

Только с образом младенца Н.С. Лесков связывает возможность продолжения жизни Катерины, но в связи с убийством племянника, отказом от ребенка, в ее судьбе наступает «обрыв», разлом. Младенец – признак божьего благословения, а отказ от ребенка противоречит природе женщины, ее истинному предназначению и расценивается как сумасшествие (в связи с отступлением от архетипа). Материнство несет в себе идею спасительной миссии женщины, представление о женской святости, о женском начале как воплощении морального идеала.

На данном этапе необходимо задать ученикам вопросы, которые акцентируют их внимание на том, что у Катерины нет обратного пути, ее судьба предрешена:

- Почему Катерина решается на убийство племянника?
- Что происходит дальше с ее жизнью?
- Каким образом отречается от своего собственного ребенка Катерина? Было ли для нее это тяжело?
- Могла ли судьба Катерины сложиться иначе? Что могло бы спасти ее?

При обсуждении обозначенной проблемы целесообразно комментирование следующих философских идей:

И.П. Золотусский: «Россия издавна считалась “Домом Пресвятой Богородицы”, “необоримым Богородицыным достоянием”» [Золотусский, 2006, с. 139].

Г.П. Федотов: «Божественное материнство – это самое сердце русской религиозности» [Федотов, 1991, с. 55].

Н.А. Бердяев: «Русская религиозность – женственная религиозность <...> Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы» [Бердяев, 1990, с. 10].

- Пейзаж в тексте художественного произведения (глава 6) позволяет понять душевное состояние героини (внутреннее смятение, «темноту» души): «На дворе после обеда стоял пеклый жар», «лунный свет, пробиваясь сквозь листья», «дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к темным желаниям». В этом контексте важны слова Катерины Львовны: «Посмотри, Сережа, рай-то, рай-то какой!» (традиционное восприятие райского сада и его интерпретация Лесковым). Особенности звукописи и цветописи.

- В названии текста необходимо обратить внимание не только на интертекстуальность (Лесков показал, что и в недрах русской провинции не редки личности шекспировского масштаба), но и на понятие «леди» внутри наименования (отражение западной тенденции обращения к женщине). В этом смысле важным видится обращение к тексту повести: «...Катерина Львовна Измайлова, разыгравшая некогда страшную драму, после которой наши дворяне, с чьего-то легкого слова, стали называть ее *леди Макбет Мценского уезда*» [Лесков, 1956, с. 96]; «<...> совершающая драму любви Катерина Львовна!» [Лесков, 1956, с. 139].

Рефлексивный блок

Обсуждение позиций. Выдвижение собственной гипотезы

Вопросы для обсуждения:

1. В чем особенность образа Катерины Измайловой?
2. Почему у Николая Лескова возникает необходимость создания данного женского образа именно в 1860-е годы XIX столетия?
3. Как статья Н. Лескова «Русские женщины и эмансипация» помогает при анализе текста повести «Леди Макбет Мценского уезда»?

В своем очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лесков указал на то, что Катерина Измайлова интуитивно чувствовала несовершенство привычного уклада жизни. Ведь все ее действия были сопряжены со скукой: «<...> скука непомерная <...> не раз наводила на молодую купчиху тоску», «скучную жизнью жилось Катерине Львовне» и т.д. Желание избавиться от скуки проявилось в Катерине стихийностью. О природе стихийности русской культуры и русской женщины пишет Н.Н. Жолнеркевич: «Женственно-стихийное, всепоглощающее начало русской культуры желает вместить в себя то чужое (западное, мужское) и сделать его своим <...>» [Жолнеркевич, 2004, с. 169], то есть стремительность, страстность, без-

удержность - это решающие факторы стихийности жизни русской женщины, которые подчас приводят к разрушению сложившихся мировоззренческих основ - истощению в женщине женского начала - что, собственно, и происходит с Катериной Измайловой.

Таким образом, то явление, которое в середине XIX столетия обозначилось среди просвещенной публики как «эмансипация», «женский вопрос», в среде купеческой - зарождалось интуитивно, стихийно. В статье «Русские женщины и эмансипация» Н.С. Лесков пишет о необходимости самим женщинам понять, в чем именно заключается женская эмансипация (в случае Катерины Измайловой – освобождение, уход от привычной, скучной жизни) и понять, что «всякая цель достигается только при известных средствах»; «Женщины же наши, сетуя на свое зависимое положение, порываются к улучшению своего быта, к своей эмансипации под влиянием минутных впечатлений, без средств, без плана, без обдуманых приемов <...>» [Лесков, 1996, с. 340].

Образ Катерины Львовны в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» - сигнал, оповещающий о необходимости пересмотра места и роли женщины в семье и обществе, о важности ее (женщины) развития посредством чтения (вспомним, что «читать Катерина Львовна была не охотница, да и книг к тому ж, окромя киевского патерика, в доме их не было» [Лесков, 1956, с. 98]) с одной главной целью – правильного понимания своей миссии – «божественного материнства».

Литература

- Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
- Введенский А.И. Современные литературные деятели. П. Николай Семенович Лесков // ИВ. 1890. № 5.
- Гунн Г. Очарованная Русь. М., 1990.
- Жолнеркевич Н.Н. Осмысление концепта «русская культура» в контексте гендерных исследований // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Мн., 2004.
- Золотусский И.П. От Грибоедова до Солженицына. Россия и интеллигенция. М., 2006.
- Измайлов А. Лесков и его время // Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011.
- Лесков Н.С. Собрание: в 11-ти тт. М., 1956. Т. I.
- Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В 30-ти тт. М., 1996. Т. 1.
- Соловьев Вл.С. Лесков Н.С. // Соловьев Вл.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
- Чуднова Л.Г. Лесков в Петербурге. Ленинград, 1975.
- Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по народным стихам. М., 1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Денотатный граф: Н.С. Лесков «Русские женщины и эмансипация»
(вариант)

Эмансипация

Направлена на (цель)

« ...Говорим не о забвении обязанностей, удалстве и возможности во имя принципа эмансипации бросать мужа и даже детей, а об эмансипации образования и труда на пользу семьи и общества» [ПСС:30, I, 331-332].

Опирается на

«Из статьи английского политико-эконома Джона Стюарта Милля «Об эмансипации женщин»; «Известно, что на митингах, происходивших в Ворстере и Массачусетсе, под именем “Конвенция о правах женщин”...»; «...философа Прудона, г-жу Сталь, Рахиль, Жорж Санд...» [ПСС:30, I, 331-332].

Достигается через

«Самим женщинам предстоит труд положить основной камень своей эмансипации <...>. Нужно, чтобы женщины наши поняли, в чем именно заключается женская эмансипация, чего им следует желать, что устранять от себя <...>» [ПСС:30, I, 339].
«Не протестовать нужно, а делать дело: усваивать себе полезные знания, заниматься тем, к чему чувствуется способность и влечение, не обращая внимания на тупые насмешки <...>» [ПСС:30, I, 350].

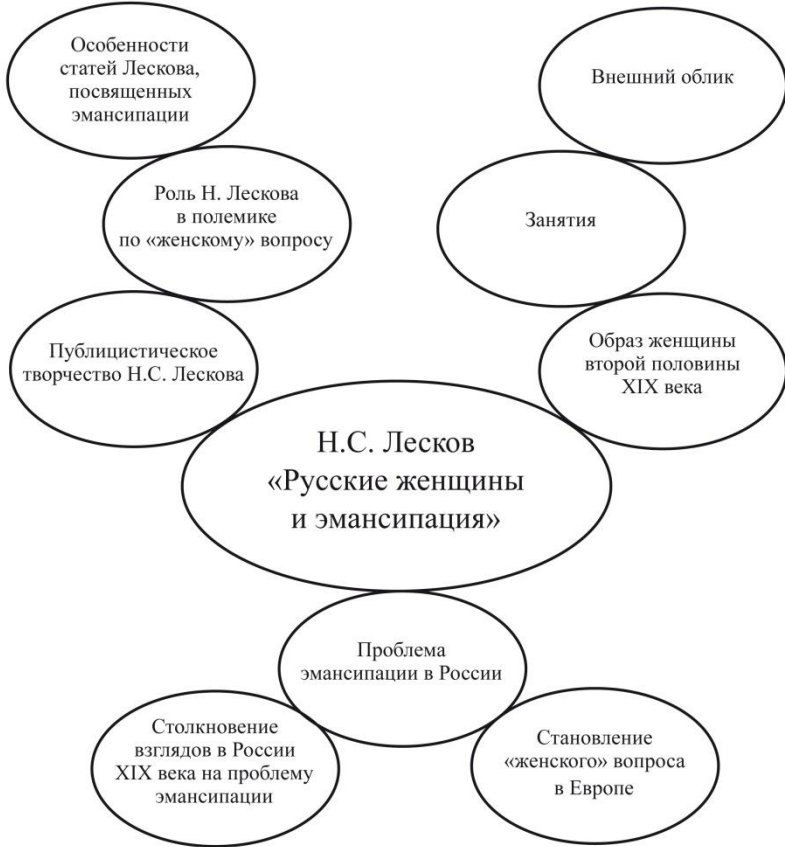

Приводит к (результаты)

«В первом приёме женщин к труду и занятиям будет верный шаг их к своей эмансипации» [ПСС:30, I, 350].
В просвещённой, трудящейся и мыслящей женщине легче любить и мать, и подругу. <...> Вне способности быть самостоятельной нет никакой эмансипации» [ПСС:30, I, 350].

Кластер: Н.С. Лесков «Русские женщины и эмансипация»
(вариант)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВИКТОРОВА Е.Ю.
ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ДИСКУРСА.
САРАТОВ: ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «НАУКА», 2015. 404 С.

Внимание к вспомогательному уровню общения и активизации коммуникативных процессов на этом уровне дало современной лингвистике интересные исследования, к которым можно отнести и монографию Е.Ю. Викторовой. Рассматриваемое исследование буквально восполняет «прорехи» традиционной лингвистики, способствуя решению, по словам О.Б. Сиротининой, «одной из неотложных задач – более сложного деления слов, чем на знаменательные и служебные – по выполняемым ими функциям в конкретных дискурсах (работы Л. Теньера, Г.В. Валимовой, И.И. Прибыток, В.Ю. Меликяна, С.В. Андреевой и др.)» [Сиротинина, 2010, с. 58].

В последние десятилетия появилось немало исследований саратовских лингвистов, посвященных определению семантических и структурных особенностей вспомогательных единиц коммуникации, способам их классификации и систематизации. Единицы вспомогательно-организующего уровня изучаются с разных позиций, в разных объемах и в соответствии с этим по-разному обозначаются: дискурсивные слова (О.Б. Сиротинина), вспомогательные единицы речевой коммуникации (С.В. Андреева), текстообразующие средства (Т.В. Харламова), этикетные составляющие общения (Н.Г. Тырникова, С.А. Рисинзон), десемантизированные элементы дискурса (И.В. Кокошкина), вспомогательные коммуникативные единицы (Е.Ю. Викторова).

В теоретических основах своего исследования Е.Ю. Викторова отталкивается от идеи о двух уровнях речевого общения: коммуникативно-информативном, основном, и коммуникативно-организующем, вспомогательном. Представляется, что понятие вспомогательного уровня общения, исследованного автором, в какой-то степени соотносимо с понятиями, уже введенными в научный оборот другими лингвистами: например, «метадискурса» как

сферы предъявления коммуникативных смыслов речевого поступка и их интерпретации [Борисова, 2001, с. 203], «коммуникативного уровня», системно-организующей единицей которого является коммуникативная установка [Безьева, 2002, с. 7-8]. Автору нужно учитывать также теоретические положения О.Б. Йокоямы о семи видах знания, одно из которых – знание метаинформационное, совершенно необходимое для успешного осуществления информационного дискурса [Йокояма, 2005]. Для Е.Ю. Викторовой, проводившей свое исследование на материале двух языков, важно утверждение О.Б. Йокоямы о том, что средства передачи метаинформационного знания (то есть знания кода и дискурсивной ситуации) вырабатываются в каждом языке, следовательно, само это знание универсально для разных языковых систем и без него невозможен прием основной (фактуальной) информации.

Теоретическая база монографии соответствует современному уровню развития науки о языке. Проведенный комплексный анализ системы вспомогательных коммуникативных единиц (далее ВКЕ) появился как результат глубокого творческого осмысления трудов по отечественной и зарубежной коммуникативной лингвистике и многолетних научных поисков автора. В работе доказано, что каждый тип исследованного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим соотношением информативного, регулятивного и организаторского «векторов», определяющим и соотношением в нем дискурсивных единиц, что реализует тезис о языковом единстве и речевом варьировании.

В исследовании Е.Ю. Викторовой осуществляются как классификационный, так и системный подходы к изучаемым единицам. Классификационный подход предполагает, прежде всего, определение дифференциальных признаков и на их основе разграничение единиц. Системный подход нацелен на определение интегральных признаков и выявление взаимосвязей между единицами. Сочетание классификационного и системного подходов дает возможность автору не только вычленив ВКЕ, но и раскрыть их внутренние связи. На наш взгляд, формулировка цели исследования («выявление особенностей функционирования вспомогательных единиц как системы и их свойств») может быть расширена за счет введения таких концептуальных понятий, как *коммуникативно-функциональная типология, системное взаимодействие, коммуникативный потенциал ВКЕ*.

Е.Ю. Викторова по-исследовательски смело подошла к остро дискуссионным вопросам определения границ ВКЕ, принципов и критериев их выделения. Вместе с тем, на наш взгляд, подлежит сомнению собственно дискурсивная сущность модальных глаголов и предикативов. Рассмотрим пример из монографии: *Правообладатель, узнавший, что его продукцию распространяют в Интернете без согласия автора, может обратиться к владельцу сайта, хостинг-провайдеру или в Роскомнадзор* (РГ, 01.08.2013) [Викторова 2015, с. 364]. Словоформа *может*, по мысли Е.Ю. Викторовой, одновременно передает основную информацию (сообщает о возможности определенного действия), и вспомогательную (смягчает поданную информацию, снижает категоричность высказывания, а возможно, и служит сигналом неуверенности в целесообразности и результативности для автора данного действия). На наш взгляд,

смысл высказывания в том, что правообладатель *имеет право / возможность* обратиться в определенные инстанции. Посредством указанной словоформы реализуется модальная квалификация *возможности* (а не *необходимости, желательности, долженствования* и т.д.) действия. Подчеркнем, что модальные глаголы и предикативы предназначены именно для модальной интерпретации пропозиции (ср.: *может / хочет / намерен / должен* обратиться). Их можно назвать модальными квалификаторами отношения между субъектом и предикатом в пропозиционно-семантической структуре высказывания. Излишне приписывать модальному глаголу оценку результата возможного действия как маловероятного. Оценка с точки зрения уверенности/неуверенности, достоверности, вероятности выражается посредством вводно-модальных слов и частиц на уровне коммуникативно-прагматической структуры высказывания.

Порассуждаем, как в дискурсе преломляется понятие модальности. Как известно, модальность отражает одно из ключевых свойств человеческой психики: фиксируется противопоставление фактического содержания и индивидуальной оценки. Модальность – категория универсальная для всех языков, она реализуется на разных уровнях. В научной литературе разграничивают три основных вида модальности (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, П.А. Лекант и др.).

1. Объективная (языковая модальность) – отнесенность сообщаемого к действительности, выраженная посредством синтаксического наклонения, синтаксического времени, синтаксического лица.

2. Субъективная модальность – оценка сообщаемого с точки зрения достоверности, вероятности, выражение субъективного отношения говорящего через категориальные значения вводно-модальных слов и частиц.

3. Предикатная модальность – выявление модального отношения между субъектом и предикатом: говорящий дает модальную квалификацию, интерпретацию названного положения дел посредством модальных глаголов и предикативов.

Как справедливо утверждает Е.Ю. Викторова, дискурсивные единицы – это функционально-прагматическая категория с набором скорее потенциальных, чем обязательных признаков. Тем не менее на основе некоторых основных признаков нам представляется возможным определить принципы (критерии) выделения дискурсивных прагматических операторов:

- вид информации (не основная, а вспомогательная);
- дискурсивная сущность (конкретный коммуникативный смысл приобретает только в дискурсе);
- основная прагматическая роль – забота об адресате;
- не составляют синтаксический «костяк» дискурса, так как их функционирование ограничено конкретными регулятивными и организаторскими задачами и поэтому факультативно;
- номинативные единицы подвергаются функционально-семантической трансформации (десемантизации, «выветриванию» категории предикативности вплоть до формальной).

Модальные глаголы и предикативы не соответствуют названным критериям. Они «помогают» адресату не выполнением «по совместительству» функций прагматических операторов, а ролью модальных квалификаторов отношения между субъектом и предикатом. Следует особо подчеркнуть, что эта роль реализуется не на коммуникативно-прагматическом уровне высказывания, а на более глубинном – пропозиционально-семантическом уровне. Недаром такую предикатную модальность в отличие от объективной модальности и модуса называют еще внутрисинтаксической [Всеволодова, 2000].

Итак, можно ли считать, что модальные глаголы и предикативы наряду с вводно-модальными словами выполняют функции прагматических операторов? Видимо, нет. Можно ли включать их в систему ВКЕ, как это делает Е.Ю. Викторова? Видимо, да. Однако при этом нужно четко указывать на то, что в поле единиц ВКЕ они не рядоположены с собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами), синкретичными дискурсивами (авторизирующими конструкциями) и союзами.

Автором проведен анализ огромного фактического материала. Неизбежно возникают частные вопросы-сомнения. Так, можно согласиться, что синкретичные фативы, которые как стимулируют развитие коммуникации, так и скрепляют диалогический дискурс в качестве «разговорного клея» (conversation glue), Е.Ю. Викторова относит к «организаторам». Не совсем понятно, почему фативы как сигналы приема информации, поддакивания собеседнику, эффективно регулирующие взаимодействие коммуникантов, попадают не в «регулятивы», а в «организаторы» дискурса.

При определении Е.Ю. Викторовой перспективных направлений изучения вспомогательной системы дискурса, как нам кажется, нельзя не указать одно новое направление, которое в самой работе никак не обозначено. Результаты теоретического и практического изучения вспомогательных единиц могут использоваться при разработке компьютерно-лингвистических приложений для систем автоматической обработки естественного языка [Андрева, 2009]. Невозможно передать формальными средствами все языковые факты, особенно неоднозначные или транслирующие не основную, а метакоммуникативную, дискурсивную информацию. По результатам широкого лингвистического эксперимента делается попытка определить пределы возможного в машинном переводе и – шире – вообще в автоматической обработке естественного языка [Мельчук, 1995; Языковая картина мира и системная лексикография, 2006; Апресян, Богуславский, Иомдин, Санников, 2010].

В нашей речи информация разных видов передается единым потоком, зачастую в одной фразе можно обнаружить элементы этих различных структур. Единицы дискурса с неодинаковой информативностью можно представить в виде шкалы: основные – вспомогательные – информационный мусор. При автоматической обработке речи неизбежны потери части содержания («информационный сброс»). Учет закономерностей формирования и языкового выражения основных и вспомогательных единиц (в том числе десемантизированных) позволит избежать избыточности текста за счет устранения компонентов, получивших в ходе анализа малый информационный вес.

С другой стороны, авторы коллективной монографии «Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря» приходят к неожиданному и своевременному выводу о том, что компьютерный анализ текстов является тем экспериментальным полигоном, на котором можно проверять не только отдельные грамматические и иные правила, но и целостную лингвистическую модель языка, то есть адекватность лингвистической теории. Ученые убедительно показали, что в синтаксическом анализаторе системы машинного перевода «неизбежно остаются белые пятна и лакуны. Многие лингвистические факты, в том числе критически существенные для работы анализатора, никогда не попадали в поле зрения ученых просто потому, что они не имели возможности в массовом порядке оперировать материалом неверного или неожиданного синтаксического разбора предложений. Именно такой материал в изобилии поставляет развитая система автоматической обработки текстов, а работа с этим материалом позволяет выявить лакуны научного описания и устранить их» [Апресян, Богуславский, Иомдин, Санников, 2010]. Представляется, что изучение вспомогательных единиц речевой коммуникации, всей вспомогательной системы дискурса может внести существенный вклад в процесс «взаимообогащения» лингвистической теории и «интеллектуальных» систем.

Исследование Е.Ю. Викторовой открывает разнообразные перспективы дальнейшего изучения объекта, что важно для теоретического синтаксиса, для коммуникативной грамматики русского и английского языков, а также для практического анализа эмпирического материала. Е.Ю. Викторова выдвинула гипотезу относительно закономерностей функционирования вспомогательной системы дискурса, и эта гипотеза в исследовании нашла вполне убедительное подтверждение. В этой связи уместно привести заключение авторов «Коммуникативной грамматики русского языка»: «Познание объекта – конечная цель науки, не достижимая в обозримых пределах ее развития. Но организация знания на всех этапах науки стремится отразить организацию объекта, материала. <...> Всякий представляемый опыт систематизации остается в той или иной мере гипотезой. Но задача его – уменьшение расстояния между представляемой и реальной системой языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 45].

Литература

Андреева С.В. Лингвистические закономерности передачи информации при автоматической обработке речи // Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АРЗ-2009). СПб., 2009.

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов, 2015.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
- Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М.-Вена, 1995.
- Сиротинина О.Б. Речевая коммуникация: проблемы и трудности ее изучения // Предложение и Слово. Саратов, 2010.
- Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

С.В. Андреева

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ «ГРАММАТИКА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СХЕМАХ И ТАБЛИЦАХ
(USEFUL SCHEMES FOR ENGLISH GRAMMAR. EXERCISE BOOK).
ЧАСТЬ 1. СОСТ.: С.А. ОСОКИНА. БАРНАУЛ, 2016. 74 С.**

Рецензируемое учебное пособие содержит богатый материал по грамматике английского языка, наглядно представленный в схемах и таблицах, необходимый для развития и совершенствования навыков владения речью.

Учебник построен по принципу постепенного нарастания уровня сложности, что позволяет учащимся – студентам первого года обучения – овладевать грамматическим материалом поэтапно. Логика изложения учебного материала делает возможным использование учебно-методического пособия как для проведения учебных занятий, так и для самостоятельной работы студентов.

Несомненным достоинством работы является сочетание теории и практики: каждый из 6 разделов пособия (THE ARTICLE, THE NOUN, THE PRONOUN, THE ADJECTIVE, THE ADVERB, THE VERB) содержит доступное описание грамматического материала в виде схем и таблиц и тренировочные упражнения, направленные на закрепление грамматики. Отметим, что в работе используется дифференцированный подход к обучению иностранному языку, который проявляется в ранжированности упражнений по уровню сложности. Упражнения повышенного уровня сложности отмечены звездочкой (*). Всего в пособии насчитывается 92 упражнения.

Ряд упражнений имеет коммуникативную направленность, что позволяет «оживить» грамматический материал, например, задание к упр. 1 на стр. 35 в разделе THE VERB: Ask and answer questions about your regular activities. Use the words to express regularity (*always, usually, often, seldom, rarely, never, once a week, three times a year, etc.*). Предлагаемые автором варианты работы – в парах, по цепочке (например, задание к упр. 5 на стр. 38: Ask your deskmate about his/her holiday plans) – способствуют максимальному вовлечению каждого студента в образовательный процесс.

Сочетание разных типов упражнений, интерактивность заданий, использование элементов дидактических игр (например, задание к упр. 2 на стр. 36: Play a game «What are you doing right now?»; или к упр. 3 на стр. 54: Play a game

«What I just did». Perform the action and answer the question: (*Give your pen to your deskmate*). A: *What did I just do?* – B: *You just gave your pen to me*) лишает учебник традиционной монотонности, присущей пособиям по грамматике, что также является положительным моментом.

Кроме всего вышесказанного, учебно-методическое пособие содержит интересный лексический материал, существенно расширяющий и обогащающий словарный запас учащихся. Особо отметим используемые в упражнениях частотные английские глаголы в сочетании с предлогами (глагол + предлог (Verb + Preposition), например, в упр. 16 на стр. 59). Подобные сочетания широко распространены в повседневной разговорной речи носителей языка. Использование данных лексических единиц и оборотов придаст высказываниям студентов естественность и аутентичность.

В целом, рецензируемое учебное пособие отличается наглядностью, простотой, подчеркнутой логичностью формы представления грамматического материала, что позволяет использовать данное пособие не только в процессе обучения студентов в рамках курса английского языка в вузе, но и для самостоятельной работы по развитию и совершенствованию навыков владения языком, а также в справочных целях. Учебнику присуща коммуникативная направленность, систематичность в изложении материала, наглядность и доступность, что соответствует современным принципам обучения иностранным языкам. Пособие поможет студентам первого года обучения неязыковых специальностей получить систематизированные сведения о грамматических особенностях английского языка, расширить словарный запас, совершенствовать речевые навыки.

Отмеченные структурные и содержательные особенности пособия отвечают специфике данного жанра, способствуют адаптации и систематизации знаний по грамматике английского языка, полученных учащимися в школе.

Е.Ю. Позднякова

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ФИЛОЛОГИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА ВЫПОЛНЯЮТ УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: К ИТОГАМ VIII ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА «ФИЛОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ НАУКИ: НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ». КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА «РИТОРИКА: УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ МАГИСТРАТУРЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ФИЛОЛОГИЯ» ВУЗОВ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И КАЗАХСТАНА»

В соответствии с Меморандумом между ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) и АлтГУ ведется работа над созданием учебной книги по риторике для магистрантов-филологов университетов приграничных территорий России и Казахстана. На VIII заседании семинара, состоявшемся в АлтГУ на базе научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации (далее – НОЦ) и кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, был обсужден вопрос о ходе выполнения проекта.

С докладом на тему «Проект раздела «Риторика лингвоэкспертной деятельности филолога-практика в учебной книге» выступила *д.ф.н. проф. Т.В. Чернышова*. Опираясь на общую концепцию проекта учебной книги [Уразаева, Чувакин, URL], докладчик представил обоснование теоретической части раздела, наиболее важные аспекты представления риторического знания в учебной книге, хрестоматийный материал по предлагаемому разделу, задания к практическим занятиям, перечни курсовых и выпускных работ и основной и дополнительной литературы. Особый интерес участников семинара вызвало обоснование Т.В. Чернышовой теоретической части раздела и наиболее важных аспектов представления риторического знания в учебной книге.

В ходе подготовки данного проекта автор в первую очередь обратился к уже изданным учебникам риторики, чтобы осмыслить, каким должен быть данный раздел, посвященный **лингвистическому аспекту юридической риторики**, понять, каково должно быть его содержание, а главное, – какие знания, навыки, умения должны приобрести обучаемые и какими компетенциями они должны владеть.

Оказалось, что большинство предлагаемых учебников предназначены для подготовки студентов по направлению «Юриспруденция», что вполне объяснимо. Как указывает один из авторов пособия для юристов Т.В. Губаева в предисловии своего учебника, «В книге описана **техника употребления норм права**. Проанализированы лингвистические методы, приемы, правила созда-

ния и примеры толкования правоприменительных норм права, способы составления судебных решений и иных документов в **различных видах судопроизводства**» [Губаева, 2003]. Учебных пособий для филологов, посвященных лингвистическому аспекту правовой (юридической) риторики, нет и по сей день, хотя еще в начале 90-х годов, в первом номере журнала «Юрислингвистика» [Голев, 1999], Н.Д. Голев, рассуждая о постановке проблем на стыке языка и права, указывал на важность юридических аспектов языка и лингвистических аспектов права: «Однако в лингвистических учебниках и справочниках за малым исключением не находится места юридическому аспекту языка и связям языкознания с юриспруденцией. Есть лишь отдельные замечания в специальной литературе, свидетельствующие о том, что такой аспект объективно существует и является весьма значимым предметом лингвистической науки...» [Голев, 1999, с. 5].

Далее в докладе были обозначены наиболее важные аспекты представления лингвистического знания, касающиеся лингвоправовой коммуникации и правовой сферы функционирования языка в аспекте риторики, и раскрыто их содержание. К ним в частности отнесены следующие, по мнению Т.В. Чернышовой, базовые, позволившие риторике долгое время оставаться одной из самых востребованных дисциплин гуманитарного цикла: коммуникативный; дискурсивный; лингвориторический / стилистический и деятельностный [Чернышова, URL]. Точки пересечения филологии и юриспруденции в риторическом аспекте различны: к их числу относятся правила и нормы оформления деловых документов и их соответствие базовой функции и стилиобразующим принципам деловой речи (актуальность изучения данного направления поддерживается рядом исследований, среди которых работы М.В. Колтуновой, Л.Р. Дускаевой, О.П. Сологуб и др.); квалифицированная оценка эффективности деловых текстов (законодательных, правоприменительных, административно-хозяйственных и др.) филологом-практиком с учетом экстралингвистических и интралингвистических принципов их анализа (С.П. Кушнерук, Н.В. Мельник и др.); лингвоэкспертная деятельность филолога в квалификации спорных текстов по документационным и информационным спорам, а также речевое поведение филолога в судебном процессе (Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, К.И. Бринев, Т.В. Чернышова и др.) и многое другое.

Докладчик подчеркнул, что данные аспекты должны найти отражение в учебнике по риторике с учетом таких дидактических элементов обучения, как *изучение основных теоретических трудов* в области делового общения, культуры деловой и правовой речи, лингвоэкспертной деятельности; выработка навыков и умений использования делового и правового стиля в устной и письменной речи для достижения целей эффективного общения в ходе *практических, лабораторных и домашних занятий*, а также умений, направленных на освоение приемов *анализа и интерпретации* деловых и юридических текстов в ходе *производственных практик*. Все указанные аспекты деятельности филолога-практика предполагают не только хорошее владение теорией и практикой, но и учет национальных особенностей, обусловленных функционированием подобных текстов в полиэтнической языковой среде [Чернышова, URL].

Итоги обсуждения подвел в кратком выступлении *д.ф.н. проф. А.А. Чувакин*, научный руководитель НОЦ. Он отметил, что проект раздела «Риторика лингвоэкспертной деятельности филолога-практика», представленный в докладе *д.ф.н. Т.В. Чернышовой*, показывает жизнеспособность общей концепции проекта учебной книги [Уразасва, Чувакин, URL], который был одобрен на заседании семинара в апреле 2016 года и выдвигает перед авторским коллективом новые задачи.

Участники семинара согласились в следующем.

В условиях динамичного развития риторики признать адекватной решаемым в проекте задачам концепцию, изложенную в учебном пособии «Основы общей риторики» [Основы..., 2013]. Существенно, что эта концепция сопрягается с принципиальными суждениями об общей и профессиональной риторике, высказанными, например, филологом, профессором МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Волковым, подчеркнувшим, что «задача риторики состоит в первую очередь в формировании языковой личности профессионального речедеятеля, формирующего стиль жизни общества» [Волков, 2015, с. 194], и экономистом, почетным профессором экономики, истории, коммуникации и языка в Университете Иллинойса (Чикаго, США) Д. Макклоски, утверждающей следующее: «Элегантность доказательств, стиль могут изменить то, как люди воспринимают сказанное. Например, легко и элегантно представленное доказательство существования трансфинитных чисел. Таким образом, стиль имеет значение, репутация имеет значение, форма также имеет значение – даже в математике. <...> экономика риторична. И отсюда много следствий. <...> одно из них состоит в том, что микроэкономический рост происходит от риторики. Это риторическое изменение» [Технологические..., 2016, с. 224, 226]. Так важнейшие риторические категории – этоса, логоса, пафоса, уместности и др. – размещаются в пространстве *Homo Verbo Agens*.

Теоретическую, хрестоматийную и практическую части подразделов, посвященных профессиональной риторике, целесообразно выстроить исходя из параметра *планируемые результаты освоения магистрантами-филологами подразделов*. Вполне уместной представляется структура планируемых результатов, использованная в программе по практической риторике, подготовленной в НОЦ для университетов России [Малыгина, Чувакин, 2015, с. 172]. Но формулировки в подготавливаемой книге должны быть даны более развернуто, чем в упомянутой программе. Перечислением знаний, умений и владений будет открываться каждый подраздел раздела.

Во внутренней логике подраздела на каждом уровне (теоретическом, хрестоматийном, практическом) целесообразно опираться на коммуникативно-риторические компетенции. Их перечень может быть составлен на основе материалов, опубликованных в коллективных работах красноярских и саратовских исследователей [Чувакин, URL], но с учетом решения задачи подготовки специалистов для работы в приграничных условиях. Компетенции, сформулированные коллегами, охватывают зоны теоретической, профессионально-практической и индивидуальной коммуникативно-риторической деятельности филолога. Перечислением компетенций целесообразно завершить подраздел.

В хрестоматийной части подраздела предполагается представить фрагменты работ, выполненных на русском, казахском и европейских языках. Последнее определяется тем, что риторическая теория и практика в обеих странах учитывает традиции собственной и мировой риторики.

Требуют дальнейшего изучения вопросы о глоссарии в каждом из разделов (подразделов) и «привязки» всех уровней содержания учебной книги к условиям российско-казахстанского приграничья.

Участники семинара договорились завершить подготовку рабочего варианта учебной книги и представить его в НОЦ, чтобы разослать членам авторского коллектива уже в начале апреля 2017 года. В середине апреля провести расширенное заседание семинара с обсуждением рабочего варианта книги.

На семинаре состоялась презентация электронного издания «Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2016», подготовленного в НОЦ (научные редакторы А.А. Чувакин, И.В. Силантьев; отв. редактор И.Ю. Качесова). Книгу представил А.А. Чувакин.

Принято решение о подготовке очередного выпуска ежегодника – 2017. Основное содержание книги планируется посвятить Homo Verbo Agens – главному «герою» риторической науки и практики. Редколлегия заинтересована также в материалах, посвященных событиям в филолого-коммуникативной жизни общества и человека, в обзорах литературы по филолого-коммуникативной проблематике. Материалы в ежегодник можно присылать до 15 мая 2017 по адресу: phcs20@mail.ru (в теме просим указать: ФКИ – 2017).

Участники семинара единодушно отметили его высокий научный уровень и практическую ценность для дальнейшей совместной работы и выразили благодарность членам оргкомитета, заместителю директора научной библиотеки АлтГУ К.В. Орехову, сотрудникам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина и информационной службы, всем участникам семинара.

Литература

Волков А.А. Лингвистика, теория словесности и риторика как разделы науки о языке // Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Tallinn. 2015. Vol. 2. Issue 1.

Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика–7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2005.

Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2004.

Малыгина Э.В., Чувакин А.А. Практическая риторика: примерная программа учебной дисциплины // Филология и человек. 2015. № 2.

Основы общей риторики. Барнаул, 2013.

Технологические и институциональные идеи – это то, что делает наш мир современным: Интервью с Дейдрой Макклоски / Беседовал Д. Расков // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://ecpolicy.ru/pdf/2016_3/Makklosky.pdf

Уразаева К.Б., Чувакин А.А. Концептуальный базис проекта «Риторика: учебная книга для магистратуры по направлению “Филология” в вузах России и Казахстана» // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2016. [Электронный ресурс].

URL: http://public.edu.asu.ru/pluginfile.php/11855/mod_resource/content/1/%D0%A4%D0%9A%D0%98-2016.pdf

Чернышова Т.В. Риторика правовой сферы в учебной книге // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://public.edu.asu.ru/pluginfile.php/11855/mod_resource/content/1/%D0%A4%D0%9A%D0%98-2016.pdf

Чувакин А.А. Коммуникативное образование филологов: аналитический обзор // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://public.edu.asu.ru/pluginfile.php/11855/mod_resource/content/1/%D0%A4%D0%9A%D0%98-2016.pdf

Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н.В. Козловская. «Что есть термин этимологически и семасиологически?»: лингвофилософская интерпретация понятия «термин» в работах русских мыслителей начала XX века. В статье представлен анализ философского осмысления лингвистического понятия «термин» в произведениях П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и Г.Г. Шпета. Названы предпосылки появления «философии термина» в начале XX века: к ним относятся достижения естественных и точных наук и формирование их терминосистем, а также расцвет русской философии, выразившийся в появлении оригинальных мировоззренческих систем, в формировании новой жанровой системы философского текста и новой системы терминов и понятий. Первые терминоведческие наблюдения, не имеющие терминологического аппарата в полном смысле этого слова и опирающиеся на философские категории, способствовали оформлению метаязыка формирующейся области языкознания. Философская трактовка позволила раскрыть сущностные свойства термина как антиномичной по своей природе единицы, предполагающей множественность интерпретаций. В философских трудах термин предстает как орудие и объект познания, как один из основных способов моделирования научной или философской картины мира, как статичная и одновременно принципиально изменчивая единица обозначения знания, в которой соединены индивидуальность и универсальность значения. Философская рефлексия над термином в начале XX века предвосхитила начавшуюся позже лингвистическую разработку сущностных свойств термина: специфика понятийного содержания, функционирование в языке для специальных целей, точность семантики, дефинитивность и системность.

N.V. Kozlovskaya. The definition of the Terms Etymological and Semasiological: Linguistic and Philosophical Interpretation of the Notion Term by Russian Philosophers, early 20th century. This paper deals with the study of philosophical definition of the notion *term* by outstanding Russian philosophers Pavel Florensky, Sergey Bulgakov and Gustav Shpet. The research describes the main conditions of philosophical

understanding of the term in the early twentieth century: namely, the studies of the Arts and Science, as well as the development of philosophy and, as a result, a new genre system and a new terminology formation. Conclusions drawn by Russian philosophers, especially by P. Florensky, in many respects, predetermined the appearance of a special metalanguage of terminology as a branch of linguistics. Philosophical interpretation of the concept allows the author to reveal essential characteristics of the term. In philosophical works the term is presented as an instrument and an object of cognition, as a tool used to model a scientific or philosophical view of the world and also as a static or a dynamic unit of analysis. Philosophical studies of the term in the early 20th century determined the foundation of terminology as a particular branch of linguistics.

М.И. Мехеда. Речевая экономия как один из мотиваторов словотворчества в русской разговорной речи. Экономия умственных и физических усилий рассматривается в статье как один из основных мотивирующих факторов создания окказионализма в разговорной речи при возникновении необходимости выразить новую реалию в краткой информативной форме при отсутствии готовой (временно забытой, неадекватной по степени семантической нагруженности или недостаточной интенсивности/экспрессивности) единицы. Участники речевого акта, ограниченные временными рамками при поиске информативно ценных, эмоционально нагруженных и оригинальных единиц для создания адекватного эффекта у реципиента, зачастую неосознанно прибегают к словотворчеству, при этом экономия говорящего проявляется на словообразовательном уровне в интуитивном использовании энергетически выгодных способов (словосложение, универбация, усечение, аббревиация, заимствование, семантическая деривация) и на психологическом уровне, выражаясь в максимальной экспрессивности, оригинальности и информативности единицы, способной обеспечить наибольшее влияние на реципиента в минимальном временном формате и при минимизированной длине высказывания. Автор предлагает анализ ряда окказиональных словообразовательных моделей, наиболее ярко демонстрирующих влияние экономии как мотивирующего фактора словотворения.

M.I. Mekheda. Speech Compression as a Source of Word Formation in the Russian Language. To save physical and mental efforts can become a source of nonce words formation in the language. It takes place to define a new phenomenon in a short informative way, there being no ready-made unit. Interlocutors, who are short of time to find an appropriate language unit which should be semantically, stylistically and

emotionally adequate, create a new lexeme. Speech compression comes first and they use compounding, borrowed words, abbreviations, semantic derivation, deletion. As for the psychological aspect, such a lexeme is original, informative, expressive, able to influence the interlocutor within a short period of time and speech. The author provides the analysis of some word-formation patterns which demonstrate the speech compression as the main source of new lexemes usage.

М.А. Воронкина. Оценочные компоненты ведийской литературы. Предметом рассмотрения статьи является Веда как один из древних памятников, составляющих в породившей их культуре канон, сердцевину, обрастающую со временем многочисленными интерпретациями и комментариями. Такие тексты содержат систему базовых для культуры оценочных суждений, с помощью которых членится и категоризируется действительность. Автор показывает, что ведийская литература предоставляет превосходный материал для исследователя в этой области. Писания дают интересный пример того, с кем и о чем говорит человек ведийской эпохи. Оценочные элементы памятника рассматриваются в связи с коммуникативной природой его текстов, основанных на представлении об обмене с божественным миром бессмертных в ведийском ритуале. Тексты Веды характеризуются нацеленностью на эмоциональную сферу и содержат значительный спектр экспрессивных единиц. В работе показаны возможные ошибки фундаментальной атрибуции как в случае установления стратегии употребления этих единиц, так и при выявлении свойственных им оценочных коннотаций.

M.A. Voronkina. Evaluative Components of the Vedic Literature. The subject under study of the article is the Veda as one of the ancient scriptures. It is considered to be the canon of its culture which gives rise to numerous interpretations and comments. Such texts contain a set of basic axiological ideas of culture which are implemented in the reality analysis and its categorization. The author demonstrates that the Vedic literature is a promising subject of scientific research. The scriptures give interesting examples of talks conducted by a man in the Vedic Age. Axiological elements of the manuscript are considered with regard to the communicative nature of the texts based on the idea of an exchange with the divine world of the immortals in the Vedic ritual. Texts of Veda are significant for their emotional aspect and contain a wide range of expressive units. Some remarks are made about possible fundamental attributive errors in the case of both the usage of these units and definitions of their evaluative connotations.

О.А. Фарафонова Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова». В статье рассматривается произведение XVIII века «Похождение прапорщика Климова» в контексте жанровой традиции мемуаристики и литературы путешествий. Сюжет путешествия в иные земли довольно часто встречается в русской мемуаристике XVIII века. Существенным отличием, выделяющим «Похождение прапорщика Климова» из целого ряда мемуарных произведений XVIII века, является то, что в этом тексте отражен не взгляд туриста, добровольно путешествующего, но взгляд человека, вынужденного жить по чужим для него обычаям. Эти обычаи по необходимости стали для него «обыкновением», но не перестают восприниматься им как чужие. В настоящей статье особое внимание уделено тому, как отображены в воспоминаниях пленного русского офицера обычаи Пруссии и ее короля: государственное устройство, армейская жизнь, личность Фридриха II. При этом отдельно рассматривается культурологическая и сюжетологическая функция парада. Также анализируется, каким образом в тексте «Похождения» разворачиваются традиционные для русской литературы XVIII века оппозиция «свое – чужое» и сюжетная ситуация «справедливый суд правителя».

O.A. Farafonova. Specificity of «an Alien» Image in *The Adventures of the Ensign Klimov*. The article discusses the work of the 18th century *The Adventures of the Ensign Klimov* in the context of memoirs and travel literature genre tradition. A plot of travel to other lands is quite common in Russian memoirs of the 18th century. The main difference of *The Adventures of the Ensign Klimov* from some memoirs of the 18th century is that this text does not reflect the view of a tourist, traveling freely, but the view of a man forced to live according to customs, which are strange to him. These customs become «usual» for him by necessity, but he did not stop thinking of them as strange ones. In this paper, special attention is paid to how there are displayed the customs of Prussia and its King – politics, army life, the identity of Frederick II – in a captive Russian officer memories. The article essentially considers cultural and plot functions of a parade. It also analyzes the traditional for Russian literature of the 18th century opposition of an «own – alien» story and the plot of «a fair trial of a ruler» in the text of *Adventures*.

К.В. Синегубова. Лирический поиск в «Разных стихотворениях» Д. Самойлова. Статья посвящена одному из трех разделов книги стихов Д. Самойлова «Горсть» (1989), его композиционным и структурным особенностям. Название раздела ставит под сомнение его целостность, однако все стихотворения, входящие в раздел, сгруппирова-

ны по тематическому принципу и объединены ситуацией лирического поиска. Кроме того, стоящие рядом стихотворения, рассматривающие одну и ту же проблему с разных точек зрения, также могут быть восприняты как характерные для лирики Д. Самойлова неформленные микроциклы. В процессе лирического поиска происходит переход от темы искусства к теме природы, далее к теме поэта и поэзии, роли поэзии в мире и, наконец, к теме Родины. В контексте книги стихов «Горсть» раздел «Разные стихотворения» занимает центральное место и отражает переход от любовной лирики (раздел «Беатриче») к сюжетной поэзии с четко выраженной авторской оценкой и нравственной установкой (раздел «Баллады»). Сюжет лирического поиска в разделе «Разные стихотворения» отражает процесс понимания роли поэта и поэзии в современности и историческом процессе.

K.V. Sinugbova. Lyrical Search in «Different Poems» by D. Samoylov. The article considers one of three sections in the book of verses by D. Samoylov «Handful» (1989), to its composition and structural features. The name of the section brings its integrity into question, however all poems entering this section are grouped in the thematic principle and united by a situation of lyrical search. Besides, the poems standing in a row and considering the same problem from different points of view can be also apprehended as not properly executed microcycles, common for D. Samoylov's lyrics. During lyrical search there happens a transition from art to nature, further to a poet and poetry, a poetry role in the world and, at last, to the Motherland. In the context of the book of verses «Handful» the section «Different Poems» takes the central place and reflects transition from love lyrics (section «Beatrice») to scene poetry with clearly expressed author's assessment and moral attitudes (section «Ballads»). The plot of lyrical search in the section «Different Poems» reflects understanding of a poet and poetry role in the present and in the history.

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Актуализация концепта *LAWYER* в произведениях Джона Гришэма: базовые концептуальные признаки. Целью данной статьи является анализ структурных и содержательных особенностей концепта *LAWYER*, а также средств вербализации данного концепта в романах Дж. Гришэма «The Street Lawyer» («Уличный адвокат») и «The King of Torts» («Король сделки»). Исследование выполнено в рамках концептуальной лингвистики, а также в русле лингвокультурологического направления когнитивной лингвистики, поскольку в концепте заключены как индивидуально-авторская, так и национально-культурная составляющие. В ходе анализа текстов были выявлены характерные ядерные признаки, образуо-

щие содержание исследуемого концепта: воин, борец за достоинство клиентов и сотрудников; высокообразованный и воспитанный человек; игрок; истинный герой; радикал; трудоголик; предприниматель; часть системы, кластера. Данные разнопорядковые признаки отражают образный и аксиологический аспекты концепта, раскрывая внутренний мир и социальный статус человека. Образую внутреннюю структуру концепта, они участвуют в моделировании значительной части содержания концепта как ментальной единицы.

M.I. Abdyzhaparova, T.V. Fedosova. Actualization of the Concept *LAWYER* in Literary Work of John Grisham: Basic Conceptual Attributes. The paper analyzes structural and substantive aspects of the concept *LAWYER* and the means of this concept verbalization in John Grisham's novels *The Street Lawyer* and *The King of Torts*. The research is held in the framework of conceptual linguistics and in a linguoculturological branch of cognitive linguistics as the concept embraces individual and cultural components. The textual analysis allows reveal the nuclear attributes forming the content of the concept under consideration. The following features are identified: a soldier, a fighter for clients and employees; a well-educated personality; a player; a true hero; a radical; a workaholic; a businessman; a part of a system. These heterogeneous attributes reflect image-bearing and axiological components of the concept disclosing the inner world and a social status of a person. Constituting an internal conceptual structure, they participate in modeling a considerable part of the content of the concept as a mental unit.

A.B. Кочкинекова. Проявление фасадности в англоязычной культуре. В статье рассматривается психологическая фасадность, являющаяся одним из важных проявлений феномена субъективности в английском языковом пространстве. Под психологической фасадностью в исследовании понимается своеобразный психологический «блок», который формируется посредством создания субъектом заведомо ложного представления о себе в силу действия различных интегрированных норм поведения (общественных, культурных, групповых, гендерных и пр.). В статье были детально проанализированы репрезентирующие фасадность конструкции с английскими предлогами *behind*, *beneath*, *under*, *underneath* и *beyond*. Указанные пространственные предлоги в составе предложной конструкции в сфере описания особой формы бытия человека образуют новую парадигму метафорических значений. В качестве иллюстративного материала послужили примеры из зарубежных журналов и газет, а также фильмов, де-

монстрирующих специфику фасадности субъекта в англоязычной культуре.

A.V. Kochkinekova. Façadness Manifestation in the English Language Culture. The article studies psychological façadness that is one of the important manifestations of the subjectivity phenomenon in the English language space. Psychological façadness is understood in the article as a peculiar psychological «unit» that is formed through the creation by the subject of the intentionally false idea about himself or herself owing to the various interiorized behavior norms (social, cultural, group, gender etc.). Constructions with the English prepositions *behind*, *beneath*, *under*, *underneath* and *beyond* representing façadness were analyzed in detail. These spatial prepositions within the prepositional construction in the sphere of a specific human existence form create a new paradigm of metaphorical meanings. The illustrative information is represented in the article by the examples from the foreign journals, newspapers and movies demonstrating the façadness peculiarities of the subject in the English language culture.

Н.К. Данилова. Эпический мир и «сакральная топография» у долган. В настоящей статье в семантическом контексте анализируются космогонические мифы, эпические повествования и сказки, занимающие особое место в духовном наследии долган. В них удивительным образом переплетены архаичные сюжеты, связанные с древнетюркским миром и народами Севера, и трансформированные библейские мотивы. Выделены и проанализированы как отдельные категории пространственные локусы, структурирующие модель мира. Так, у долган сохранились наиболее архаичные представления, связанные с дуальной структурой мира, плавающей землей, солнечно-лунарным культом. В мифопоэтике каждый «освоенный» локус представляет собой отдельный остров / город, лежащий на спинах рыб. Интересно то, что центр мира *Axis mundi* представляют сами герои, чаще всего родители героя – старики. Образы стариков представлены как наиболее сакральные лица, обладающие всеми положительными характеристиками. Их функции можно охарактеризовать как шаманские. Универсальное представление о Мировом дереве как центре Вселенной сохранилось только в шаманском культе. Так, из общего культурного наследия народов Сибири выделяется оригинальная в своей пространственной организации и сюжетике мифопоэтическая традиция долган.

N.K. Danilova. Epic World and «Sacral Topography» of Dolgans. The article provides the analysis in the context of the semantic of cosmogony myths, epic narratives and tales, which have a special place in the spiritual heritage of the Dolgan. They are surprisingly intertwined

archaic stories related to the ancient Turkic world and the peoples of the North and transformed biblical motives. Loci spatial structuring models of the world are analyzed as specific categories. Dolgans preserved most archaic representations associated with the dual structure of the world, floating ground, solar-lunar cult. In myth-poetics each «mastered» locus is a separate island / city lying on the back of fish. It is interesting that in the center of the world Axis mundi there are the characters themselves or the parents of the hero – the elderly. Images of the elderly are presented as the most sacred people, having all the positive characteristics. Their functions can be described as shamanic. The universal idea of the world tree as the center of the universe preserved only in the shaman cult. Thus, the common cultural heritage of the peoples of Siberia consists in its original spatial organization and plot structure of the myth-poetic tradition of Dolgans.

С.В. Доронина. Крабы, креветки, кальмары и грамматическая категория одушевленности. Наличие у одушевленных существительных собственной парадигмы, отличающей их от существительных неодушевленных, свидетельствует об особой грамматической значимости для русского языка оппозиции «живое / неживое». В то же время грамматический статус оппозиции одушевленность / неодушевленность до конца не определен в науке. В работе представлены результаты наблюдений за динамикой грамматической нормы в лексико-семантической группе «морские животные». Проведенное статистическое исследование среднелитературного узуса демонстрирует полное разрушение кодифицированной нормы, согласно которой изменение лексического значения слова влечет за собой смену его грамматических признаков. Наблюдения за изменениями на данном незначительном участке языковой нормы дает возможность сделать и теоретически значимые выводы. Обнаруженные изменения грамматических признаков «одушевленность-неодушевленность» интерпретируются как результат развития грамматической категории одушевленности и ее постепенного отрыва от лексического значения.

S.V. Doronina. Crabs, Shrimp, Squid and Grammatical Category of Animateness. The presence of animate nouns own paradigm, distinguishing it from inanimate nouns, shows the special grammatical significance of the opposition «living / non-living» for Russian. At the same time its grammatical status is not fully defined in science. This paper presents the results of observations of the grammatical rules dynamics in the «sea animals» lexical-semantic group. Statistical research of usage demonstrates complete destruction of codified rules, according to which the change in the lexical meaning of the word implies a change of its

grammatical features. Observations of changes in this minor area of language rules give us the opportunity to theoretically meaningful conclusions. The observed changes in grammatical features «animateness / inanimateness » is interpreted as the result of evolution of animation as a grammatical category and its gradual separation from the lexical meaning.

Л.А. Мисиева. Языковая символика в аварских гендерных фразеологических единицах. В статье анализируются аварские гендерные фразеологические единицы, в составе которых используется языковая символика, связанная в основном с обозначением негативных качеств человека. Обращение к данной проблеме объясняется недостаточной изученностью роли символов в аварском языке и литературе, в частности – во фразеологических и паремиологических образах. В связи с этим отмечается факт соотносительности аварских гендерных паремиологических единиц с различными кодами культуры – с зооморфным, телесным, природным, вещно-предметным. Анализируются случаи символического использования ряда названий частей тела, ставших национально-культурными эталонами, определяются коннотативные возможности соматизмов в составе соответствующих паремиологических образов; характеризуются символические функции определительных компонентов, принимающих участие в формировании гендерных паремиологических образов.

L.A. Misieva. The Language Symbolism in the Avar Gender Phraseological Units. The article analyses the Avar gender phraseological units with language symbolism which mainly denotes the negative traits of character. The role of symbols in the Avar language and literature is understudied, especially in paroemiological and phraseological images. In this regard, the Avar gender paroemiological units relate with different culture codes – zoomorphic, corporal, natural, material and objective. The cases of symbolic usage of parts of the body which became national-cultural samples are also analyzed. The connotative possibilities of somatisms in paroemiological units are defined. The author characterizes the symbolic functions of denoting components, which form the gender paroemiological images.

Е.Н. Гуренчик. Опыт дискурс-анализа телевизионного выступления президента Франции в контексте террористического кризиса Проблема терроризма в наши дни занимает исключительно значимое место в СМИ (интернет-дискурсе, аудио- и видео-дискурсе, печатном дискурсе). Данный тип дискурса репрезентирован множеством публикаций, сфокусированных на конкретных событиях и персоналиях. Антитеррористический дискурс и его репрезентация в президентском

дискурсе – поле исследования данной статьи. Объект исследования – президентский дискурс Франции в ноябре 2015 года в ситуации, когда террористические действия практически переходят в военные, требуя введения в стране военного режима. Предмет исследования – дискурс-категории «время», «пространство», «тема», «роль» и «коммуникативный кортеж» в их репрезентации во фрейме дискурсии (дискурсивной практики). Эти категории, согласно исследовательской гипотезе, актуализируют и конкретные события кризисной ситуации и адресанта, репрезентируя его качества как ратора для мобилизации всех сил страны для победы и сохранения чести и достоинства перед лицом врага. Актуализация выбранных для анализа дискурс-категорий реконструируется с фокусом внимания на их развитие (конструирование тематической матрицы дискурсии) и вербальное маркирование (репрезентацию).

E.N. Gurenchik. The Experience of Discourse Analysis of the Television Speech by the President of France in the Context of the Terrorism Crisis. The terrorism problem is paid much attention to in mass media today (the internet, audio and video discourse, printed discourse). This discourse type is represented by various kinds of publications, focused on some certain events and people. The article's field of study is an antiterrorist discourse and its representation in the presidential discourse. The object of the research is the French presidential discourse of November, 2015 in the situation when terrorist acts nearly turn into military, requiring imposing the martial in the country. The subject of the research is discourse categories of «time», «space», «theme», «role», «communicative cortege» in their representation in the frame of discourse (discursive practice). These categories, according to the hypothesis of the research, foreground certain events of the crisis situation as well as the addressant, representing his qualities as a rhetorician for mobilization of all the country forces to win and to preserve honor and dignity in the face of the enemy. The foregrounding of the categories selected for the discourse analysis is reconstructed with attention to their development (the construction of a thematic matrix of discourse) and verbal marking (representation).

М.А. Широкова. Власть и свобода в мировоззрении А.С. Пушкина. В статье рассматривается место и роль А.С. Пушкина в истории русской культуры и политической мысли. Отмечена такая особенность русской картины мира, как «литературоцентризм» – первенство слова, доверие к слову. Как и у других русских писателей, в творчестве Пушкина присутствует нравственный идеал, но он не пытается чему-то научить, не конструирует идеальную модель, а просто показывает идеал в единстве формы и содержания. Далее в статье прослеживаются

основные этапы эволюции политических взглядов великого поэта: лицейско-петербургский период, период южной ссылки, период ссылки в Михайловское и период творческой зрелости в последнее десятилетие его жизни. Идеиная эволюция Пушкина представляет собой переход от либерализма и революционности к консерватизму и монархизму в сочетании с идеей личной свободы. Автор приходит к выводу, что в политическом мировоззрении Пушкина органично сочетались феномены власти и свободы. Поэту удалось «снять» диалектическое противоречие между ними, ставшее впоследствии одной из основных проблем отечественной литературы и философии.

M.A. Shirokova. Power and Freedom in the World View of A.S. Pushkin. The article discusses the place and role of A.S. Pushkin in the history of Russian culture and political thought. The author of the publication points to a specific feature of the Russian worldview, its «literature-centrism» – the primacy of the word, the trust in it. Pushkin's as well as other Russian writers' works present the moral ideal, but the poet does not try to teach, he does not construct the ideal model, he simply shows the ideal in the unity of form and content. The article also describes the main stages of evolution of the great poet's political views: lyceum-Petersburg period, the period of the southern exile, the period of the exile in Mikhailovskoe and the period of artistic maturity in the last decade of his life. Pushkin's ideological evolution is a transition from revolutionary liberalism to conservatism and monarchism in combination with the idea of personal freedom. The author concludes that Pushkin's political outlook naturally combined phenomena of power and freedom. The poet managed to «remove» the dialectical contradiction between them, which later became one of the main problems of Russian literature and philosophy.

М.П. Гребнева. Поэтика демонической темы в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим». Статья посвящена одному из ранних незавершенных романов М.Ю. Лермонтова – «Вадиму» (1833–1834). Она нацелена на поэтику демонической темы в нем, которая, как нам представляется, универсальна для всей русской литературы 10–30-х годов XIX века и, в частности, для творчества В.А. Жуковского и А.С. Пушкина. Мотивы смеха – слез, старости – молодости, кругообразного и линейного движения, вечера – утра, дня – ночи, тьмы – света, дороги – бездорожья входят в инвариантный комплекс поэтических приемов, в данном случае они позволяют по-новому взглянуть на произведение о народном восстании под руководством Е. Пугачева, на «романтическую поэму в прозе», а также подчеркнуть связи, которые существуют между прозой и поэмотворчеством М.Ю. Лермонтова, между романом

«Вадим» и редакциями поэмы «Демон». Кроме того, благодаря названным мотивам появляется возможность с новой стороны охарактеризовать главного героя, его сестру, священников, нищих, бунтовщиков.

M.P. Grebneva. The Poetics of Demonic Theme in the Novel by M.Y. Lermontov «Vadim». This article is devoted to one of the early unfinished novels by M.Y. Lermontov – «Vadim» (1833–1834). It focuses on the poetics of the demonic theme in the novel, which, we believe, is universal for all Russian literature of 10–30-s of the 19th century and, in particular, for the creative work by V.A. Zhukovsky and A.S. Pushkin. The motifs of laughter – tears, old age – youth, the circular and linear motion, evening – morning, day – night, darkness – light, road – off-road make up the invariant set of poetic techniques; in this case, they allow to take a fresh look at the work about the national uprising led by Pugachev, at «the romantic poem in prose», as well as to emphasize the connections that exist between prose and poem creation by M.Y. Lermontov, between the novel «Vadim» and editions of the poem «Demon». In addition, thanks to the mentioned motifs there is an opportunity to describe the main character, his sister, priests, beggars, rioters in a new way.

Ю.В. Кузина. Лингвокультурный типаж «рыцарь» в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz» и ее русскоязычных аналогах: опыт сопоставительного исследования. В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования, материалом для которого послужила сказочная повесть Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz» и ее русскоязычные аналоги – перевод С. Белова и литературная интерпретация А.М. Волкова. Данное исследование во многом базируется на теории лингвокультурных типажей, а разработанная нами методика исследования, нацеленная на выявление репрезентаций лингвокультурных типажей в персонажах литературного произведения, восходит к методике описания лингвокультурного типажа, предложенной В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой. В ходе исследования были выявлены лингвокультурные типажы и архетипические концепты, воплощенные в персонажах данного произведения и специфика их трансформации в русскоязычных аналогах сказочной повести. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных характеристик лингвокультурного типажа «рыцарь», репрезентацией которого является персонаж Трусливый Лев, и описанию трансформации данных черт в русскоязычных аналогах сказочной повести.

Y.V. Kuzina. Comparative Research of the Linguocultural Type the Knight in L.F. Baum's Fairy Story «The Wonderful Wizard of Oz» and its Russian Analogues. The article presents the results of the comparative

linguocultural research based on the fairy story by L.F. Baum «The Wonderful Wizard of Oz» and its Russian analogues – its translation by S. Belov and literary interpretation by A.M. Volkov. This study is largely based on the theory of linguocultural types. The research methodology we have developed is aimed at identifying the representations of the linguocultural types in the characters of literary works, and dates back to the method of description of the linguocultural types by V.I. Karasik and O.A. Dmitrieva. The study revealed the linguocultural types and archetypal concepts embodied in the characters of the fairy story as well as the peculiarities of their transformation in the Russian analogues of the literary work. This article considers the individual characteristics of the linguocultural type the Knight, represented in the Cowardly Lion character, and describes its transformation in the Russian analogues of the fairy tale.

С.С. Корчагин. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок». В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности перевода поликодовых текстов, обладающих рядом специфических характеристик. При этом транслатологический анализ и процесс комплексного смыслового синтезирования языковой и неязыковой аудиовизуальной информации исследуются автором как наиболее важные аспекты полноценного перевода семиотически осложненных текстов. Также актуальность исследования определяется тем, что оно обращено к главному вопросу многих гуманитарно-естественных наук о взаимоотношении языка и сознания. Представления об этих отношениях всегда носили дискуссионный характер, и их исход определялся приоритетными для того или иного времени парадигмами, в том числе и принимаемой научным сообществом точкой зрения на язык. Антропоцентризм современного языкознания обозначил новый подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, что предопределяет стремление исследователей обнаружить верифицируемые корреляции между оперативными единицами сознания и их языковыми знаками. Материалом транслатологического исследования послужили оригинальная и русскоязычная версии британского телесериала «Шерлок» Би-Би-Си (2010 год).

S.S. Korchagin. Specific Localization of On-screen Texts in the Original «Sherlock» Television Series and Their Russian Translations. The article covers some specific issues pertaining to translating multimode texts. The author argues that synthesizing complex verbal and non-verbal audiovisual information alongside with deep translational analysis may lead to high quality translation of polysemantic texts. Also the relevance of the study is determined by the fact that it involves one of the main questions of

humanities and natural science concerning language and consciousness correlation. The perceptions of this correlation have always been debatable and the outcome was determined by the priority paradigms for a particular time, including the concept of language adopted by the academic community. Anthropocentrism of modern linguistics outlined a new approach to language as a means of access to mental processes that determines the tendency for researchers to find verifiable correlation between the operational units of consciousness and their linguistic signs. The material of the study is based on the original and Russian versions of «Sherlock» TV series (BBC, 2010).

А.П. Кашкарева. Проблемы преподавания творчества Н.С. Лескова в школе и вузе (на примере повести «Леди Макбет Мценского уезда»). В статье рассматривается роль творчества Н.С. Лескова в современном филологическом образовании. Указывается, что художественное наследие автора необходимо для изучения в школе и вузе, поскольку обладает высоким духовно-нравственным потенциалом. Обозначены возможные проблемы, связанные с перспективой исключения творчества Н.С. Лескова из школьной программы, и как следствие – из курса русской литературы в высших учебных заведениях. Предлагается оригинальная методическая разработка, позволяющая организовать деятельность учеников школ, студентов вузов, которая будет направлена на постижение особенностей творчества русского писателя, понимания мировоззрения Лескова. Материалом для рассмотрения стала не только повесть Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», но и статья автора 1860-х годов «Русские женщины и эмансипация». Комплексное изучение наследия Лескова позволит ученикам и студентам аргументированно рассуждать о творческих интенциях автора.

A.P. Kashkareva. The Problems of Teaching N.S. Leskov's Creative work at School and University (based on «Lady Macbeth of Mtsensk»). The article considers the role of N.S. Leskov's creative work in modern philological education. It points out that the author's artistic heritage must be studied at school and university, because it has big spiritual and moral value. The article touches upon the problems connected with the exclusion of Leskov's books from school syllabus as well as from university syllabus. The author of the article gives some teaching techniques to discuss N.S. Leskov's creative work and to understand his philosophy. The author of the article also used N.S. Leskov's article of 1860 «Russian women and emancipation». The comprehensive study of Leskov's heritage will allow pupils and students to understand his creative intentions.

НАШИ АВТОРЫ

- АБДЫЖАПАРОВА,
Марина
Илларионовна** – доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: mabdyzharova@mail.ru
- АНДРЕЕВА,
Светлана
Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: svandreeva@rambler.ru
- ВОРОНКИНА,
Маргарита
Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент Донского государственного технического университета.
E-mail: voronkina_m@mail.ru
- ГРЕБНЕВА,
Марина
Павловна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: grmarinagr@mail.ru
- ГУРЕНЧИК,
Екатерина
Николаевна** – аспирант Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).
E-mail: katenka0704@rambler.ru
- ДАНИЛОВА,
Наталья
Ксенофонтовна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск).
E-mail: Tachika@mail.ru

**ДОРОНИНА,
Светлана
Валерьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: doroninasv73@mail.ru

**КАШКАРЕВА,
Алена
Петровна**

– преподаватель Сургутского государственного
педагогического университета.
E-mail: alynocka_6@mail.ru

**КОЗЛОВСКАЯ,
Наталья
Витальевна**

– кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург).
E-mail: saga@kodeks.com

**КОРЧАГИН,
Сергей
Сергеевич**

– аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: flash.onrela@mail.ru

**КОЧКИНЕКОВА,
Алена
Васильевна**

– кандидат филологических наук, старший
преподаватель Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: alenavk203@mail.ru

**КУЗИНА
Юлия
Викторовна**

– старший преподаватель
Уральского государственного педагогического
университета (Екатеринбург).
E-mail: kuzina85@mail.ru

**МЕХЕДА,
Марина
Ивановна**

– кандидат филологических наук (Тюмень).
E-mail: mmekheda@mail.ru

**МИСИЕВА,
Луиза
Ахмедовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Дагестанского государственного университета
(Махачкала).
E-mail: luizaah_83@mail.ru

- ПОЗДНЯКОВА,
Елена
Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: helena_poz@mail.ru
- СИНЕГУБОВА,
Капитолина
Валерьевна** – кандидат филологических наук, старший
преподаватель Кемеровского государственного
университета.
E-mail: sinegubova@nextmail.ru
- ФАРАФОНОВА,
Оксана
Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент
Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: oxana.faroks@yandex.ru
- ФЕДОСОВА,
Татьяна
Викторовна** – доцент Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: tatyana.fedosova@gmail.com
- ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна** – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru
- ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич** – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru
- ШИРОКОВА,
Марина
Алексеевна** – доктор философских наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 01.03.2017. Подписано в печать 07.03.2017. Дата выхода издания в свет 10.03.2017. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 29.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2017

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Клинк Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номер телефона / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно)**. 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.